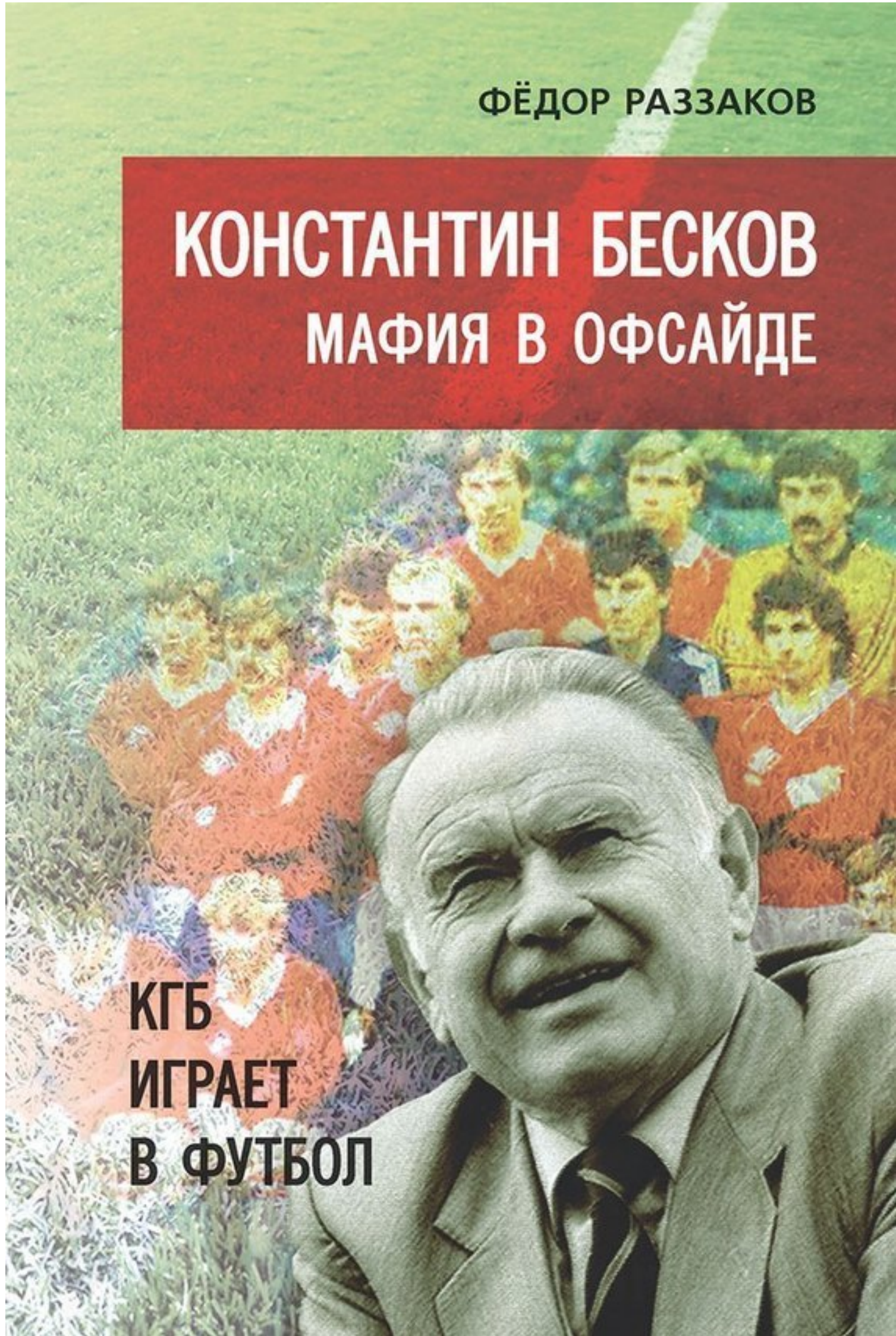

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

КОНСТАНТИН БЕСКОВ

МАФИЯ В ОФСАЙДЕ

КГБ
ИГРАЕТ
В ФУТБОЛ

Федор Раззаков

**Константин Бесков. Мафия в
офсайте. КГБ играет в футбол**

«Книжный мир»

2017

Раззаков Ф. И.

Константин Бесков. Мафия в офсайде. КГБ играет в футбол
/ Ф. И. Раззаков — «Книжный мир», 2017

ISBN 978-5-8041-0883-1

Тысячи книг написаны о советском футболе, однако книгу, которую читатель держит в своих руках, можно назвать уникальной – такой еще точно не было. Она показывает советский футбол не только с фасада, но и заглядывает за его кулисы. На страницах книги мы увидим и членов ЦК, которые сделали любимую миллионами игру орудием в своих подковерных схватках, и всесоюзную мафию, сложившуюся вокруг подпольного футбольного тотализатора, и интриги ФИФА против советского футбола, и покушение на генсека Леонида Брежнева. Несмотря на то, что Юрий Андропов включается в борьбу с футбольной мафией, украинская группировка в ЦК КПСС активно ему противостоит, и всесильный председатель КГБ СССР мало что может сделать... Но главный герой этой книги – советский футбол и лучшие его представители, футболисты и тренеры, такие как Константин Бесков. Эта книга известного российского писателя Фёдора Раззакова, несомненно, лучшее произведение автора, в котором органично сплелись политика и спорт, детектив и шпионский роман. Она доставит истинное наслаждение и любителям футбола, и любителям остросюжетного жанра, цепко схватит читателя и не отпустит до самого конца.

ISBN 978-5-8041-0883-1

© Раззаков Ф. И., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Фёдор Раззаков
Константин Бесков: мафия в
офсайте. КГБ играет в футбол

© Раззаков Ф.И., 2017

© Книжный мир, 2017

Великому советскому футболу посвящается

Предисловие

Тысячи книг написаны о советском футболе и столько же будет написано еще. Однако книгу, которую читатель держит в своих руках, можно смело назвать уникальной – такой еще не было. Она показывает советский футбол не только с фасада, но и заглядывает за его кулисы, раскрывая секреты «тайной дипломатии» – интриги спецслужб и партийной номенклатуры, которые всегда активно участвовали в управлении игрой, любимой миллионами. События этого захватывающего футбольного детектива охватывают период с сентября 1973-го по июль 1974 года, когда интриги внутреннего чемпионата СССР тесно переплелись с интригами на международной арене – атакой ФИФА на советский футбол после переворота в Чили. И КГБ СССР во главе с Юрием Андроповым пришлось активно впрягаться в эту ситуацию. А тут еще внутри союзного чемпионата вскрылись весьма неблагоприятные дела, связанные с существованием разветвленной сети подпольного тотализатора, опутавшего крупнейшие города страны, где проходили матчи чемпионата СССР, в котором в непримиримой схватке сошлись лидеры – ереванский «Арарат», киевское и московское «Динамо». В подпольную сеть оказались вовлечены не только высокопоставленные чиновники от КПСС и спорта, торгующие играми ради баснословных барышей, но и уголовные авторитеты. И одной из первых жертв этого «черного бизнеса» был Константин Бесков, теперь назначенный новым тренером сборной СССР, вместо прежнего – снятого с поста после чилийских событий. Новому тренеру предстояло собрать новую сборную, выдержать натиск недоброжелателей из высоких кабинетов и «обкатать» команду на международном турнире, проходящем в братской Польше. И тут с самого «верха» Бескову внезапно поступает распоряжение проиграть финальный матч турнира полякам, исходя из политической целесообразности – чтобы не портить праздник братьям по соцлагерю. Но принципиальный тренер решает идти ва-банк, невзирая на последствия...

Часть первая

Преступник сидит на стадионе имени Ленина

**27 сентября 1973 года, четверг, Москва, площадь
Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова**

Сидя в кресле и слушая доклад начальника внешней разведки Федора Мортина, Юрий Андропов взглянул на часы, висевшие на стене – они показывали 14.10. До заседания Политбюро в здании Дома правительства в Кремле оставалось еще достаточно времени – почти два часа. И учитывая, что ехать туда с Лубянки было всего-то ничего – от силы десять минут, то можно было не беспокоиться. Сегодняшнее заседание было посвящено ситуации в Чили. Две недели назад там произошел военный переворот, к власти пришла хунта во главе с генералом Пиночетом, поэтому любая свежая информация из этой страны чрезвычайно интересовала как Брежнев, так и остальных членов Политбюро. У шефа КГБ такая информация была – она приходила к нему чуть ли не ежечасно. Вот и этот день не стал исключением. Придя к нему на доклад, Мартин сразу же выложил чрезвычайно важную информацию – сегодня в Сантьяго был арестован лидер чилийских коммунистов, друг Брежнева Луис Корвалан.

– Ищейки из СИФА, разведки ВВС, выследили его на конспиративной квартире, – сообщил Мартин. – Люди, которые отвечают за систему безопасности в чилийской компартии, проявили элементарную беспечность – озаботились поиском конспиративных квартир только за пару недель до переворота, будучи убежденными в том, что его попросту не будет. Более того, конспиративную квартиру для товарища Лучо они выбрали в паре сотне метров от его дома! Эта беспечность привела к тому, что лидера компартии Чили так быстро арестовали.

– Видимо, они рассчитывали на то, что ищейки из СИФА будут искать Лучо где угодно, но только не рядом с его домом, – высказал свое предположение Андропов. – Но они ошиблись.

– Иначе и быть не могло, поскольку, по нашим данным, к этой квартире товарищ Лучо направлялся в день переворота без какой-либо конспирации среди бела дня. В итоге его наверняка видели сотни посторонних глаз. А ведь мы в свое время предлагали им свою помощь в деле создания надежной системы безопасности для их лидеров, но они от наших услуг отказались.

Андропов не стал развивать эту тему, но про себя подумал: «Надо будет напомнить сегодня Брежневу об этом, когда он заведет речь о том, почему Корвалана так быстро схватили».

– Где сейчас находится товарищ Лучо известно? – спросил Андропов.

– Его держат в тюрьме «Вилья Гримальди» в Сантьяго и пока неизвестно, что с ним собираются делать дальше. Но мы по своим каналам дали знать руководству чилийских спецслужб, что если с головы Корвалана упадет хотя бы один волос, они об этом пожалеют. Об этом же их уведомили и наши дипломатические службы.

– Полагаю, Пиночет и без наших угроз понимает, что ликвидировать Корвалана ему пока не с руки, – заметил Андропов.

Он знал, что Брежнев, узнав об этом аресте, наверняка будет сильно расстроен и потребует приложить максимум усилий к тому, чтобы его друга поскорее отпустили на свободу. Другое дело, какую цену затребует за это освобождение хунта. Впрочем, не факт, что его

вообще захотят выпустить. Ведь несколько дней назад тот же Мартин докладывал Андропову о том, что в Сантьяго был обнаружен труп видного чилийского коммуниста, певца и композитора Виктора Хары. Его обезображенное тело нашли на одной из улиц чилийской столицы. У певца были сломаны ребра, изуродованы руки (ведь именно ими он писал свои знаменитые песни), проломлен череп, а кости переломаны в тридцати местах. Погиб же Хара от огнестрельных ранений, которых на его теле насчитали не один десяток. Судя по той информации, которой располагал КГБ, певца убили на стадионе «Насьональ де Чили», который в первые дни переворота был превращен хунтой в концентрационный лагерь. Вспомнив об этом, Андропов спросил у докладчика:

– А что происходит на стадионе в Сантьяго, Федор Константинович?

– Он по-прежнему используется как концлагерь. Но, полагаю, к концу ноября его постараются привести в надлежащий вид.

Андропов без лишних слов понял, почему Мартин указал именно эти сроки. Дело в том, что 21 ноября на стадионе «Насьональ де Чили» должен был состояться ответный матч отборочного цикла чемпионата мира по футболу между сборными Чили и Советского Союза. Причем первая игра между этими командами прошла вчера, 26 сентября, в Москве, на стадионе имени В.И. Ленина в Лужниках в присутствии почти 50 тысяч зрителей. Советское телевидение эту игру не транслировало в виду все тех же событий в Чили. Более того, этот матч и в новостных сообщениях стоял в самом конце, чтобы лишний раз не заострять на нем внимания. Впрочем, Андропов, вместе с Брежневым, присутствовал на этой игре и видел ее воочию, получив с генсеком огромную порцию... разочарования.

Ретроспекция. 26 сентября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В.И. Ленина, матч СССР – Чили

Кортеж из правительственных «Чаяк» подъехал к стадиону в тот момент, когда игра уже началась. Отправляясь на игру, Брежнев решил, что будет лучше не привлекать к своему приезду лишнего внимания, поэтому в ложе гостей он объявился на 5-й минуте игры. Счет на табло был 0:0. Здесь уже находился бывший председатель Федерации футбола СССР и нынешний первый вице-президент ФИФА Валентин Гранаткин, которого генсек специально вызвал на матч, чтобы в процессе его просмотра поговорить о ситуации, которая может сложиться в ФИФА из-за событий в Чили и участия в отборочных играх советской и чилийской сборных.

– Ну, что тут происходит, Валентин? – спросил у Гранаткина Брежнев, усаживаясь на стул.

– Наши уже пять минут атакуют, закрыв чилийцев в их зоне, – ответил чиновник, занимая место рядом с генсеком. – Сначала Онищенко сделал отличную верховую передачу в штрафную, но Долматов и Андреасян помешали друг другу, и прицельного удара не получилось. А потом к чилийским воротам прорвался Блохин, с ходу ударил, но вратарь отбил мяч в сторону. Первым возле него оказался Мунтян, он тоже с ходу пробил, но защита чилийцев оказалась на месте.

– А вообще, что ты думаешь на этот счет – выиграют наши сегодня или проиграют? – доставая из кармана своего плаща пачку сигарет «Новость», вновь спросил Брежнев.

– О проигрыше даже речи не идет – только победа, – голосом, полным уверенности ответил Гранаткин.

– Но если мы выиграем, где второй матч играть будем – неужели в Чили, на стадионе, который превратили в концлагерь? – закулив сигарету, продолжал свой допрос Брежнев.

– Ни в коем случае, Леонид Ильич – будет настаивать на нейтральном поле.

– А шансы на это у нас есть?

– Несомненно, – все так же уверенно отвечал Гранаткин.

Выпустив дым из рта, генсек повернул голову к Андропову, сидевшему по левую руку от него, и спросил:

– А ты что по этому поводу думаешь, Юрий?

– Думаю, что Валентин Александрович немного самонадеян, – глядя на очередную атаку советских футболистов, ответил Андропов. – Глава ФИФА Стэнли Роуз будет из кожи лезть, лишь бы лишить нас возможности попасть на чемпионат мира. Во всяком случае, об этом информируют мои источники из Цюриха. А при таком раскладе он будет настаивать на том, чтобы ответная игра проводилась именно в Сантьяго.

– А в чем интерес у этого англичанина? – продолжал вопрошать Брежнев, не выпуская сигарету из рук.

– Во-первых, через полгода будут его перевыборы, а перенос матча из Чили в другую страну грозит Роузу потерей голосов латиноамериканцев. Во-вторых, в ФИФА многие хотят, чтобы наша страна осталась за бортом мирового чемпионата, поскольку в таком случае с нами могут солидаризироваться и сборные из других социалистических стран – Польши, ГДР и Болгарии. И их место займут другие команды, которые не смогли пройти сквозь сито отборочного турнира. Среди них – родная для Роуза команда Англии, которая не сумела одолеть польскую сборную.

– Мне кажется, Юрий Владимирович сгущает краски, – подал голос Гранаткин. – Я хорошо знаю Роуза и могу сказать однозначно – он побоится обострять ситуацию. Тем более я собираюсь на днях вылететь в ряд стран и попытаюсь заручиться поддержкой их представителей в ФИФА.

– Какие страны ты имеешь в виду? – спросил Брежнев.

– Упомянутые здесь Болгарию и ГДР, а также Голландию, Швецию, Данию, Бельгию и ряд других. Они будут на нашей стороне. К тому же, Роуз уже однажды принимал решение о переносе игры на нейтральное поле. Я имею в виду ситуацию с отборочным матчем чемпионата мира между Северной Ирландией и Болгарией. Тогда в связи с беспорядками и введением комендантского часа в Белфасте игра была перенесена в Шеффилд.

– Что скажешь, Юрий? – вновь повернулся к шефу КГБ Брежнев.

– Скажу, что Шеффилд – это Англия. И перенося туда игру, Роуз прекрасно отдавал себе отчет, что ирландцам играть там так же комфортно, как и у себя на родине. А во-вторых, есть пример и другого рода. Помните, в 1968 году, после событий в Чехословакии, УЕФА без всяких на то причин провело повторную жеребьевку европейских клубных турниров, где искусственно свело в пары представителей социалистического лагеря? Из-за этого футбольные федерации СССР, ГДР, Венгрии, Польши и Болгарии сняли свои клубы из соревнований. Роуз мог вмешаться в эту ситуацию, но палец о палец не ударил. Думаю, точно так же он поступит и в этот раз – будет вести дело к нашей дисквалификации.

В это время на зеленом газоне возникла очередная опасная ситуация у ворот чилийцев. Блохин обошел сразу нескольких соперников и нанес сильный удар с близкого расстояния. Но мяч угодил в штангу.

– Е... твою мать! – вскочил со своего места Брежнев, едва не выронив из рук сигарету.

Спустя минуту, когда страсти на поле улеглись и игра вновь вошла размеренное русло, генсек спросил у Андропова:

– А когда, ты говоришь, будут эти перевыборы?

– В мае.

– Может, скинуть, к чертовой матери, этого англичанина? – предложил Брежнев. – Ты как на это смотришь, Валентин?

Гранаткин в ответ пожал плечами, явно не готовый к такому повороту в разговоре.

– Тебе что, жалко Роуза? – продолжал допытываться генсек. – Он уже сколько президентствует?

– Тринадцать лет, – ответил Гранаткин.

– Ну и хватит с него, – вдавив сигарету в пепельницу, произнес Брежнев. – Он, кстати, и бровью не повел, когда на последнем чемпионате мира наших засудили в матче с уругвайцами. Теперь вот, может, будет играть против нас в ситуации с чилийцами. У нас есть на его место подходящая кандидатура?

Вопрос адресовался к обоим собеседникам генсека. Но ответил первым Андропов:

– Бразилец Жоан Авеланж наиболее приемлемая кандидатура. За ним стоит семейство немецких бизнесменов Дасслеров, а к ним у нас есть определенные подходы.

– Это те, что выпускают спортивные товары? – спросил Брежнев. – Хорошие ребята – я в их костюме иногда на даче гуляю. Удобная одежда.

– Они для нас и люди удобные, – поддержал генсека шеф КГБ.

– Мне кажется, мы несколько забегаем вперед, – вновь подал голос Гранаткин. – Я не против смены Роуза на более лояльного нам человека, но сегодняшняя ситуация еще до конца не прояснилась. Наши наступают и рано или поздно забьют чилийцам гол. А то и все четыре. А при счете 4:0 мы можем смело не являться на ответную игру, если Роуз и его сторонники не захотят перенести ее из Сантьяго на нейтральное поле. Ведь по регламенту за неявку команде засчитывается поражение 3:0.

– Неужели вы верите в то, что наши сегодня забьют четыре безответных мяча? – искренне удивился Андропов, обращаясь к Гранаткину. – Да они, насколько я вижу, даже один гол забить не в состоянии, хотя с начала матча прошло уже почти сорок минут.

– А ведь Юрий прав, – поддержал шефа КГБ Брежнев. – Не идет сегодня игра у наших. Так себе команду собрал Горянский. Закончили играть Яшин, Шестернев, Хурцилава, а новички пока до их уровня не дотягивают. Разве что Блохин с Мунтяном что-то сделать попытаются.

– Забыли еще Анатолия Кожемякина отметить, – добавил к этому списку игроков еще одну фамилию Андропов.

Этот футболист московского «Динамо» считался одним из самых перспективных молодых игроков в советском футболе и в этом сезоне уже забил 13 мячей. В матче против чилийцев он вышел на поле на 30-й минуте, заменив ереванца Аркадия Андреасяна. Однако и у этого рослого нападающего (рост 180 сантиметров) никак не получалось «распечатать» ворота чилийцев. А во втором периоде в сборной СССР на поле вышел (вместо Олега Долматова) четвертый нападающий – Владимир Гуцаев, который занял свое привычное место на правом фланге атаки. Заметив это, Брежнев с надеждой в голосе произнес:

– Надеюсь, с четырьмя форвардами наши сумеют распечатать ворота чилийцев.

Однако даже после этого сюжет игры мало изменился. Гости продолжали всей командой обороняться, а советские футболисты никак не могли взломать их оборону. И, несмотря на то, что к атакам часто подключались защитники Фоменко, Ловчев, а изредка даже Капличный и Дзодзуашвили, однако за весь второй тайм советская сборная создала всего лишь два опасных момента. В первом участвовали Блохин и Кожемякин, но удар последнего парировал вратарь гостей Хуан Оливерес – герой матча. А спустя несколько минут последовал смелый рейд защитника Евгения Ловчева, который ворвался в штрафную площадь соперников. Но мяч в последний момент выбили защитники гостей.

– Да забьют они наконец или нет? – в сердцах восклицал Брежнев, доставая из пачки очередную сигарету.

В один из моментов, когда советская атака в очередной раз захлебнулась, генсек обратил свой взор на Гранаткина и спросил:

– А сколько наши футболисты зарабатывают?

По лицу футбольного начальника было видно, что этот вопрос застал его врасплох.

– В каком смысле? – спросил он у генсека.

– В смысле, сколько им полагается за сегодняшнюю игру?

– Это официальный матч, значит, за победу они получают 300 рублей, а за ничейный результат в два раза меньше.

– Сто пятьдесят целковых за это позорище? – воскликнул Брежнев. – Средняя зарплата инженера за месяц! Нет, Юрий, ты посмотри, что делается – совсем обнаглели.

И Брежнев в очередной раз вдавил недокуренную сигарету в пепельницу. К этому моменту в ней уже накопилась груда окурков, поэтому генсек, увидев это, передал пепельницу охраннику, сидевшему у него за спиной, чтобы тот выбросил мусор в урну.

– А сколько они получают за игры внутреннего чемпионата? – продолжал любопытствовать Брежнев.

– У всех команд по-разному, но в среднем набегает 160 рублей за игру, – ответил Гранаткин.

– Плюс они еще играют коммерческие матчи – ездят с товарищескими играми по разным колхозам, – сделал дополнение к этим словам Андропов. – Там за каждую игру им могут заплатить от 200 до 250 рублей.

– Это редко случается, Юрий Владимирович, – внес свою поправку Гранаткин.

– Может, это было редкостью в вашу бытность главой Федерации футбола, Валентин Александрович, а сегодня стало нормой, – продолжал наступать Андропов. – Например, всего лишь четыре дня назад наша сборная ездила в Калинин.

– А что они там потеряли? – удивился Брежнев и обратил свой взор на Гранаткина.

– Насколько я знаю, они играли товарищеский матч с местной «Волгой», – ответил чиновник.

– И каков результат?

– Выиграли 5:1.

– Сколько за эту победу получили? – продолжал спрашивать генсек.

– Сто рублей на каждого участника.

– С ума сойти! И где эта «Волга» играет?

– Во Второй лиге, вторая зона.

– Какое место на данный момент занимает? – не унимался Брежнев.

– Пятое.

– Теперь понятно, почему сегодня эти сборники не могут победить чилийцев. Потому что перед этим оттачивали свое мастерство не с сильным соперником, а с заведомо слабым. У вас что, посильнее команды не нашлось?

– Извините, Леонид Ильич, но у вас неверное представление о такого рода матчах, – по-прежнему сохраняя спокойствие, отвечал Гранаткин. – Игры со слабыми соперниками позволяют опробовать новые тактические схемы, наиграть определенные связи, дать шанс новичкам проявить себя. В таких матчах можно экспериментировать. В противостоянии с сильным соперником сделать это гораздо сложнее.

– И какую тактическую схему опробовали наши футболисты с «Волгой», если они сегодня чилийцев одолеть не могут? – поинтересовался генсек.

И, видя, как стушевался чиновник, Брежнев продолжил:

– Вот видишь, тебе нечего сказать в защиту твоих подчиненных.

– Леонид Ильич, я уже год, как не руковожу Федерацией, – напомнил генсеку о своем сегодняшнем статусе Гранаткин. – Глава Федерации – Борис Федосов, а управлением футбола в Спорткомитете руководит Леонард Земченко.

– Они сегодня на матче? – поинтересовался Брежнев.

– Сидят внизу в гостевой ложе. Позвать? – и Гранаткин уже собирался было встать со своего места.

– Не надо, – удержал его генсек. – Мы в Политбюро ночами не спим, головы на заседаниях ломаем в связи с переворотом в Чили, а наше футбольное начальство и в ус не дует. Сегодня на этом поле их архаровцы должны были костями лечь, но выиграть у чилийцев, чтобы не дать лишний козырь в руки Пиночета. А мы что видим? Короче, Валентин, передай им мои слова: херней они у себя занимаются, а не делом.

Сказав это, Брежнев резко поднялся со своего места и, несмотря на то, что до конца игры оставалось чуть больше трех минут, направился к выходу. Было видно, что он расстроен увиденным, но обсуждать это ни с кем не намерен. А игра так и закончилась нулевой ничьей, что для сборной СССР было равносильно поражению.

27 сентября 1973 года, четверг, Чили, Сантьяго, дом на Авенида Гресия

В середине дня красная «Ренолета» припарковалась у подъезда пятиэтажного дома на Авенида Гресия. Из нее вышел уса́тый мужчина средних лет в матросском пиджаке, внимательно огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, вошел в подъезд дома. Это был Мигель Энрикес – 30-летний Генеральный секретарь (с 1967 года) организации MIR (Movimiento de Izquierda Revolucionaria – Левое Революционное Движение). После свержения Альенде в Чили начались облавы на коммунистов любого толка – от революционных ленинистов-геваристов до членов просоветской КПЧ во главе с Луисом Корваланом, которого арестовали 26 сентября. В результате в условиях тотальных репрессий только MIR сумело оперативно организовать вооруженное сопротивление пиночетовской хунте. В то время как все чилийцы находились в шоке от случившегося переворота, Мигель Энрикес распространил по стране дерзкий слоган: «MIR не сдался!», чтобы дать толчок к организации в Чили вооружённого сопротивления диктатуре. По словам генсека MIR: «Мы остались в Чили для реорганизации массового движения, для объединения всейлевой оппозиции и всех секторов, готовых к борьбе с диктатурой горилл, для подготовки затяжной революционной войны, посредством которой диктатуре будет нанесено поражение, для взятия власти после свержения хунты, для установления рабоче-крестьянского справедливого правительства».

Вообще группировка MIR была создана 15 августа 1965 студенческими лидерами Университета Концепсьона и членами местных марксистских, троцкистских и анархистских организаций. Спустя два года, на очередном конгрессе, была принята стратегия вооруженной борьбы. Однако с приходом к власти в 1970 году Народного союза Сальвадора Альенде MIR прекращает временно борьбу и взаимодействует с новым левым правительством. Мигель Энрикес становится министром образования в правительстве Альенде. Но затем грянул сентябрьский путч и MIR вынужден был снова взяться за оружие. Группировка ушла в подполье, поскольку хунта объявила ее вне закона и силами карабинеров и СИФА развернула настоящую охоту за ее участниками, которых на сентябрь 1973 года насчитывалось порядка 15 тысяч человек.

Поднявшись на нужный этаж, Энрикес подошел к одной из дверей и вместо того, чтобы позвонить, произвел условный стук костяшками пальцев. Спустя несколько секунд дверь открылась – на пороге стояла подруга генсека Кармен Кастильо. Поцеловав ее в щеку, Энрикес зашел в квартиру и проследовал в одну из комнат, где его дожидались руководители ячеек MIR, чтобы вместе с ним наметить стратегию будущей борьбы с пиночетовской хунтой. Однако еще идя по коридору, гость слышал возбужденные голоса своих соратников, которые спорили о политике и... футболе. А точнее – о вчерашнем матче в Москве между

сборными СССР и Чили. Энрикес уже знал о его результате, успев прочитать о нем в газете «Эль Меркурио».

– Наши ребята спокойно могли уступить русским эту игру, учитывая то, что произошло в Чили, – узнал Энрикес голос Альваро Молина, который руководил северной ячейкой MIR. – Но они этого не сделали. А знаете почему? Они ненавидят русских больше, чем хунту, которую они, видимо, горят желанием представлять на будущем чемпионате мира.

– С чего ты это взял? – в этом вопрошающем Энрикес узнал руководителя южной ячейкой Антонио Антекера.

– А с того, что русские отказались давать Альенде займы, когда он в прошлом году приезжал в Москву. Ты разве не знаешь об этой поездке и о ее результатах, Антонио? Если бы Брежнев тогда помог нашему президенту, то никакого переворота бы не случилось. Но Брежнев отказал, потому что он сговорился с американцами.

– Что ты несешь, Альваро? – это уже был голос еще одного «миристас» – Серхио Карреньо.

К этому моменту Энрикес уже почти миновал коридор, однако решил пока не заходить в комнату, чтобы не прерывать дискуссию. Вместо этого он прислонился спиной к стене и стал внимательно слушать спор своих соратников.

– Об этом сговоре мне еще три года назад рассказал один кубинец – телохранитель команданте Фиделя, – продолжал свою речь Молина. – Я дважды говорил об этом на наших совещаниях, но ты, Серхио, видимо на них отсутствовал, если задаешь мне этот вопрос. Речь идет о сговоре после «Карибского кризиса». Тогда американцы и русские договорились о разделе своих интересов в Латинской Америке. Американцы обязались не трогать Кубу, а русские пообещали не поддерживать революционное движение в других странах нашего региона. Вот почему они сдали Альенде, хотя прекрасно понимали, что этот переворот устроили именно янки. Поэтому я всегда считал, что Брежнев – предатель. Он никакой не ленинец, а ставленник мирового капитала.

– Советы первыми осудили хунту Пиночета, – вновь подал голос Антекера.

– Потому что это позволяет им и дальше строить из себя лидера мирового коммунистического движения, – не унимался Молина. – Вспомни, что они сделали с Чехословакией, когда она попыталась хотя бы чуточку стать независимой – ввели туда танки. Мы тогда на своем чрезвычайном съезде осудили это вторжение, из-за чего тут же превратились для русских во врагов. Они ненавидели Альенде так же, как и Дубчека, поскольку они оба проводили собственную политику. И сейчас, когда Альенде мертв, в Москве только радуются этому, но делают вид, будто для них это вселенская трагедия. Просто на этом перевороте они хотят заработать очередные дивиденды, чтобы продолжать обманывать весь мир относительно своей истинной позиции.

– Кроме слов этого телохранителя у тебя нет ни одного факта, который уличил бы Советы в нечестной игре, – вновь вступил в разговор Карреньо.

– Открой глаза, Серхио! – взвился Молина. – В прошлом году в Москву приезжал президент США, а в этом году сам Брежнев посетил Америку с ответным визитом. Они заключили соглашение о разделе мира, а с врагом таких договоров не заключают. Ты думаешь, что американцы дураки? Они потому и пошли на этот сговор, что не видят в Брежневе никакого врага. Он возглавляет вовсе не коммунистическую партию, а партию самого буржуазного толка. Ленин сейчас в Мавзолее устал переворачиваться от всего происходящего. Помани мое слово, если завтра, к примеру, на Западе случится экономический кризис, то первыми ему протянет руку помощи именно Советы.

– И что ты предлагаешь? – задал Карреньо вопрос, который, судя по всему, вертелся у него на языке с самого начала этого спора.

– Надо убрать Брежнева, – коротко ответил Молина.

После этого в квартире наступила тишина, которая свидетельствовала о том, что это заявление произвело на всех присутствующих шоковое впечатление.

– Ты что, перебрал с писко? – первым нарушил тишину Антекера.

– Я абсолютно трезв, – ответил Молина. – Просто я мыслю глобально, в отличие от нашего генсека.

Услышав упоминание о себе, Энрикес счел правильным больше не прятаться, а выйти к своим соратникам. Когда он возник на пороге, все присутствующие встали, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и поздороваться за руку. Сделал это и Молина.

Усевшись на свободный стул и положив руки на стол, Энрикес спросил:

– Так в чем твое мышление, Альваро, отличается от моего?

Прежде чем ответить, Молина обвел всех присутствующих взглядом, и только после этого ответил:

– Я считаю, что действовать надо глобально. От того, что мы убьем Пиночета или кого-то из его преданных псов-генералов, ситуация в Чили не изменится – вместо них тут же назначат других. За спиной хунты стоят американцы, значить бить надо по ним. Но все дело в том, что их президент Никсон – это хромая утка. Его дни как руководителя сочтены из-за скандала в Уотергейте. Значит, надо ударить по союзникам американцев – Советам. Это они вместе с янки поделили весь мир и ведут дело к буржуазной реставрации в масштабах всего человечества. Брежнев – вот кто должен быть нашей главной целью.

– Ты собираешься его убить? – прямо спросил Энрикес.

– Именно, Мигель. Если это произойдет, то в Кремле к власти могут придти военные во главе с Гречко, которого поддержат Шелепин и Подгорный. А они могут пересмотреть стратегию Брежнева по превращению компартии в буржуазную. Начнется конфронтация с Западом, прежде всего с Америкой, которая нам только на руку. Будет разорвано соглашение русских с янки по поводу невмешательства Советов в дела Латинской Америки и это привлечет к нам миллионы сторонников, а не только кубинцев.

– А если в Кремле победят не военные, а люди, которые выступают в одном блоке с Брежневым? – продолжал задавать вопросы Энрикес. – Ты представляешь, какой козырь они получат, узнав, кто стоит за убийством их генсека? Против нас объединятся не только здешняя СИФА, но те же кубинцы, чилийская компартия и все остальные. От нас мокрого места не останется.

– Ты боишься умереть, Мигель? – не скрывая своего удивления, спросил Молина.

– Я боюсь только одного – бессмысленной смерти, – глядя прямо в глаза своему собеседнику, ответил Энрикес. – Твои глобальные проекты больше похожи на прожекты. Вместо того, чтобы сосредоточить свои силы на борьбе с хунтой, ты пытаешься толкнуть нас на мировую авантюру.

– Значит, я, по твоему мнению, прожектер? – Молина вскочил со своего места, явно оскорбленный словами генсека.

– Вот именно, – все тем же спокойным голосом ответил Энрикес. – Я не хуже твоего знаю, в кого превратились советские коммунисты с тех пор, как умер Сталин. Об этом говорил команданте Че, когда в 65-м году побывал в Москве. Но на данном этапе Советы являются нашими союзниками, а не врагами. С их помощью мы должны одолеть хунту, а уже потом думать о том, стоит нам поддерживать Брежнева или не стоит.

– Да ты глупец, Мигель! Брежнев предал не только Альенде, но и команданте Че тоже. Ты думаешь, боливийцы сами обнаружили его отряд у себя в тылу? Его выдали Советы, которым Че был, как кость в горле. Поэтому, что стоит Брежневу теперь предать и нас? Тем более после того, как мы не поддержали ввод его войск в Чехословакию! С кем ты хочешь объединиться?

Вместо ответа Энрикес обвел взглядом своих соратников и внезапно предложил:

– Чтобы закончить эту дискуссию, я предлагаю всем сидящим здесь проголосовать. Кто поддерживает точку зрения Молины?

Этот вопрос не заставил подняться вверх ни одну руку.

– Кто поддерживает меня? – спросил Энрикес.

Руки вверх подняли все, кто находился в комнате.

Даже стоявшая в дверях Кармен Кастильо присоединилась к голосовавшим.

– Вы все слепцы, которых история обязательно накажет, – обведя своих соратников взглядом, полным презрения, произнес Молина. – С этого момента мне и моим людям больше нет смысла делить с вами один кусок хлеба. Мы выходим из движения и продолжим свою борьбу самостоятельно.

Произнеся это, Молина вышел из комнаты. Причем так быстро, что едва не сбил с ног хрупкую Кармен.

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Лесная улица, 6, Центральный совет общества «Динамо»

Константин Бесков поднял трубку телефонного аппарата и услышал на другом конце провода голос председателя ЦС «Динамо» Петра Богданова, который был краток:

– Добрый день, Константин Иванович. Через полчаса жду вас у себя.

Бесков ждал этого звонка. Позавчера он вернулся из служебной командировки, денек отдохнул и сегодня, придя на работу, стал готовиться к встрече с председателем. Несмотря на то, что тот совсем недавно возглавил ЦС «Динамо», однако уже успел приучить всех своих сотрудников к тому, чтобы они, возвращаясь из инспекционных поездок по стране, были готовы сразу прийти к нему на доклад. А Бесков, став в конце прошлого года куратором динамовских команд в РСФСР, именно из такой командировки вчера и вернулся – он ездил в Барнаул, Киров и Вологду, где инспектировал тамошние футбольные клубы спортобщества «Динамо». Поездка выдалась весьма плодотворной и Бескову было о чем доложить новому руководителю.

Динамовские футбольные коллективы были широко представлены во Второй лиге чемпионата СССР, причем во всех семи зонах. Однако турнирные дела у них на тот момент складывались по-разному. Например, барнаульское «Динамо», которое выступало в 7-й зоне, уверенно лидировало – боролось за чемпионство с «Сибиряком» из Братска. Та же ситуация была и в Вологде, где тамошнее «Динамо», выступавшее в 4-й зоне, претендовало на третье место.

Помимо этого, в сегодняшнем отчете Бескова фигурировали и другие футбольные коллективы общества «Динамо», выступавшие во Второй лиге, среди которых лучше всего дела шли у ставропольцев (в своей 3-й зоне они имели прекрасные шансы на вхождение в пятерку сильнейших) и ленинградцев (во 2-й зоне они шли на 6-м месте). Далее в отчете шли аутсайдеры. Хуже всего обстояли дела у кировского и брянского «Динамо», которые болтались внизу турнирной таблицы: первые в 5-й зоне, вторые – в 4-й. Эти команды Бесков инспектировал четыре месяца назад, еще при прежнем руководителе ЦС «Динамо» Алексее Куприянове, но сегодня он специально включил в свой новый отчет выкладки из того документа, чтобы у нового руководителя была возможность понять, почему эти клубы так неудачно выступают. Да потому, что те меры, которые предлагал им осуществить Бесков, они в большинстве своем попросту проигнорировали.

Складывая бумаги в папку, Бесков поймал себя на мысли, что новый руководитель ему весьма симпатичен своей деловой хваткой и педантичностью. Впрочем, это было вполне естественно, учитывая то, откуда пришел в ЦС «Динамо» новый руководитель – из КГБ. Богданов был на семь лет моложе Бескова и начинал свой путь наверх со скромной должно-

сти секретаря комсомольской организации на одном из московских заводов. Затем он стал освобожденным секретарем Люблинского горкома ВЛКСМ, а чуть позже, во второй половине 50-х – секретарем и 1-й секретарем горкома КПСС. Пока, наконец, в 1961 году его не взяли на работу в органы КГБ. В те годы на Лубянке правили комсомольские выдвиженцы (сначала Александр Шелепин, а потом Владимир Семичастный), которые стали унавоживать органы молодыми кадрами, имевшими за плечами опыт работы в комсомоле. Богданов, которому в ту пору было 34 года, оказался одним из таких.

Было решено использовать его в разведке, для чего Богданова отправили учиться в школу КГБ № 101 – на испанское отделение. После завершения обучения он должен был отправиться в Чили в качестве резидента КГБ, но смена власти в этой стране изменила эти планы. И он оказался в Представительстве КГБ при МГБ ГДР в качестве секретаря парткома. Отработал там шесть лет, после чего в 1967 году был отозван в Москву и стал работать в Административном отделе ЦК КПСС, который курировал спецслужбы. Богданову в нем достались пограничные войска. И вот несколько месяцев тому назад его вызвал к себе Андропов и попросил принять к руководству общество «Динамо». Назначение было весьма символичным. В апреле 73-го шеф КГБ стал полноправным членом Политбюро и приобрел еще больший вес во властной иерархии. Этот вес позволил ему обойти его конкурента – министра внутренних дел Николая Щелокова, который собирался привести на Лесную, 6 (именно там располагался Центральный совет всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо») своего человека. Но не сумел – Андропов привел туда свою, чекистскую креатуру. Задача перед Богдановым была поставлена конкретная: вернуть динамовцам пошатнувшееся доверие, которое они растеряли за последние годы сразу в нескольких видах спорта, в том числе и в футболе. Например, столичные динамовцы, выступавшие в высшей лиге, явно откатились назад. Если в сезоне-70 они заняли 2-е место, то в двух последующих довольствовались сначала 5-м местом, а потом и вовсе 10-м. Кстати, руководил командой в эти годы ни кто иной, как Бесков, за что его, собственно, и сняли с руководства. Вернее, это была одна из причин его увольнения.

Однако не лучше обстояли дела и на периферии, где футбольные команды общества «Динамо», умудряясь неплохо выступать в нескольких зонах Второй лиги, ни разу не смогли пробиться в финальную часть этих соревнований. Судя по всему, не станет исключением и этот год. Вот почему именно с этого Богданов и начал свой разговор с Бесковым, едва тот расположился в кресле напротив его стола.

– Скажу честно, порадовать вас нечем, Петр Степанович, – честно признался тренер. – Несмотря на то, что ряд наших команд имеют шансы войти в тройку призеров, однако в финальную часть пробиться им будет сложно.

– А когда в последний раз мы там были? – поинтересовался Богданов.

– Четыре года назад с московским дублем и ленинградским «Динамо», которые победили в своих зонах. С тех пор как отрезало.

– Почему, как вы думаете?

– Причин много, но главная – слабая работа с играющими составами. И еще с судьями.

– Судей мы постараемся взять на себя, – живо откликнулся на последнюю фразу Богданов.

Сказал он это не случайно. Эту тему поднимал при его назначении сюда и Андропов. Он открытым текстом обрисовал ему тревожную ситуацию, сложившуюся в советском футболе. За каждой из команд, даже на периферии, стояли влиятельные номенклатурные деятели, которые, пользуясь своим высоким положением, старались повлиять на турнирное положение курируемых ими команд. Именно поэтому и назрела необходимость в том, чтобы общество «Динамо» возглавил представитель КГБ – ведомства, глава которого только что

вошел в состав Политбюро. При таком руководителе динамовцам было бы легче вести подкованную борьбу, которая непрерывно шла за пределами футбольных полей.

– Если вопрос с судьями мы решим положительно, есть ли у нас надежды на то, что в следующем сезоне наши клубы выйдут в финал? – спросил Богданов.

– Больше всего шансов у Ленинграда, Барнаула и Вологды, – быстро, как будто ожидая этого вопроса, ответил Бесков. – Например, в Вологде в этом сезоне подобрался сильный состав: Юрий Вшивцев, Михаил Семенов, братья Жуковы, Сергей Скобелкин, Александр Соковнин, Владимир Ларин, а к ним вдобавок еще и Валерий Маслов – недавняя звезда столичного «Динамо». С таким составом вполне реально выйти в финальную пульку.

– Что значит «вполне»? – удивился Богданов. – Да с такими игроками они уже сейчас должны быть в лидерах! А они на каком месте?

– На четвертом. Но учтите, Петр Степанович, что в их зоне играют шесть команд с Кавказа, а они частенько практикуют работу с судьями. Сами в лидерах не ходят, но очки могут продавать направо и налево. А тут еще, насколько я знаю, наше высшее футбольное руководство собирается в следующем сезоне провести новую реформу Второй лиги – сократить число зон с семи до шести. При этом Вологда попадает в третью зону, где в одной компании сойдутся двадцать команд из Элисты, Смоленска, Ставрополя, Владимира, а также чуть ли не десяток клубов из тех же республик Закавказья. Так что проблема договорных игр только обострится. Помяните мое слово, в лидерах в следующем году обязательно будут ходить кавказцы, причем не один клуб, а сразу два-три. При таком раскладе обойти их будет крайне сложно. На деньги они не скупятся, а наши игроки тоже кушать хотят. Впрочем, я в своем отчете подробно обрисовал ситуацию и попытался наметить пути решения тех задач, которые могут перед нами встать.

И Бесков положил на стол папку, которую до этого все время разговора держал в руках. Богданов открыл ее, пролистал те несколько листов, которые в ней были, но читать не стал – отложил папку в сторону. После чего спросил:

– Игру наших с чилийцами видели?

– Конечно – прямо с вокзала отправился на стадион. Наши играли неплохо, но шаблонно – выдумки в атаке не хватало. Впрочем, вы сами все видели.

– Я все-таки не такой специалист, как вы, поэтому и интересуюсь вашим мнением, – улыбнулся Богданов.

– Судя по тому составу, который вышел на поле с первых минут, наша сборная готовилась к обоюдоострой игре. А чилийцы выбрали глухую оборону. Поэтому во втором тайме нам пришлось к двум форвардам – Блохину и Онищенко – выпускать еще двух – Гуцаева и Кожемякина. То есть, был взят курс на решительное наступление. Но дело в том, что эта четверка в таком составе выступала впервые. А во-вторых, из двух полузащитников только Мунтян был способен оказать помощь передней линии. В итоге наши атаки носили индивидуальный характер с ясно обозначенным направлением угрозы, что облегчало чилийцам их задачу. Думаю, если бы наши тренеры изначально выставили на игру такой состав, у нас был бы шанс забить хотя бы один гол.

– Вы настолько толково и понятно все изложили, что у меня возникло сожаление по поводу того, что тренером нашей сборной являетесь не вы, а Горянский, – заметил Богданов.

– Евгений Иванович тоже неплохой специалист, – сухо ответил Бесков.

– Не деликатничайте, Константин Иванович, – отмахнулся от этих слов Богданов. – Горянский – креатура ворошиловградца Земченко и его время истекло. Он и в сборную попал случайно – из «Зенита», который при нем звезд с неба не хватал. Под его руководством сборная с июня сыграла уже пять матчей и ни одного не выиграла. Три проиграла и две игры свела к ничейному результату. А ведь все матчи игрались в Москве, в Лужниках.

– Но проиграли мы достойным соперникам – англичанам, бразильцам и западным немцам, – внес свою поправку в рассуждения начальника Бесков.

– Это всего лишь отговорки, – поморщился Богданов. – Поэтому буду с вами откровенен – я собираюсь выходить наверх с предложением назначить новым тренером сборной именно вас.

– Но Горянский еще при должности, – удивился Бесков. – У нас еще впереди вторая игра с чилийцами.

– Судя по тому, что происходит вокруг нее, нас ждут большие проблемы. Поэтому вопрос о снятии Горянского практически решен. Новым тренером сборной должны стать вы, Константин Иванович. При таком раскладе и мне здесь, на Лесной, будет легче работать.

Слушая эту речь, Бесков прекрасно понимал, откуда дует этот ветер – с Лубянки. Видимо, назначив в «Динамо» Богданова, Андропов теперь собирался то же самое проделать и со сборной. Ведь в резко осложнившейся международной обстановке шефу КГБ и людям, которые за ним стояли, было легче управлять футболом через своих назначенцев.

– Так что будьте готовы к тому, что в скором времени вас вызовут наверх и сообщат то, что вы сейчас слышали от меня, – продолжал свою речь Богданов.

– А как же мои выводы? – спросил Бесков и кивнул в сторону своей папки, лежавшей на краю стола.

– Не беспокойтесь, они не пропадут – я лично позабочусь об этом, – кладя ладонь на папку, произнес Богданов. – Вы лучше начинайте прикидывать, на каких основах и с какими людьми комплектовать нашу сборную. Мне кажется, настала пора для того, чтобы раскинуть сети пошире – начать искать игроков в низших дивизионах.

– Намеряете на Вторую лигу? – теперь уже настала пора улыбаться гостю.

– Ее трогать не будем, а вот в Первой лиге наверняка много талантливой молодежи. Вы об этом не думали?

– Как раз позавчера, после игры с чилийцами, и думал. Но я все-таки надеюсь на то, что Горянский выполнит свою миссию – выведет нашу сборную на чемпионат мира.

– Оставьте ваши наивные мечтания, Константин Иванович, – усмехнулся Богданов. – Вы прекрасный тренер, но в делах большой политики я гораздо искушеннее вас. Президента ФИФА Роуза уже сейчас подвергают такому давлению извне, что он наверняка не знает, куда себя девать. И учитывая его антипатии к нам, легко предсказать, в какую сторону он согнет. Не забывайте, что он англичанин, а Англия в лице ее консервативного правительства во главе с Эдвардом Хитом поддерживает чилийскую хунту. И знаете почему? Впереди выборы и консерваторы боятся, что возможный приход к власти лейбористов может привести к революции. А чтобы этого не произошло, определенные круги в Англии готовы пойти по чилийскому пути – привести к власти военную хунту. У них уже есть и человек на роль своего Пиночета – лорд Маунтбеттен, бывший вице-король Индии и член королевской семьи. Вот почему сразу после переворота в Чили Хит объявил очередное чрезвычайное положение в ответ на общенациональную забастовку шахтеров и угрозу ее распространения и на другие секторы экономики. «Законом о чрезвычайных полномочиях» были внесены поправки, позволяющие кабинету министров править посредством неизбираемого Тайного совета и Палаты лордов. Кроме того, были проведены серьезные переговоры с армией о возможности введения военного правления, а отставные офицеры, такие как генерал сэр Уолтер Уокер, бывший командующий НАТО в Северной Европе, и майор Александр Гринвуд, начали создавать частные армии. Так что это вовсе не случайность, что администрация Хита первой признала военную хунту Чили и собирается организовать встречу ее представителей с самой королевой. И мистер Роуз в курсе всех этих телодвижений.

– Может, вы и правы, но я помнил его совсем другим человеком, – выслушав монолог Богданова, заметил Бесков.

– Вы знакомы с ним лично? – вскинул брови Богданов.

– Я имел возможность общаться с ним почти тридцать лет назад – осенью 1945 года, когда «Динамо» совершало свое знаменитое турне по Англии. Ведь это именно Роуз был одним из инициаторов той поездки с английской стороны. Потом мы встречались с ним в 64-м на чемпионате Европы. И он всегда производил приятное впечатление.

– Ничего не могу сказать по поводу европейского турнира, но вот по поводу английского турне замечу: организовал его отнюдь не Роуз – он был всего лишь передаточным звеном. В детали вдаваться не буду, но вы, надеюсь, понимаете, о чем именно я веду речь.

Судя по тому выражению, которое отразилось на лице Бескова, тот действительно догадался, на что намекает его собеседник. Впрочем, он и раньше имел на этот счет некие подозрения, которые теперь нашли свое дополнительное подтверждение. За кулисами этого турне стоял все тот же КГБ, который в те годы назывался несколько иначе – НКГБ.

Ретроспекция. 26 октября 1945 года, пятница, Москва, площадь Дзержинского, кабинет наркома госбезопасности СССР Всеволода Меркулова

Нарком стоял у окна и, глядя на уже проснувшуюся и зажившую привычной жизнью площадь Дзержинского, слушал доклад начальника советской разведки Павла Фитина. Тот описывал ему оперативную обстановку в Англии накануне визита футбольной команды московского «Динамо». Идея этого турне возникла в недрах ЦК ВКП(б) в сентябре и была тут же поддержана Сталиным. При чем двигала вождем не столько любовь к спорту, сколько реалии большой политики. Чуть больше месяца назад до этой инициативы – 26 июля 1945 года – в Англии прошли парламентские выборы, на которых победу одержала лейбористская партия. Неплохо показала себя и компартия, которая хоть и заняла восьмое место, но набрала самый большой за всю свою историю рейтинг – за нее проголосовали 97 945 голосов, что позволило ей завоевать два места в палате общин.

В отличие от консерваторов во главе с Уинстоном Черчиллем, лейбористы были более выгодны СССР. В своей новой программе «Заглянем в лицо будущему» они обещали своим избирателям построение социализма в Англии и провозгласили своей задачей укрепление связей с Советским Союзом, что отвечало интересам широких масс английского народа. Что касается консервативной партии, то она взяла под защиту свободу частного предпринимательства и выступила против национализации. Подвергнув резкой критике лейбористов, консерваторы избегали брать на себя конкретные обязательства по многим вопросам внутренней и внешней политики. Поражение консерваторов на этих выборах было следствием того, что они пытались привлечь избирателей своей ролью в победе над фашизмом. Но в то время стране было нужно не это, и народ выбрал более подходящую задачу – задачу создания в Великобритании «государства благоденствия», выдвинутую лейбористами. В результате консерваторы собрали 9,9 миллионов голосов и получили 209 мест в палате общин, а за лейбористов было подано 12 миллионов голосов, которые обеспечили им 389 мест в парламенте. Таким образом, впервые в истории большинство в палате общин получила лейбористская партия. Итоги выборов показали, что разгром фашизма способствовал ослаблению позиций английской реакции. Миллионы избирателей отвергли перспективу возврата к прежней политике, которую консерваторы проводили в межвоенный период.

В этой победе Сталин почувствовал реальную возможность изменения соотношения классовых сил в Англии и решил подыграть этому. Учитывая, какой огромной популярностью пользовался там футбол, он ухватился за идею провести в туманном Альбионе турне лучшей советской футбольной команды. Вопрос стоял лишь в одном – какой именно, если на тот момент в СССР было два футбольных фаворита в лице ЦДКА и «Динамо». И вот тут свое

слово сказали чекисты. Дело в том, что за ЦДКА стояла армия, в то время как чекисты курировали динамовцев. И когда Сталин решал возникшую дилемму, кого лучше отправить в Англию, председателю НКГБ Всеволоду Меркулову удалось убедить вождя, что это должно быть столичное «Динамо». Причем дело было не столько в том, что именно эта команда стала в том году чемпионом СССР, обогнав ЦДКА всего лишь на одно очко (40 против 39), а в том, что это была чекистская команда: во-первых, она управлялась НКГБ, во-вторых – в ней было достаточное количество его агентов, и в-третьих – эта поездка была нужна МГБ для решения своих оперативных задач. Под последним понималось следующее.

В Англии у НКГБ была самая надежная и высокопоставленная агентура в Европе – «Кембриджская пятерка» в лице Кима Филби (кодовое имя «Stanley», занимал высокий пост в SIS, а именно в MI5 (контрразведка) – был начальником 9-го, советского отдела), Дональда Маклина (кодовое имя «Нотег», работал в министерстве иностранных дел), Энтони Бланта (кодовое имя «Johnson», сотрудничал с MI5 и был советником короля Георга VI), Гая Бёрджеса (кодовое имя «Hicks», сотрудничал с MI5 и работал в министерстве иностранных дел) и Джона Кернкросса (работал в министерстве иностранных дел, Минфине и сотрудничал с военной разведкой Англии). Эти люди поставляли в Москву ценнейшую информацию по всем аспектам британской политики и экономики.

Один из этих людей активно помогал НКГБ продвигать идею с динамовским турне. Это был Энтони Блант, который имел прямое отношение к королевской семье – его мать Хильда Вайолет Мастер (Блант) была троюродной сестрой графа Стрэтмора, деда правящей королевы Елизаветы II. То есть Блант был четвероюродным дядей главы государства. Став советником короля Георга VI, он близко сошелся с Александром Кембриджским или графом Атлоном, который был не только братом королевы Марии, супруги короля, но и занимал пост президента Ассоциации футбола Англии. И когда Лубянка стала продвигать идею динамовского турне по Англии, Блант выступил в роли мостика – он подбросил идею Александру Кембриджскому, а уже тот подрядил к этому делу свою правую руку в футбольной Ассоциации Стэнли Роуза (президентство в Футбольной ассоциации является почётным положением, которое, как правило, занимает член британской королевской семьи, а помогает им кто-то из «гражданских»).

Приезд динамовцев был нужен НКГБ для оперативных контактов с «кембриджской пятеркой». Дело в том, что в конце августа 1945 года Лубянка, благодаря сообщению Кима Филби, обнаружила в своих рядах предателя. Им оказался Константин Волков – заместитель резидента НКГБ в Турции. Благодаря своевременному сигналу, НКГБ удалось разоблачить предателя и тайно вывезти его на родину. Но перед этим Волков успел сообщить английской контрразведке сведения о том, что в Англии у НКГБ есть свои агенты, которые пробрались в высшие сферы английского общества. Поэтому на Лубянке было решено резко ограничить контакты с «кембриджской пятеркой». Однако политическая обстановка в Англии диктовала чекистам совсем иные действия – продолжение этих контактов, поскольку в Кремле были крайне заинтересованы в том, чтобы постоянно быть в курсе всех телодвижений нового лейбористского правительства. Тем более, что за этим зорко следили и в Вашингтоне, более того – именно на конец 1945 года между Лондоном и Вашингтоном должны были быть заключены некие финансовые договоренности, о которых в Кремле должны были непременно узнать. Так что турне «Динамо» по Англии подвернулось под руку чекистам весьма кстати. Оно позволяло «разморозить» контакты с «кембриджской пятеркой», поскольку столь представительная делегация из СССР (почти 40 человек) давала возможность советским агентам устанавливать нужные контакты и обмениваться информацией (на тех же стадионе, при огромном скоплении людей, такие контакты можно было произвести гораздо легче, чем где-либо). На руку советской резидентуре в Лондоне был и тот огромный ажиотаж, который должен был сопутствовать этому турне. И присутствие на этих матчах кого-то из «кем-

бриджцев», с которыми могли пересечься агенты НКГБ (в том числе и тех, кто числился в «Динамо»), не мог вызвать подозрений у английской контрразведки.

Именно об этом и шла речь в кабинете Меркулова – о возможности такого рода контактов между «кембриджцами» и агентами НКГБ. Начальник внешней разведки Фитин доложил о мерах, которые приняли его подчиненные в преддверии динамовского турне. Закончил он свой доклад сообщением, что резидентура НКГБ в Лондоне во главе с полковником Константином Кукиным готова к приезду «Динамо», о чем известила руководство шифротелеграммой.

– Что можете сказать о ситуации в других подразделениях? – возвращаясь от окна к своему креслу, спросил Меркулов.

– Сегодня утром у меня с докладом был начальник восьмого отдела Аллахвердов, который тоже подтвердил готовность его людей к операции «Офсайд», – сообщил Фитин.

Восьмой отдел занимался дезинформационными войнами в структуре внешней разведки НКГБ. Он имел обширную агентуру в Англии среди тамошних журналистов и общественных деятелей, которые создавали положительный фон для многих инициатив, исходящих от советской стороны. В рамках динамовского турне этой агентуре ставилась конкретная цель: как можно более положительно осветить эту поездку, чтобы подавить негативные отклики, которые наверняка тоже будут. Самым ценным агентом советской внешней разведки на этом поприще в Англии был еврей Питер Смолка (он же Питер Смоллет), который достиг поста руководителя англо-советских связей в Министерстве информации. Он еще в годы войны активно работал на этом направлении. Например, только в сентябре 1943 года, благодаря его стараниям, в Лондоне прошло просоветские встречи с общественностью, 35 – на предприятиях, 100 – в добровольных обществах, 25 – в группах гражданской обороны, 9 – в школах и в тюрьме. А Би-Би-Си в сентябре выпустила в эфир тридцать передач, посвященных Советскому Союзу. В итоге один из консервативных партийных деятелей в Палате общин жаловался: «Демонстрируемые Министерством информации фильмы дают привлекательную картину жизни в Советском Союзе и способствуют тому, что многие меняют свое мнение о коммунизме...»

Турне «Динамо», естественно, не могло позволить Смоллету проявить такую же прыть, однако и сидеть сложа руки он не собирался – с его подачи многие английские СМИ заняли вполне благожелательную позицию в связи с приездом к ним советских футболистов.

Выслушав доклад Фитина и отдав ему несколько распоряжений, Меркулов отпустил начальника разведки. После чего поднял трубку на одном из телефонных аппаратов, стоявших у него на столе, и позвонил наркому внутренних дел Берия.

– Лаврентий Павлович, добрый день, – поздоровался Меркулов. – Только что у меня был Фитин по поводу операции «Офсайд». Мне хотелось бы встретиться с вами для соответствующего доклада.

Выслушав ответ наркома, Меркулов сделал пометку в своем ежедневнике, сказал «До свидания» и положил трубку. После чего нажал кнопку и вызвал к себе секретаря. Когда тот появился в дверях, Меркулов сообщил:

– С трех до четырех часов дня я буду у Лаврентия Павловича. В это время прошу никого ко мне на прием не записывать.

Ретроспекция. 2 ноября 1945 года, пятница, Москва, площадь Дзержинского, кабинет наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия

За несколько дней до отъезда динамовцев в Англию нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия принимал у себя двух деятелей общества «Динамо»: его председателя – гене-

рал-лейтенанта госбезопасности Бориса Обручникова (он же был заместителем Берии по кадрам) и старшего тренера динамовцев Михаила Якушина. Разговор был деловой и конкретный. Первым делом нарком ознакомился со списком тех, кто должен был отправиться в «туманный Альбион». Таковых было 34 человека, включая 15 игроков, двух тренеров, врача, радиокомментатора Вадима Синявского, переводчицы Александры Елисеевой и пяти спортивных чиновников. Особенно внимательно Берия знакомился со списком игроков, среди которых значились: вратарь Алексей Хомич, защитники – Всеволод Радикорский, Михаил Семичастный, Иван Станкевич, Владимир Лемешев, полузащитники – Всеволод Блинков, Леонид Соловьев, Борис Орешкин, нападающие – Евгений Архангельский, Василий Трофимов, Василий Карцев, Николай Дементьев, Константин Бесков, Всеволод Бобров и Сергей Соловьев. Причем четверо игроков были «варягами»: Бобров из ЦДКА (2-е место в чемпионате СССР), а Архангельский, Орешкин и Лемешев из ленинградского «Динамо» (5-е место).

– Вы уверены, что из Ленинграда нужно было приглашать именно этих игроков? – отложив список, спросил Берия у Якушина.

– Да, Лаврентий Павлович, – стараясь, чтобы его голос звучал, как можно увереннее, ответил тренер.

– Я бы, например, включил в этот список еще одного ленинградца – нападающего Василия Лоткова, – называя этого игрока, Берия давал понять, что он достаточно искушенный знаток футбола.

– Вместо Лоткова мы решили вызвать Архангельского, который не боится жесткой игры, – все так же уверенно продолжал отвечать Якушин. – Но если вы настаиваете, Лаврентий Павлович...

– Я ни на чем не настаиваю, – прервал речь тренера нарком. – Я просто хочу вас предупредить, что вы едете в Англию представлять нашу страну и должны выступить с честью. Если вы считаете, что именно этому составу по плечу справиться с поставленной задачей, значит, пусть так и будет. Но имейте в виду, что спросим мы за результаты поездки именно с вас. И с товарища Обручникова тоже, – нарком перевел свой взгляд на председателя общества «Динамо».

После этого Берия достал из папки, которая лежала перед ним на столе, лист бумаги и передал ее Якушину, сопроводив это словами:

– Прошу включить в ваш список еще трех человек. Это наши люди, которые будут представлены, как спортивные чиновники. Прошу вас ни в чем им не перечить и выполнять любые их указания, так, как вы бы выполняли мои распоряжения. Вам все понятно?

– Да, Лаврентий Павлович, – принимая документ из рук наркома, произнес Якушин.

– В таком случае, желаю вам удачной поездки.

Сказав это, Берия первым поднялся со своего места, чтобы пожать на прощание руки гостям.

Ретроспекция. 4–21 ноября 1945 года, турне московского «Динамо» по Англии

Ранним морозным утром 4 ноября 1945 года с подмосковного аэродрома Внуково в небо взлетели два небольших пассажирских самолета типа «Дуглас», на борту которых находилась футбольная команда московского «Динамо». Их первым пунктом остановки был Восточный Берлин, откуда они вскоре продолжили свой путь – в Лондон.

Бескову досталось место у иллюминатора, поэтому, когда их самолет стал снижаться для посадки в Лондонском аэропорту «Хитроу», он во все глаза стал вглядываться в раскинувшиеся под ним рельефы «туманного Альбиона» с четко очерченными футбольными полями, которых, к его удивлению, в обозримом пространстве было больше, чем полей ози-

мых или яровых. Это было лишним доказательством того, чем являлся для англичан футбол – смыслом их жизни.

Между тем Лондон встретил гостей дождем. И еще своей... негостеприимностью. Спускаясь по трапу, советские футболисты обратили внимание на то, что в аэропорту нет ни одного советского государственного флага и каких-либо других проявлений официального радушия. Зато в избытке было репортеров, фотокорреспондентов и кинооператоров, которые облепили гостей со всех сторон и стали щелкать своими фотоаппаратами и задавать один вопрос за другим. К счастью, длилось это не слишком долго. Вскоре, сев в автобусы, гости покинули аэропорт.

Спустя полчаса их доставили к месту проживания. Однако, увидев, что их привезли не в отель, а в совершенно другое место, Якушин поинтересовался у переводчицы:

– Что это за здание?

Женщина лишь пожала плечами и адресовала этот вопрос представителю принимающей стороны. После чего сообщила тренеру:

– Это казармы королевской гвардии.

Услышав это, к Якушину подошел один из тех чекистов, которых Берия внес в список отъезжающих в последнюю очередь, и сказал:

– Михаил Иосифович, вам надо отказаться от этих казарм. Мы должны жить в отеле и лучше всего в центре Лондона.

– Но чем я буду мотивировать свой отказ? – удивился тренер.

– Чем угодно. Скажите, к примеру, что жить рядом с королевским дворцом, конечно, высокая честь для вас, но футболистам неудобно готовиться к ответственным матчам в столь спартанских условиях.

Якушин так и сделал, обратившись непосредственно к Стэнли Роузу. После чего вопрос был тут же улажен – гостей снова погрузили в автобусы и повезли в два разных отеля в центре британской столицы (спустя два дня гостям удастся воссоединиться под одной крышей – в отеле «Империял»). Пока они ехали, переводчица, вооружившись свежими газетами, стала зачитывать футболистам отрывки из местных газет:

– «Санди экспресс» поместила статью под названием «Не ждите слишком многого от русского «Динамо». В ней вас, ребята, характеризуют следующим образом: «Это попросту начинающие игроки, рабочие, любители, которые ездят на игру ночью, используя свободное время».

Ответом на этот пассаж был дружный смех, который буквально потряс салон комфортабельного автобуса.

– А вот что пишет другая газета – «Дейли мейл», – продолжала чтение переводчица: – «Сегодня у советских динамовцев перерыв на водку и икру. Молчаливые советские футболисты будут пить под дикие, однообразные звуки балалайки и выкрикивать «Ура!» и другие слова, выражающие восторг». Ребята, никто случайно не захватил с собой балалайку?

И автобус снова содрогнулся от хохота. Глядя на смеющихся игроков, Якушин поймал себя на мысли, что это отличная примета – значит, страха перед хозяевами его игроки не испытывают. А с таким настроением до победы в турне недалеко. Ведь возвращаться «на щите» на родину ой как не хотелось, памятуя о последнем разговоре с всемогущим наркомом внутренних дел.

До первой игры динамовцев против лондонского «Челси» было целых девять дней, поэтому времени у футболистов было предостаточно. Они не только успевали тренироваться на стадионе «Шепард баш», но и ездить на экскурсии по Лондону. За эти дни они где только не побывали: у знаменитого Тауэра, в Вестминстере и соборе святого Павла, на Хэмптон-корт, Пикадилли-серкус, в Сити и Гайд-парке, а также на шерлокхолмсовской Бейкер-стрит. Заглянули они и в Музей восковых фигур мадам Тюссо.

Все это время за ними неотступно следовали несколько сотрудников британской контрразведки MI5, которые выдавали себя за простых лондонцев. Задача у них была вовсе не охранять гостей, а следить за их контактами. Но в MI5 не знали, что обо всех их передвижениях русские прекрасно осведомлены от своего агента в их рядах – Кима Филби. Еще накануне прилета «Динамо», он сумел передать в советскую резидентуру информацию о том, что британская контрразведка собирается взять русских под свой колпак. Но, зная обо всех телодвижениях своих коллег, Филби умудрился передать русским сведения обо всех брешах MI5 в этом «колпаке». Так что, пока британская «наружка» всю «пасла» футболистов, те чекисты, которых прислал Берия, сумели в разных местах Лондона и в его окрестностях навестить те «закладки», которые оставили их агенты. Еще легче было работать на переполненном стадионе «Стамфорд бридж» (пришло 85 тысяч зрителей), где 13 ноября состоялась первая игра между «Динамо» и «Челси».

Ход матча поначалу складывался в пользу хозяев, за которыми был первый тайм. На 23-й минуте счет открыл левый инсайд Гулден. А спустя семь минут уже правый инсайд «Челси» Вильямс удвоил счет. Вся Англия (а со стадиона велась прямая радиотрансляция) ликовала. Но советские футболисты вовсе не выглядели подавленными. И в раздевалке в перерыве между таймами голову пеплом никто из них не посыпал. Все были сосредоточены и полны решимости во втором тайме показать англичанам все, на что они способны.

Шла 65-я минута, когда Сергей Соловьев стремительно прошел по левому краю, отдал мяч назад Константину Бескову, вошедшему в штрафную площадь, а тот, не задерживаясь, передал мяч Василию Карцеву – своему приятелю, с которым они некоторое время делили одно жилище в «высотке» на Котельнической набережной. Именно Карцев и «распечатал» первым ворота «Челси».

Прошло шесть минут, и еще один мяч влетел в сетку англичан. И снова героем эпизода был Бесков. Получив мяч, он сделал обманное движение, на которое «купился» его опекун – защитник Харрис. Оставив англичанина позади, Бесков вошел в штрафную площадь «Челси», но к воротам пробиваться не стал, рассчитывая отдать пас. Его замысел мгновенно понял Евгений Архангельский. В это время к Бескову устремляется, спасая положение, другой английский защитник, и, как только он приближается к нему вплотную, Бесков откатывает мяч точно наискосок неприкрытому Архангельскому. Тот бьет и делает счет 2:2.

Однако хозяева не собирались соглашаться на ничью. И спустя шесть минут снова вырываются вперед – гол головой забил Томми Лаутон, за которого «Челси» незадолго до этого матча уплатил «Эвертону» 14 тысяч фунтов стерлингов. Но вот ведь совпадение. Снова прошло шесть минут и «Динамо» снова сравняло счет. Причем опять в роли распасовщика выступил Бесков. Он увидел Всеволода Боброва, который мог выйти на голевую позицию, если бы туда был послан мяч. Бесков так и сделал – отправил мяч именно в ту точку, откуда Боброву было сподручнее нанести прямой удар. Посланный, как из пушки, мяч влетел в ворота англичан.

За оставшиеся семь минут до конца игры хозяева поля приложили все силы, чтобы снова выйти вперед, но оборона динамовцев во главе с вратарем Алексеем Хомичем действовала безупречно. Ничья в первом матче – хороший результат для команды, которую перед игрой называли «мальчиком для битья».

Утро следующего дня началось для динамовцев с радостного события. Переводчица принесла им кипу свежих британских газет и практически в каждой звучали добрые слова по адресу советских футболистов. Даже те журналисты, кто до этого с пренебрежением относился к ним, теперь вынуждены были отметить, что «Динамо» – это команда международного уровня.

Минуло еще четыре дня и 17 ноября динамовцы вышли на очередную игру – на этот раз против валлийской команды «Кардифф-сити» из шахтерского и портового города Кардиффа.

В отличие от аристократов из «Челси», «шахтеры» встретили представителей первого в мире государства рабочих и крестьян по-настоящему торжественно. Вся дорога до стадиона «Ниньен-парк» была украшена красными флагами, а возле самого стадиона продавались сувенирные букетики сине-белых цветов под названием «Динамо». На зеленом газоне выстроился валлийский оркестр, который играл мелодию песни «Полюшко-поле» и... гимн Советского Союза. Каждому из динамовцев футболисты Уэльса преподнесли миниатюрные шахтерские лампочки, а гости ответили цветами.

«Кардифф-сити» считался самым быстроногим футбольным клубом в Британии – его игроки бегали по полю, как заведенные и могли выдержать такой темп не два, а целых четыре тайма. Но в тот день выяснилось, что московские динамовцы бегают не хуже своих оппонентов. Это привело к тому, что они первыми открыли счет в матче – это сделал Бобров. После чего мячи в ворота «шахтеров» посыпались один за другим. В итоге матч закончился со счетом юн, что было, конечно, неприлично, учитывая то, какой прием оказали хозяева поля гостям. В матче случилось три хет-трика – по три мяча забили Бобров, Архангельский и Бесков, у которого на следующий был день рождения – ему исполнилось 25 лет.

Когда кто-то из журналистов спросил у Якушина, почему его игроки буквально растерзали своих соперников, тот ответил: «Это результат тех сотен телеграмм, которые мы получили за эти дни из Советского Союза, в которых нас поддерживали, поздравляли, желали нам успеха. Разве могли мы после этого не победить?!»

«Ну, что же, посмотрим, хватит ли вам этого запала на игру против лондонского «Арсенала», – заметил журналист.

Эта игра считалась главной в том турне, поскольку «Арсенал» был легендарной и старейшей командой Англии (создан в 1886 году). Он пять раз становился чемпионом страны и два раза завоевывал Кубок Англии. Но специально для игры против «Динамо» в команде произошли существенные изменения – из прежнего ее основного состава были оставлены лишь четверо, остальных игроков заменили лучшими мастерами из семи клубов, в том числе в состав был включен «футболист номер один» Стэнли Мэтьюз из команды «Сток Сити». Как написал обозреватель «Дейли экспресс» Роберт Скрипе: «Русские идут играть с командой, представляющей весь футбол Британии; в ее составе игроки международного класса».

Перед началом игры к Бескову подошел Бобров и спросил:

– Ну что, Костя, забьешь «Арсеналу» еще один гол, как в Иране?

– Постараюсь, – ответил Константин, зашнуровывая бутсу. – Но и ты, Сева, не подкачай.

О чем шла речь? Дело в том, что в советской команде было четверо игроков, которые год назад уже играли против «Арсенала». Это были Бесков, Хомич, Бобров и Соловьев. А вышло все случайно. Новый шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви решил ознаменовать успешный для союзников ход войны проведением в Тегеране футбольного турнира трёх государств – Ирана, СССР и Великобритании на Кубок шаха Ирана. Советскую сторону представляла команда 131-го мотострелкового полка НКВД, который охранял коммуникации, по которым осуществлялись поставки грузов по ленд-лизу в Советский Союз. Эту команду и усилили четырьмя профессиональными футболистами из Москвы.

В турнире участвовали четыре команды: 131-й полк (СССР), «Арсенал» (Лондон) и два иранских клуба – «Дирай» и «Туран». Наши победили иранцев 3:0 и 4:1 соответственно, лондонцы тоже одержали две победы над хозяевами. И в финальном поединке 19 мая 1944 года сошлись «мотострелки» и «арсенальцы». Весь первый тайм игра шла на равных, а во второй сорокапятиминутке удача сопутствовала советским футболистам. Причем автором единственного гола был Константин Бесков. Благодаря этому мячу «мотострелки» стали обладателями Кубка шаха Ирана.

Матч «Динамо» против «Арсенала» состоялся 21 ноября на стадионе «Уайт Харт Лейн» в присутствии 55 тысяч зрителей. Судил игру советский арбитр Николай Латышев, для которого это был первый выход на поле в этом качестве в ходе турне. Он дал свисток к началу игры в 14.15 по Гринвичу. И сразу же динамовцы бросились в атаку, зажав лондонцев у их ворот. И спустя минуту после начала игры Бобров, получив пас от Сергея Соловьева, забил первый мяч в ворота «Арсенала». Но «канонирам» понадобилось 12 минут, чтобы отыграться – гол у них забил Мортенсен, которому ассистировал Рук. С этого момента англичане перехватили инициативу. К тому же в их пользу сложились и погодные условия, к которым они были приучены – над стадионом сгустился туман. Причем такой густой, что с трибуны не видна была противоположная трибуна. У футболистов першило в горле, слезились глаза. Даже радиокomentатор Вадим Синявский вынужден был подойти к самой бровке поля и спрашивать у ближайшего к нему динамовца, что происходит на поле. В таких условиях советские футболисты еще никогда не играли, чего не скажешь про англичан – для них такая погода была привычной. Поэтому они чувствовали себя, как рыба в воде. Что, естественно, сказалось на счете – «канониры» всего за три минуты забили два мяча.

Сначала на 35-й минуте «футболист номер один» Мэтьюз обошел динамовца Станкевича, сделал навес на Мортенсена, и тот хлестким ударом вывел хозяев вперед. А спустя три минуты Камнер прошёл по бровке, сделал поперечную передачу, и Рук сильно и точно пробил по воротам. А тут еще в столкновении с англичанином тяжелую травму получил Леонид Соловьев, которого заменил Борис Орешкин. Однако и динамовцы соперников тоже не жалели. Впрочем, при таком тумане трудно было играть мягко. В итоге дважды был травмирован вратарь «Арсенала» Гриффитс: сначала его ударил по голове Бобров, затем зацепил ногой Сергей Соловьев. Поэтому в перерыве его заменил на другого вратаря – Гарри Брауна. Но прежде Гриффитс успел пропустить еще один мяч от динамовцев. Это случилось на 41-й минуте, когда Бесков, получив мяч на левом фланге, пробил мимо Гриффитса точно в сетку ворот.

В перерыве в советскую раздевалку пришла переводчица в сопровождении Роуза. И сообщила, что англичане предлагают... прекратить игру из-за сильного тумана. Якушин обвел взглядом игроков и спросил:

– Ну, что, ребята, ответим?

– У англичан поджилки затряслись, вот и хотят закончить игру в свою пользу, – ответил кто-то из игроков.

– Будем играть дальше, – хором заявили динамовцы.

– Всё слышали? – спросил Якушин у переводчицы.

Та улыбнулась и перевела Роузу ответ команды.

И игра возобновилась. Причем с яростных атак динамовцев, которые были по-настоящему разозлены демаршем англичан. В итоге на 48-й минуте Сергей Соловьев, получив навесную передачу, несильным ударом между рук голкипера Брауна сравнял счет. А на 63-й минуте Бесков в борьбе с Джоем отбросил мяч Боброву, и тот, точно пробив с линии штрафной, вывел динамовцев вперед – 4:3.

Минуло всего три минуты, как Рук стремительно прорывался к штрафной динамовцев. Увидев это, Семичастный догнал англичанина и... прыгнул ему на спину. Тот в ответ так отмахнулся локтем, что заехал советскому защитнику по лицу. Да так сильно, что Семичастный на какое-то время потерял сознание. А Рук метров с 30 сильным ударом буквально вонзил мяч в сетку ворот Алексея Хомича. Англичане бросились обнимать своего форварда, но тут раздался свисток судьи Латышева – он показал, что мяч не засчитывается. Правда, он назначил штрафной в пользу англичан, поскольку зафиксировал нарушение правил со стороны Семичастного. Но зачем «канонирам» этот штрафной, если он отменяет гол? Естественно, они бросились выяснять отношения с судьей. Но тот был непреклонен: штрафной!

– Молодец, Гаврилыч! – похвалил судью кто-то из динамовцев.

Реплика была не случайной – в 1939–1942 годах Латышев играл за московское «Динамо», почему советская сторона и включила его в эту поездку. В итоге, когда прозвучал финальный свисток, зафиксировавший победу динамовцев со счетом 4:3, английская сторона подала протест на неправильное судейство. Было указано на три грубейшие ошибки, совершенные Латышевым. Хозяева посчитали, что голы Соловьева и Бескова были забиты из положения вне игры. Третьей ошибкой был назван незасчитанный гол Рука.

Впрочем, англичане тоже были не без греха. Пользуясь туманом, они действовали против динамовцев жестко, а порой и вовсе грубо, результатом чего и явилась травма Леонида Соловьева. Устав бороться с этой грубостью, Латышев во втором тайме удалил Джорджа Друри с поля. Но тот, пользуясь все тем же туманом, спустя несколько минут... снова вышел на поле и отыграл до конца матча, стараясь не попадаться на глаза судье. Но эта уловка так и не помогла англичанам сравнять счет.

Ретроспекция. 23 ноября 1945 года, пятница, Москва, Кремль, кабинет Сталина

Туман, который сгустился над стадионом и аншлаги, который привел на трибуны «Уайт Харт Лейна» 55 тысяч зрителей, стали прекрасным поводом к тому, чтобы советская разведка устроила на этой игре встречу своих агентов. В перерыве между таймами во время спуска в подтрибунное помещение агент Джон Кэрнкросс передал своему советскому куратору Борису Кротову микро пленку, на которой были запечатлены важнейшие документы, которые с нетерпением ждали в Москве. Уже спустя сутки они легли на стол Сталина – их принес вождю Берия. В них говорилось о том, каким путем высшие американские круги собираются подчинить себе английское правительство – через денежные займы. Дело в том, что в августе 1945 года США без предварительного уведомления прекратили поставки по ленд-лизу. И Англия должна была впредь оплачивать наличными все, что она приобретала в Штатах. Американские правящие круги решили воспользоваться затруднениями в Англии, чтобы получить от нее определенные уступки, как в экономике, так и в политике. Ведь Англия после войны испытывала нехватку долларов для оплаты возросшего импорта из стран долларовой валюты. Кризис английского платежного баланса стал хроническим. Главной его причиной были большие военные расходы за границы. Лейбористы решили выйти из создавшихся трудностей с помощью американских кредитов.

Документы, которые попали на стол к Сталину, указывали на то, что уже в декабре англичане собираются заключить с США финансовое соглашение, по которому Америка должна была предоставить Англии заем в сумме 4 миллиарда 400 миллионов долларов. За вычетом 650 миллионов долларов в качестве возмещения за поставки по ленд-лизу Англия получала кредит на сумму 3 миллиарда 750 миллионов долларов. Она могла его использовать в течение пяти лет, с 1946 по 1951 год. Погашение займа начиналось по истечении шестилетнего срока из расчета 2 % годовых и должно было продолжаться в течение 50 лет.

«Глупцы, – подумал про себя Сталин, набивая свою трубку табаком. – Они сами не понимают, какую ловушку для них подготовили американцы».

Советский генсек окажется прав. Надежды лейбористского правительства Эттли на покрытие дефицита платежного баланса в течение пяти лет с помощью американского займа окажутся тщетными. В 1946 году в США будет отменен контроль над ценами. Экспортные товары подорожают, и Англия быстро израсходует полученный заем за один год. В итоге финансово-экономическое положение страны ухудшится и возрастет зависимость английской экономики от США. Введенный американцами «план Маршалла», ограничит развитие

тех отраслей английской промышленности, которые конкурировали с американской индустрией. Усилится и милитаризация экономики Англии.

Закурив трубку, Сталин взглянул на Берия, который все это время сидел напротив него и молчал, ожидая продолжения разговора. Он думал, что вождь захочет узнать, каким образом эти важные документы оказались в руках советской разведки. Но Сталин спросил совершенно про другое:

– А что, Лаврентий, неплохо выступает твое «Динамо» в Англии?

– Да, товарищ Сталин, неплохо: две победы и одна ничья. Общий счет по мячам 17:7 в нашу пользу.

– Сразу видно, что ты прирожденный болельщик, – похвалил собеседника Сталин. – А сам ты в футбол играл когда-нибудь?

– Нет, не довелось – комплекцией не вышел, – и по губам Берия пробежала улыбка.

– Ничего, зато твоя комплекция не мешает тебе хорошо руководить. Сколько «Динамо» еще пробудет в Англии?

– Неделю, товарищ Сталин – еще одна игра осталась. Но вы не волнуйтесь, мы ее тоже выиграем.

– Я и не волнуюсь, Лаврентий. Документы, что ты мне сегодня принес – и Сталин постучал трубкой по папке – стоят тысячи проигранных твоей командой матчей. Ты свободен.

Ретроспекция. 23 ноября – 7 декабря 1945 года, продолжение и окончание турне «Динамо» по Англии

На следующий день после игры с «Арсеналом» большинство британских газет вышли с материалами об этом матче. И почти везде вину за поражение «Арсенала» авторы статей возлагали на... советского судью Латышева. Естественно, о грехах своих игроков они не упоминали. И лишь в газете «Стар» игрок «Арсенала» Бернард Джой написал следующее: «...Жаль, что туман не позволил зрителям хорошо рассмотреть игру, интересную и напряженную. Основной фактор, определивший успех русских, – позиционная игра, искусство, которое, по-моему, утеряно в Англии...»

До конца турне оставалась ровно неделя и впереди «Динамо» ждала еще одна игра – против шотландского клуба «Глазго рейнджеры». Но прежде чем она состоялась, в жизни Бескова произошло знаменательное событие – он сумел дозвониться до Москвы и поговорить со своей любимой девушкой Валерией, которой вскоре суждено будет стать его женой на всю оставшуюся жизнь. А выручил его один из прикрепленных к их группе чекистов – Ярослав Слащев. Он был ненамного старше Бескова, но уже имел неплохой послужной чекистский список. С 1942 года он трудился на «английской линии», разрабатывая посольство Великобритании в Москве. На его счету было два ценных завербованных агента внутри посольства. Но помимо этого он до войны играл в футбол в составе столичного «Динамо» и даже был заявлен в основной состав на первый довоенный чемпионат СССР 1936 года. Однако серьезная травма помешала ему дебютировать в большом футболе. А год спустя, в разгар «чисток», Слащева по комсомольской линии направили на работу в НКВД, после чего ему пришлось навсегда распрощаться с большим футболом. Впрочем, повесив бутсы на гвоздь, он продолжал живо интересоваться этим видом спорта. Вот почему его руководство, зная о пристрастиях своего подчиненного, и отправило его в Англию вместе с «Динамо».

В команде Слащев ближе всего сошелся с Бесковым, который в один из дней и поделился с ним своей сердечной тайной о том, что в Москве у него осталась невеста. И лишь на одно жаловался футболист – что с ней невозможно связаться.

– Почему нельзя? – удивился Слащев. – С нами же приехал Вадим Синявский, который мне многим обязан.

Знаменитый радиокomentатор приехал в Англию не только как «голос», но и как «перо» – его «зафрахтовал» в качестве специального корреспондента главный редактор газеты «Московский большевик» Семен Индурский, рассчитывая получать эксклюзивную информацию о матчах динамовцев в Англии. В итоге Слащев вышел на Синявского и попросил его об одолжение: чтобы тот уговорил Индурского взять на следующие переговоры девушку Бескова. Отказа, естественно, не последовало.

* * *

Так вышло, что свою будущую жену Бесков видел незадолго до турне несколько раз, но никак не мог с ней познакомиться. В первый раз это случилось в конце октября, когда он гулял возле сада «Эрмитаж» на Петровке со своим приятелем – инженером Яковом Гениным. Провожая Валерию восхищенным взглядом, Бесков сказал тогда приятелю:

– Знаешь, Яша, вот на такой девушке я бы женился...

Потом он еще два или три раза встречал эту юную незнакомку, но не только не решался подойти, но даже долго смотреть на нее считал неудобным. И даже когда однажды в саду «Эрмитаж» она с подругой сама подошла к их компании, он и тогда не смог преодолеть своего смущения. А дело было так.

Со своим приятелем, футболистом того же «Динамо» Александром Петровым, Бесков встретил возле входа в сад известного певца и большого любителя футбола Владимира Канделаки. Мужчины встали в сторонке и стали живо обсуждать последние футбольные новости и, главное – будущую поездку «Динамо» в Англию.

– Повезло же тебе, Костя – сыграешь против родоначальников футбола! – с восхищением говорил певец, обращаясь к Бескову.

А футболист только смущенно улыбался в ответ.

В это время к ним подошли две симпатичные девушки, одной из которых и была Валерия Васильева. Как выяснилось, ей было всего 17 лет и она работала танцовщицей в ансамбле имени Исаака Дунаевского. Канделаки она знала еще по Батуми (именно там девушка родилась), поэтому и решилась подойти. Но кроме этого, она обратила внимание и на Бескова, который в тот день был в щегольском макинтоше и в белых с желтым ботинках, какие не очень часто можно было увидеть в то время в Москве. Валерия рассчитывала, что молодой человек захочет с ней познакомиться поближе, но тот так и не смог преодолеть своего смущения. И когда девушки и певец отошли, Бесков внезапно обратился к своему приятелю с неожиданным предложением:

– Слушай, Саша, познакомься с этой девушкой, а потом познакомь с ней меня.

Но приятель тоже не решился на столь смелый шаг, посчитав, что шансов у него для такого знакомства практически нет. Тем временем судьба уже готовила молодым людям новую встречу.

2 ноября, за два дня до отлета в Англию, Бесков после тренировки снова гулял по Москве с Петровым. Они зашли в знаменитый коктейль-холл, что на улице Горького, чтобы взять по порции мороженого. Когда они вышли и двинулись вниз по улице к станции метро, то увидели идущих навстречу тех самых девушек – Валерию и ее подругу Оксану. Петров толкнул друга плечом:

– Смотри, те самые девчонки – давай подойдем.

– Не стоит – видишь, им не до нас, – ответил Бесков, увидев, что девушки о чем-то оживленно разговаривают.

Футболисты спустились в метро, но уже будучи в вагоне поезда, внезапно вспомнили, что забыли в коктейль-холле свои чемоданчики со спортивной амуницией. И они тут же пересели в другой состав и поехали назад. Когда вышли из метро, девушек на улице уже не было, но Бесков возьми и скажи своему приятелю:

– Эта девчонка мне очень нравится. Если еще раз их встретим – непременно подойдем! И Всевышний услышал его слова.

Забрав свои чемоданчики, приятели вышли из коктейль-холла и прямо на выходе столкнулись с Валерией и Оксаной. И Бесков первым заговорил с девушками:

– Надо же, в течение нескольких дней столько раз встретиться, а поговорить по-настоящему так и не удалось!

– Кто же вам мешает это исправить? – игриво улыбаясь, ответила Валерия.

– Действительно, никто! – засмеялся Бесков.

И этот искренний смех мгновенно всех раскрепостил.

– А вы правда футболисты? – поинтересовалась Валерия.

– Правда, а почему вы об этом спрашиваете? – удивился Бесков.

– Просто Оксана замужем за футболистом – за Васей Трофимовым.

– Не может быть! – почти разом воскликнули Бесков и Петров.

Это сообщение действительно было для них неожиданной новостью. С Трофимовым они играли в одной команде, он тоже должен был лететь в Англию, но вот про его юную жену они ничего не знали. А теперь, наконец, познакомились.

– Оксана, как вам замужем за футболистом? – спросил у девушки Петров.

– Мне нравится, – ответила Оксана. – Вот хочу и подругу свою тоже выдать замуж за футболиста.

– Так в чем же дело? – подал голос Бесков.

– Дело в том, что в вашем «Динамо» только один холостой футболист – некий Женя.

– Нет у нас никакого холостого Жени, – пожал плечами Петров. – У нас холостой только Костя Бесков, который стоит перед вами.

– В таком случае, жених для Лерочки найден, – и Оксана заразительно рассмеялась.

* * *

Последний, четвертый матч своего турне «Динамо» сыграло 28 ноября в Глазго на стадионе «Айброкс». К моменту этой встречи «Глазго Рейнджерс» («Странники из Глазго») уже 30 раз завоевывал первенство и кубок Шотландии, 29 раз побеждал сборную Англии, а существовал всего лишь сорок лет. На игру против «Динамо» шотландцы выставили свой лучший состав. Капитаном команды был Джон Шоу – защитник с международным именем, в воротах стоял Джерри Даусен – национальный герой Шотландии, в центре обороны играл Янг, в центре нападения – Джеймс Смит (Большой Джимми) – звезды первой величины в Шотландии.

Когда динамовцы приехали в Глазго, первое, что они увидели – был огромный транспарант, растянутый на борту одного из судов на реке Клайд. На нем аршинными буквами было написано: «Рейнджерс» – «Динамо» – 10:0».

– Видели, ребята, как нас здесь оценили? – обращаясь к команде, спросил Якушин.

– Ничего, мы поможем им поменять ценники, – ответил на эту реплику Бобров.

Посмотреть на матч пришло 90 тысяч зрителей – полный стадион. Естественно, все пришедшие поддерживали своих кумиров. Тут же был и мэр Глазго. Однако игра началась для местных болельщиков с шока – уже на третьей минуте динамовец Василий Карцев со штрафного, находясь метрах в 20 от ворот, забивает первый мяч в ворота Даусена.

– Транспарант на судне можно выкидывать – ноля у нас уже не будет, – обнимая автора гола, заметил Бобров, из-за которого, собственно, и был назначен этот штрафной.

Однако динамовцы рано радовались. Вскоре стало очевидно, что главный арбитр матча Томпсон явно благоволил к хозяевам. Видимо, начитавшийся недавних газет, где журналисты всюю кляли советского судью Латышева, Томпсон решил сделать «обратку». И вскоре назначил не вполне очевидный пенальти, после нарушения правил Станкевичем. К мячу подошел Уоддел. Он долго устанавливал мяч на отметке, после чего разбежался и сильно ударил. Но Хомич в прыжке отразил этот пушечный удар поднятыми руками, мяч отскочил в перекладину, и Семичастный выбил его в поле.

А спустя двадцать минут в ворота шотландцев влетел второй мяч. Сергей Соловьев как вихрь пронесся по левому краю, передал мяч все тому же Карцеву, тот – Бескову, который перепасовал мяч обратно Карцеву. Удар – и счет на табло стал 2:0 в пользу советских футболистов. Но хозяева не собирались складывать оружие.

За пять минут до конца первого тайма им удалось сократить разрыв – гол забил Большой Джимми, он же Джеймс Смит. С таким счетом команды ушли на перерыв.

Во втором тайме англичане ринулись на штурм советских ворот, пытаясь отыграться. Но у них ничего не получалось – оборона динамовцев во главе с вратарем Хомичем стояла неприступной скалой. И тогда произошло футбольное «алаверды» – шотландцы вернули москвичам должок под названием «а-ля Латышев».

На 75-й минуте в борьбе за мяч потеряли равновесие и упали в штрафной площади «Динамо» два футболиста – Родикорский и Смит. Арбитр Томпсон без колебаний назначил свободный удар в сторону от наших ворот. Но затем к нему подбежал судья на линии. Он что-то сказал главному арбитру, после чего тот указал на... одиннадцатиметровую отметку. И Янг безупречно реализовал пенальти. Так счет стал равным – 2:2. Он сохранился до финального свистка, что, в общем-то, было на руку гостям – ни одного матча из четырех они не проиграли. Общий итог турне для «Динамо» был положительным: две победы и две ничьи. Счет по мячам – 19:9 в пользу гостей. Лучшим бомбардиром среди динамовцев оказался Всеволод Бобров, забивший 6 мячей. На втором месте был Константин Бесков, у которого оказалось на один забитый мяч меньше.

Когда после игры с «Рейнджерс» с Якушину подошли английские журналисты, чтобы взять интервью, он признался: «Я никогда не имел привычки искать причины неудач своей команды в судейских ошибках. Но в этой игре, мне кажется, арбитр погрешил против истины».

После игры в Глазго динамовцы вернулись в Лондон. Пора было паковать чемоданы и улетать обратно на родину. Но из Москвы пришла депеша, разрешающая остаться в Англии еще на... восемь дней. Футболисты обрадовались, полагая, что эта задержка вызвана их отличным выступлением в турне. Но это была половина правды. Вторая половина заключалась в том, что их задержка была необходима лондонской резидентуре МГБ для решения своих оперативных задач.

Эти лишние дни, проведенные в Лондоне, футболисты потратили на экскурсии. Они побывали в Британском музее, Национальной галерее, концертном зале Альберт-холл, Букингемском дворце. Динамовцев было видно издали, ведь все они были одеты одинаково и для столицы Англии достаточно просто: на них были желтые ботинки, синие пальто и костюмы с широкими и немодными по европейским меркам брюками, а головы венчали шляпы фирмы «Москвошвей», выглядевшие на «туманном Альбионе» анахронизмом. Эти наряды были пошиты модельерами ОДМО (Общесоюзного Дома моды) на Кузнецком мосту на скорую руку – ведь решение о турне принималось в спешке. Но парадокс заключался в том, что советские футболисты, которые по меркам англичан выглядели не слишком модно, оказались революционерами в футболе – в игре, которую англичане считали своей. То есть,

немодно одетые люди из СССР выступили в роли законодателей моды в европейском футболе. А если сюда еще приплюсовать успехи советской разведки, которая начисто обыграла английскую – тоже, кстати, сильнейшую и древнейшую в Европе, – то успех этого турне можно назвать безоговорочным.

В Москву динамовцы вернулись ранним утром 7 декабря. На аэродроме всех игроков встречали родственники и друзья. За Бесковым приехала его мама. А он рассчитывал увидеть вместе с ней и Валерию. Но она почему-то не приехала. Поэтому, едва очутившись дома, Константин позвонил девушке. И та рассказала, что хотела выехать на аэродром вместе с его мамой, но ее не взяли, посчитав, что одной встречающей будет достаточно. Тогда Бесков уговорил девушку приехать к нему, чтобы познакомить ее с мамой. Та согласилась. Матери футболиста Валерия понравилась. После чего Бесков отправился провожать гостью. Шли они долго – девушка жила в Ананьевском переулке (напротив Института имени Склифосовского). Там настала очередь Бескову познакомиться с родителями Валерии. И они, памятуя о том, что в Москве тогда орудовала банда «Черная кошка», в обратный путь его непустили – уложили на раскладушке. А 17 февраля 1946 года молодые пошли в ЗАГС и расписались.

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Дворец спорта в Лужниках

Футболист московского «Динамо» Анатолий Кожемякин подъехал на своей «копейке» к Дворцу спорта в начале седьмого вечера. Припарковав машину на стоянке, он со своей женой Натальей направился к центральному входу. Они приехали на эстрадный концерт зарубежных артистов из социалистических стран, который шел в Лужниках уже два дня и должен был продлиться еще один день. В первом отделении выступала звезда югославской эстрады Джордже Марьянович со своим «Голубым ансамблем», а вся вторая половина концерта была отдана польскому вокально-инструментальному ансамблю «Скальды». Вот ради последних семейство Кожемякиных и отправилось на концерт.

«Скальды», хотя и числились по разряду ВИА, на самом деле было фолк-рок-группой, которая приобрела широкую известность шесть лет назад – после выхода их первого альбома. Два года спустя их пригласили с гастролями по США и Канаде, преподнося тамошней публике как «первую польскую рок-группу». Еще через два года группа гастролеровала на родине «битлов» в Англии, а также в ФРГ (их даже включили в культурную программу мюнхенской Олимпиады, на которой, кстати, чемпионом в футбольном турнире стала сборная Польши). В СССР «Скальды» приезжали с гастролями несколько раз (впервые это случилось в 1968 году). Анатолий Кожемякин, который слыл в «Динамо» заядлым меломаном, ни на одном их концерте побывать не смог – его футбольная жизнь каждый раз ломала такие планы. Но в этот раз футболисту повезло. Два дня назад он сыграл за сборную СССР в матче против чилийцев и, несмотря на не слишком удачный итог игры, был отпущен на несколько дней с динамовской базы в Новогорске домой, к жене. А тут как раз в Москве объявились «Скальды». Разве мог он пропустить такое событие? Достав через знакомого спекулянта два билета (естественно, с наценкой), Кожемякин отправился на концерт, предвкушая незабываемое зрелище. С таким же настроением шла на сегодняшнее представление и его юная супруга, всю дорогу напевавшая в салоне «копейки» их любимую скальдовскую песню на русском языке «Прелестная виолончелистка» с их диска, выпущенного на «Мелодии» несколько месяцев назад и купленного Натальей в ГУМе.

До входа во Дворец спорта оставалось всего лишь метров двести, когда к супругам внезапно метнулось несколько подростков лет 15–16, которые узнали в идущем высоком молодом человеке самую яркую звезду советского футбола текущего сезона Анатолия Кожемякина.

– Началось! – не скрывая своего недовольства, произнесла Наталья, которую этот ажиотаж вокруг ее супруга в последнее время начал сильно напрягать.

Из-за него они не могли никуда толком выбраться – как только они оказывались на людях, как их тут же окружали болельщики, требовавшие у Анатолия автографы. Вот и сегодня, похоже, ситуация повторилась.

– Успокойся, Наталка, у нас еще уйма времени, – улыбнулся Кожемякин и даже приобнял жену за плечи. – Дам несколько автографов и снова буду в твоей власти.

– Судя по их лицам, одними автографами дело не ограничится, – ответила жена.

– Тогда вот тебе билет – иди внутрь без меня, а я тебя потом догоню, – и Кожемякин вручил супруге билет, а сам остановился, чтобы пообщаться с болельщиками.

Спустя минуту он уже стоял в окружении счастливых пацанов и подписывал им программки сегодняшнего концерта – ничего более подходящего у них под руками не оказалось.

– Что же вы с чилийцами так слабо сыграли? – спросил у футболиста паренек с рыжей челкой, спадающей на глаза.

– И на старуху бывает проруха, – улыбнулся в ответ Кожемякин. – Ничего, в следующей игре обязательно их обыграем.

– А где она будет эта игра? – не унимался паренек.

– Кто же ее знает? – пожал плечами футболист. – Но быть-то она все равно будет.

– А вы Блоху догоните в споре бомбардиров? – этот вопрос задал уже другой юный болельщик – белобрысый мальчишка с косой челкой.

Речь шла о споре Кожемякина с киевским динамовцем Олегом Блохиным в чемпионате СССР: у киевлянина на тот момент было 14 забитых мячей, а у Анатолия на один меньше.

– Буду стараться. Вот завтра с тбилисцами играем – там попытаюсь разрыв сократить.

– А как стать таким футболистом, как вы? – задал неожиданный вопрос чернявый мальчишка лет десяти, которому Кожемякин подписывал программку последним.

Этот вопрос явно обескуражил футболиста. Какое-то время он морщил лоб, пытаясь найти нужный ответ, а потом спросил:

– Тебя как зовут?

– Федя.

– Ты в футбол во дворе играешь?

– Конечно, после школы на своей Казаковке режемся с ребятами с соседнего двора.

– И где эта Казаковка? – поинтересовался Кожемякин.

– Улица Казакова – это возле Курского вокзала. Наш двор прямо напротив Института физкультуры – бывшей усадьбы графа Разумовского.

– Не знаю, никогда там не был, – пожал плечами футболист. – Я во дворе в Измайлово мяч гонял. Вот там во мне и проклюнулся хороший футболист. Так что ты, Федор, это дело не бросай – играй как можно больше, а потом к нам в секцию приходи, в «Динамо».

– Я вообще-то за «Спартак» болею, – сообщил парнишка.

– Ничего, мы из тебя динамовца сделаем, – и Кожемякин ласково потрепал мальчишку по его вихрам.

Ретроспекция. 16 мая 1965 года, воскресенье, Москва, двор в Измайлово

Двенадцатилетний Толя Кожемякин сидел за письменным столом и старательно выводил цифры в школьной тетради по математике. За окном в это время был самый разгар дворовых игр, шум от которых доносился и сюда – в двухкомнатную квартиру в «хрущобе», где обитало семейство Кожемякиных. Слушая звонкие голоса ребятни, среди которой бегал и его шестилетний брат Сергей, Толик мысленно клял на чем свет стоит школьную мате-

матичку, которая поставила ему «пару» и дала задание к понедельнику сделать не одно, а целых три домашних задания. Два из них он уже сделал, но третье, самое сложное, давалось ему с трудом. С такими темпами он рисковал промучиться до вечера, когда все дворовые игры прекратятся и его сверстники разойдутся по домам. И в тот самый миг, когда он подумал об этом, в коридоре раздалась звонкая трель дверного звонка. Судя по шагам, открывать отправилась мама мальчика.

Когда женщина открыла дверь, она увидела на пороге сразу четырех мальчишек – друзей ее Толика.

– Вам чего, ребята? – спросила хозяйка, загородив собой вход в квартиру.

– Нам бы Толика, тетя Маша, – обратился к женщине один из ребят – его тезка Толик Бондаренков.

– Не выйдет он пока уроки не сделает, – придавая своему лицу сердитое выражение, ответила женщина. – Двойку получил, вот пускай ее исправляет.

– Но он нам очень нужен, – раздался просительный голос еще одного мальчишки, прятавшегося за спиной Бондаренкова.

– Мало ли кому он нужен! – всплеснула руками хозяйка. – Пусть уроки сделает, тогда и выйдет.

В это время в коридор из кухни вышел глава семейства – Евгений Иванович Кожемякин.

– Что за шум, а драки нет? – спросил он, держа в руках раскрытую газету «Советский спорт».

– Дядя Женья, мы за Толиком пришли, а его не пускают, – пожаловался на хозяйку Бондаренков.

– И правильно не пускают – ему двойку исправлять надо, – насупив брови, молвил глава семейства. – Ты сам-то уроки сделал?

– Сделал – мне мало задали.

– А ему задали много – вот он и сидит дома, пока все не сделает, – объявил Евгений Иванович. – Так что ступайте, ребята.

– Не можем мы уйти – проиграем без Толика, – вновь раздался голос мальчишки, прятавшегося за спиной Бондаренкова.

– Где проиграете? – удивился глава семейства.

– В футбол проиграем, – это уже снова в разговор вступил Бондаренков. – Там какие-то чужие ребята пришли, постарше, и нашу коробку заняли. Мяч у нас отняли. Говорят, что пока мы их не обыграем, они отсюда не уйдут.

– И сколько этих ребят? – спросил Евгений Иванович.

– Четверо, и все – здоровенные лбы, – ответил Бондаренков.

Глава семейства обменялся взглядом с женой, после чего передал ей газету, а сам скинул тапки и переобулся в туфли.

– Ну, пойдем посмотрим, что это за лбы там объявились, – произнес Евгений Иванович и, отстранив жену, вышел из квартиры.

Когда он вместе с мальчишками подошел к дворовой хоккейной коробке, которая теперь служила ристалищем для футбольных баталий, он действительно заметил там четырех рослых ребят. Они гоняли матч, играя в одни ворота в «дыр-дыр».

– Зачем же вы, пацаны, мяч у мальчишек отняли? – спросил Евгений Иванович, заходя в коробку.

Игра тут же прекратилась, а игроки усталились на незнакомого мужчину и какое-то время молча его изучали. Наконец, от них отделился рыжий парень в черном спортивном костюме и, подойдя к Евгению Ивановичу, сказал:

– Мы не отнимали. Мы им предложили в футбол сыграть, а они убежали, бросив мяч.

– А тебе сколько лет, пацан? – спросил Кожемякин-старший.

– Семнадцать.

– Школу заканчиваешь?

– Не-а, ПТУ.

– А звать тебя как?

– Сергеем.

– Так вот, Сережа, эти ребята моложе вас – им по тринадцать лет.

– Так мы им фору дадим – в пять мячей. Мы им об этом так и сказали. А они убежали за каким-то Толиком, но вместо него вас привели. Сдрейфили, значит?

– Ничего мы не сдрейфили, – выступил вперед Бондаренков. – Просто Толика родители не отпускают.

– Понятно – за мамкину юбку держится, – сказав это, рыжий обернулся к своим приятелям и они все вместе громко рассмеялись.

– Слушай, Сережа, ты, я вижу, парень серьезный, – вновь обратился к рыжему Евгений Иванович. – Значит, слово свое держать умеешь?

– Пока никто не жаловался, – засунув руки в карманы своих спортивных штанов, ответил Сергей.

– Тогда давай с тобой договоримся. Вы играете с нашими ребятами два тайма по пятнадцать минут каждый без всякой форы. Судить игру буду я. И если вы проиграете, больше сюда не приходите. Договорились?

Услышав это предложение, рыжий, что называется, остолбенел. По его вытянутому лицу было видно, что эти слова застали его врасплох. Однако длилось это недолго. За спиной у него стояла его кодла, перед которой он не должен был выказать не то чтобы испуг, но даже невинное замешательство.

– Хорошо, мы согласны, – ответил рыжий, после чего спросил: – А если мы выиграем?

– Тогда будете приходить сюда когда захотите и играть столько, сколько вам влезет. Только вы не выиграете.

– Это почему?

Вместо ответа Евгений Иванович обернулся к мальчишкам, стоявшим у него за спиной, и сказал:

– Ребята, пусть кто-то сбегает к нам домой и попросит тетю Машу, чтобы она отпустила Толика. Скажите, что я его зову.

От мальчишек тут же отделился Бондаренков и бросился бежать к «хрущобе» – только пятки засверкали. А спустя минуту в кухонное окно высунулась Мария Ивановна, которой муж крикнул всего лишь две фразы:

– Выпусти Толика – он здесь нужен. И пусть переоденется в спортивную форму.

И через пять минут в коробку вошел Кожемякин-младший, облаченный в синий спортивный костюм и кеды.

– Это и есть ваш Толик? – спросил рыжий, смерив вновь прибывшего презрительным взглядом. – И что в нем особенного?

– Не спеши – увидишь, – ответил Евгений Иванович и отошел к дворовым ребятам.

Собрав их вокруг себя, мужчина стал давать им последние наставления:

– Значит, так, пацаны – играем от обороны: вратарь и защитник сзади, а Бондаренков играет под моим Толиком. Посмотрим, на что способны эти ухари. Все понятно?

Ребята дружно закивали головами, после чего Кожемякин-старший повернулся к пришлым:

– Итак, два тайма по десять минут. Засаекаю время, – и Евгений Иванович бросил взгляд на свои наручные часы. – Начинают «малыши».

Услышав это определение, пришлые дружно заржали и спорить по поводу того, кому начинать игру, не стали. Трое из них вышли вперед, а один встал в ворота, специально смастеренные местными умельцами для игры в мини-футбол. Они были меньше стандартных ворот вдвое, но на них была настоящая сетка.

Первым мяча коснулся Кожемякин, который адресовал его своему тезке – Бондаренкову. Тот рванул с мячом по левому краю и к нему тут же бросился один из пришлых. Но Толик мастерски его обыграл – ударил мячом о бортик и, обойдя защитника, вышел в угол площадки. А когда к нему бросился еще один игрок из команды пришлых, он сделал навес в штрафную площадку. Это была их наигранная комбинация. Зная об этом навесе, Кожемякин сделал молниеносный рывок вперед и точным ударом головы вогнал мяч в левый верхний угол ворот. Вратарь даже не успел среагировать на этот удар.

– Один ноль! – сообщил во всеуслышание Евгений Иванович.

Пришлые были в явном замешательстве. С начала матча прошла всего лишь одна минута, а они уже проигрывали. Но рыжий нашелся, чем ответить:

– Мы же хотели дать «малышам» фору в пять мячей, поэтому пропустить один нам не страшно.

После чего он начал атаку своей команды. Причем решил использовать тот же ход, что минуту назад продемонстрировал соперник – с рикошетом от бортика. Но он не учел, что «малыши», часами гоняющие мяч в этой коробке, знали все эти хитрости назубок. Поэтому, когда рыжий выстрелил по бортику, противостоящий ему защитник буквально за секунду до этого успел сместиться в том же направлении и корпусом закрыл мячу возможность оказаться у него за спиной. После чего рыжий, рванувший вперед, оказался без мяча в углу площадки, а защитник, подхватив кожаный кругляш, пробежал с ним до середины площадки, после чего отдал точный пас Кожемякину. И тот устремился с мячом к воротам. Он мастерски обвел центрального защитника, поймав его на ложном замахе, затем обвел еще одного соперника, ловко протолкнув мяч ему между ног, после чего вышел один на один с вратарем. Тот бросился ему навстречу, рассчитывая ногами выбить мяч в поле, но Кожемякин его опередил. Мыском он подбросил мяч в воздух, который затем ударил внешней стороной стопы так, чтобы тот перелетел через вратаря и опустился за его спиной. Этот удар у них во дворе назывался «за шиворот». Не ожидавший такого финта, вратарь лишь выбросил руки вверх, но было поздно – мяч уже оказался у него за спиной и спокойно вкатился в пустые ворота.

– Два ноль! – вновь громко оповестил о результате Евгений Иванович.

Рыжий был вне себя от злости. Он подбежал к своим игрокам и начал крыть их отборным матом. На что Евгений Иванович тут же резко среагировал:

– Сергей, потише на поворотах – здесь все-таки дети!

– Вижу я, какие это дети, – зло огрызнулся рыжий.

– Вы же сами просились, – усмехнулся мужчина. – Ну, что – сдаетесь или дальше продолжим?

Не говоря ни слова, рыжий вновь ударил ногой по мячу и начал очередную атаку своей команды. Но ее постигла та же участь, что и предыдущую. На этот раз рыжий и один из его напарников решили пройти по центру, разыграв «стеночку». Но Бондаренков и последний защитник легко разгадали этот замысел и быстро отняли мяч, который тут же был адресован Кожемякину.

– Останови его, олух! – закричал рыжий своему последнему защитнику и тот бросился наперерез Кожемякину.

Но он легко с ним разобрался с помощью распасовки – начал перекидывать мяч от одной своей ноги к другой, а когда соперник приблизился к нему, сделал круговое вращение туловищем, при этом продолжая контролировать мяч ногами. В результате противник наткнулся на его спину и упал на землю, а Кожемякин вновь оказался один на один с врата-

рем. При этом последний теперь не стал выходить из ворот, помня о недавнем мяче, угодившем ему «за шиворот». Но голкипер и в этот раз оказался в дураках. Кожемякин ударом ноги поднял мяч в воздух и стал бить по нему головой, приближаясь к воротам. Но услышав за спиной топот ног – это к нему бежали сразу трое игроков команды противника – он сбросил мяч сначала себе на колено, а затем под удар, который получился настолько хлестким, что вратарь весь съежился и позволил мячу беспрепятственно влететь в сетку.

– Три ноль! – объявил Евгений Иванович очередное изменение в счете, после чего добавил: – Время первого тайма истекло.

Во второй десятиминутке ситуация на площадке не изменилась – у пришлых ничего не получалось в атаке, поскольку «малыши» играли в защите настолько слаженно, что пробить их оборону было невозможно. Да и вратарь у них действовал в «рамке» на удивление хладнокровно. Более того – он дважды точными бросками от ворот руками выводил Кожемякина в прорыв и тот, легко обыгрывая сразу двух соперников, выходил один на один с вратарем и забил еще два мяча. Игра так и закончилась – 5:0 в пользу «малышей».

– Если бы играли с вашей форой, то счет был бы и вовсе 10:0, – подвел итог этой баталии Евгений Иванович.

Рыжий и его товарищи по команде стояли на своей половине поля и, тяжело дыша, вытирали пот со своих натруженных лиц. Вступать в перепалку с отцом, сын которого только что наколотил им пять «сухих» мячей, им не хотелось. Да и что было говорить, когда счет был, как говорится, на табло.

В это время на территорию коробки вошел высокий мужчина в светлых брюках и такой же светлой рубашке с закатанными по самые локти рукавами. Все это время он стоял за бортиком и внимательно следил за игрой. Никто из местных его не знал, поэтому первое, что он сделал, войдя в коробку – протянул руку Евгению Ивановичу и представился:

– Василий Сергеевич Панфилов – тренер из Футбольной школы молодежи.

После чего, кивнув в сторону Кожемякина-младшего, спросил:

– Чей это мальчик?

– Мой. Меня зовут Евгений Иванович Кожемякин, а это мой сын Толик.

– Хороший футболист из вашего сына может получиться, – похвалил мальчишку тренер. – Вы его никому еще не показывали?

– Из ФШМ вы – первый. Хотите его взять к себе?

– К себе не могу – места для него пока нету. Но вот в «Локомотив», где я когда-то играл, пристроить сумею.

– А когда вы там играли? – поинтересовался Евгений Иванович.

– Тринадцать лет назад, провел там четыре сезона, один из которых в первой лиге.

– Значит, самый сильный его состав не застали?

– Имеете в виду при тренере Борисе Аркадьеве? Застал – только не в качестве игрока, а в роли его помощника. А вы, я смотрю, футболом увлекаетесь?

– Естественно, иначе как бы я такого парня вырастил, – улыбнулся Евгений Иванович. – Так когда нам в «Локомотив» показаться?

Вместо ответа Панфилов достал из нагрудного кармана рубашки записную книжку и авторучку. Написав адрес и фамилию тренера, к которому отцу и сыну надо было придти, тренер вырвал листок и передал его Кожемякину-старшему.

– Я сегодня же позвоню этому человеку, так что вашего сына он возьмет без всякой проверки. А там, глядишь, и место в моей ФШМ освободится.

Так 12-летний Толя Кожемякин попал в команду мальчиков группы подготовки московского «Локомотива», где он пробудет до следующего года. А в 1967 году его возьмут в ФШМ к Панфилову. Впереди парня будут ждать выдающиеся результаты. Уже в 15–16 лет (1968–1969) он будет играть за юношескую сборную Москвы. В ее составе станет лучшим

бомбардиром «Кубка Юности» 1968 года (забьет 5 голов). А год спустя победит на футбольном турнире Всесоюзной Спартакиады школьников; где будет признан лучшим нападающим. Этот же титул он завоюет в том же 69-м и на «Кубке надежды».

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Дворец спорта в Лужниках

Подписав ребячьи программки, Кожемякин догнал свою супругу, которая медленно шла к входу во Дворец спорта. Но у самого входа футболист вынужден был снова задержаться – его опять окликнули. Он повернул голову на зов, и увидел улыбающегося во все лицо молодого хоккеиста ЦСКА Бориса Александрова. С ним судьба свела футболиста несколько недель назад на Ленинградском шоссе. Кожемякин ехал на своей «копейке» на базу в Новогорск, а Александров «голосовал» на дороге – он спешил на армейскую базу в Архангельское, а такси, которое он взял, внезапно сломалось. И первым, кто рядом с ним остановился, был именно Кожемякин. По дороге они разговорились, и футболист узнал, что случайный попутчик оказался его коллегой – тоже спортсменом. Всего лишь несколько месяцев назад он объявился в Москве, приехав сюда из усть-каменогорского «Торпедо», где его высмотрел сам Анатолий Фирсов.

– А мне автограф не дашь, знаменитость? – протягивая руку футболисту, спросил Александров.

– Не бойся, скоро ты сам будешь этим заниматься, – пожимая протянутую руку, ответил Кожемякин.

– Может, и буду, а пока вот по концертам хожу вместо того, чтобы на лед выходить.

– У вас сегодня игра?

– С рижанами, – кивнул головой хоккеист. – Вчера первую сыграли, с трудом победили 5:4. Но меня и там не выпустили.

– Поэтому ты решил сегодня на концерт заявиться?

– А чего зря штаны на лавке протирать – лучше «Скальдов» послушаю.

– Ты один пришел?

– Приятель должен подойти – Лешка Шлемов.

– Что-то я не слышал о таком хоккеисте, – пожал плечами Кожемякин.

– А он и не хоккеист вовсе – актер. Мы с ним этим летом на съемках фильма про хоккей познакомились – «Жребий» называется.

– Значит, ты кинозвездой собираешься стать?

– Я в массовке бегаю – хоккеиста изображаю.

В это время к ним подошел молодой человек в модной финской курточке, который оказался тем самым Алексеем Шлемовым. Узнав от Александрова, кто перед ним, актер заметил:

– Среди моих знакомых футболисты еще не значатся – вы первый.

– Это хорошо или плохо? – спросил Кожемякин.

– Хорошо, Толик – Лешка будет тебя дефицитными билетами снабжать, – ответил за приятеля Александров.

– О каких билетах идет речь? – поинтересовался футболист.

– Например, на разного рода кинопремьеры, – ответил Шлемов. – Кстати, вам не нужны билеты в «Иллюзион» на «Анжелику» и «Фантомаса»? Их сейчас опять прокатывать решили – народ валит толпами.

– Эти фильмы я уже видел, – ответил Кожемякин. – Нам бы с женой на что-то свеженькое сходить – например, на польскую «Анатомию любви» или на нашего «Ивана Васильевича», который «меняет профессию». Говорят, уморительная комедия получилась.

– Нет проблем, сделаем, – улыбнулся Шлемов. – Когда сходить желаете?

– Завтра мы с тбилисцами в Москве играем, а седьмого октября с «Араратом» в Ереване. Вот в этот промежуток нас с женой вполне бы устроило. Но лучше взять ваш телефон, чтобы накладки не было – мы, футболисты, люди подневольные.

– Хоккеисты тоже, – откликнулся на эти слова Александров.

– Подневольные сейчас на льду круги нарезают, а ты на «Скальдов» пойдешь, – похлопал по плечу приятеля Шлемов.

И все трое от души рассмеялись этой шутке. После чего отправились на концерт, до начала которого оставались считанные минуты.

29 сентября 1973 года, суббота, Киев, гостиница «Москва»

Тренер донецкого «Шахтера» Олег Базилевич успел войти в свой гостиничный номер и распаковать чемодан, когда к нему ворвался начальник команды Владимир Сальков.

– Олег Петрович, только что звонили из Донецка – приказали помочь киевлянам, – огорошил тренера своим сообщением неожиданный визитер.

– Кто звонил, как помочь? – застыв перед открытым чемоданом, спросил Базилевич.

– Вы что не понимаете – Владимир Иванович звонил, – опускаясь в кресло, сказал Сальков.

Под этими инициалами скрывался первый секретарь Донецкого обкома КПСС Владимир Дегтярев.

– А вы можете толком объяснить, что он вам сказал, Владимир Максимович? – стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, попросил у гостя тренер.

– Конечно, могу. Он сказал, что киевлянам надо помочь догнать «Арарат». Вы же знаете турнирную таблицу – Ереван от Киева отделяет всего одно очко. Мы сегодня встречаемся с Киевом, а ереванцы в Москве с торпедовцами. Москвичи уже шесть туров не могут выиграть, поэтому велика вероятность того, что они и сегодня продуют. И если киевляне на нас споткнутся, то «Арарат» сделает еще один шаг на пути к «золоту».

– Ну и поспайкает – это же футбол.

– Бросьте заниматься демагогией, Олег Петрович, – не скрывая своего раздражения, произнес Сальков. – Дегтярев мне прямо намекнул, что его звонок ко мне не случаен. Перед этим ему звонили отсюда, из Киева. Догадываетесь кто? От самого Щербицкого! А это, скажу вам, не шуточки.

– Владимир Максимович, я достаточно искушенный в футболе человек и на моем веку было достаточно похожих историй, – все так же спокойно вещал Базилевич. – Я с 1957 года выступал за то же киевское «Динамо», а тренером работаю уже четыре года. Но я, как вы правильно заметили, хорошо знаком с сегодняшней турнирной таблицей. У нашего «Шахтера» 23 очка, мы идем на пятом месте. Столько же очков у московского «Динамо» и ворошиловградской «Зари». Если мы сегодня выиграем, а они уступят, то у нас есть реальный шанс зацепиться за третье место. Вы это понимаете?

– Я все понимаю не хуже вашего, – отмахнулся от тренера Сальков. – Но есть наши интересы, областные, а есть республиканские. И последние, к сожалению, перевешивают наши. Я же говорю, что за этим звонком стоит Щербицкий. А он, к вашему сведению, не только глава Украины, но и член Политбюро. Представляете, что может стать с нами, если мы ответим ему так, как отвечаете сейчас мне вы?

– И что с нами станет?

– Перестаньте паясничать, Олег Петрович, – и Сальков резко встал на ноги. – Если мы откажемся, то подставим не только себя, но и Владимира Ивановича. А он нам человек не чужой – столько добра команде делает.

Это был весомый аргумент в рассуждениях начальника команды. Хозяин Донецкой области, занимая этот пост вот уже девять лет, и в самом деле много хорошего сделал «Шахтеру». Одна реконструкция стадиона, законченная в августе 1966 года, чего стоила – двухъярусный красавец-стадион с трибунами на 42 тысячи мест был украшен оригинальной конструкцией светильников и современным на тот период электротабло. А когда в 1971 году «Шахтер» вылетел в первую лигу, именно благодаря помощи обкома команде удалось снова вернуться в высший дивизион советского футбола. Однако и в словах Базилевича тоже был свой резон. В этом году команда вплотную приблизилась к тому, чтобы завоевать бронзовые медали. Такой успех у «Шахтера» случился лишь однажды – в 1951 году. И вот теперь, 22 года спустя, когда команда могла снова войти в тройку сильнейших футбольных клубов страны, этот успех у нее безжалостно отбирали. Смириться с этим Базилевич не хотел.

– Ну, что решили, Олег Петрович? – первым прервал затянувшуюся паузу Сальков.

– Нам двоим решать эту проблему несподручно – надо посоветоваться с командой, – ответил Базилевич.

Сказал он это не случайно – он надеялся на то, что команда встанет на его сторону и тогда ему будет легче держать ответ перед высшим руководством.

– Хорошо, я немедленно собираю ребят, – на удивление быстро ответил начальник команды.

Этот быстрый ответ смутил тренера и зародил в нем смутные подозрения, что решение игроков Салькову уже заранее известно.

Спустя полчаса вся команда донецкого «Шахтера» была собрана в гостиничном конференц-зале. Лишних никого не было – только свои. Среди собравшихся были: Дегтерёв, Яремченко, Звягинцев, Белоусов, Жуков, Ванкевич, Васин, Коньков, Старухин, Захаров, Дудинский, Сафонов, Чихладзе.

Первым слово взял Сальков, который рассказал игрокам о звонке Дегтярева и его настоятельной просьбе. При этом упор делался на то, что отказав донецкому секретарю, команда плюнет ему в душу, ответит неблагодарностью за все хорошее, что он для нее сделал и продолжает делать. Затем слово взял Базилевич, который был краток:

– Ребята, в словах Владимира Максимовича есть своя правда. Дегтярева мы все уважаем, он действительно наш главный заступник. Но есть и другая правда. В этом году мы можем завоевать бронзовые медали – впервые за последние 22 года. Если мы этого не сделаем в этом году, вполне вероятно, потом долго сделать не сумеем. Во всяком случае, многие из здесь сидящих, включая и меня, поскольку футбольный век короток. Поэтому, когда будете принимать решение, учитывайте, пожалуйста, и это обстоятельство.

Затем начались прения. Впрочем, прениями это назвать было трудно, поскольку почти вся команда дружно поддержала... Салькова. Кто-то из игроков подводя итог сказал:

– Третье место, конечно, хорошо, но какой в нем прок, если ради него мы испортим отношения с Дегтяревым. Ведь если киевляне из-за нас не возьмут «золото», Владимира Ивановича за это по головке не погладят – могут и с работы снять, припомнив сегодняшнюю игру. И тогда мы потеряем своего главного заступника.

В итоге большинством голосов команда проголосовала за то, чтобы «сдать» сегодняшний матч киевлянам. Увидев, чем все закончилось, Базилевич встал со своего места и покинул помещение. Но этот демонстративный жест никого не напряг, а многих даже успокоил – без старшего тренера решать возникшую проблему становилось легче.

– Ребята, я не хотел говорить это при Олеге Петровиче, но наверху просят помочь решить еще одну дилемму, – обратился к команде Сальков. – Олег Блохин идет на звание главного бомбардира первенства – на сегодня у него 14 забитых мячей. Ему на пятки наступают московский динамовец Анатолий Кожемякин, у которого на один забитый мяч меньше. Надо поддержать нашего земляка. Как вы на это смотрите?

– И сколько сегодня я должен пропустить от него «банок»? – спросил вратарь команды Юрий Дегтерев.

– Я думаю, двух мячей с него вполне будет достаточно, – ответил Сальков. – Что скажете, защитники?

– Скажем, что согласны – пусть забивает, – ответил за всех защитник, который в этой игре был приставлен персонально к Блохину.

– Тогда не буду вас больше задерживать – отдыхайте, ребята, – закрыл собрание начальник команды.

Вечером на киевском Центральном стадионе собралось посмотреть матч между местным «Динамо» и «Шахтером» 40 тысяч человек, при заполняемости стадиона в 100 тысяч. Причем многие зрители обратили внимание на то, что на скамейке запасных гостей нет их тренера Олега Базилевича. Заметил это и местный журналист Игорь Янчук, работавший в киевском корпункте «Советского спорта». Подойдя к Салькову, он поинтересовался:

– А куда подевался ваш тренер?

– Олег Петрович сегодня будет смотреть игру с трибуны, – бодрым голосом ответил начальник «Шахтера». – Так ему удобнее охватить своим взглядом всю картину игры.

– Но раньше он всегда сидел с командой, – продолжал удивляться журналист.

– А сегодня его посетила другая идея – что в этом удивительного? Вы разве не знаете, что тренеры западных клубов частенько так поступают?

– Не слышал о таком, – пожал плечами журналист, после чего удалился смотреть игру, которая в это время как раз началась.

Тренер киевлян Александр Севидов выставил на матч свой ударный состав. В воротах стоял Рудаков, в поле играли Зуев, Матвиенко, Фоменко, Решко, Трошкин, Мунтян, Буряк, Колотов, Веремеев, Блохин.

Как и положено, игра началась атаками хозяев поля. Мощно действовала связка Леонид Буряк – Олег Блохин. Причем первый играл в составе киевлян первый год, придя в команду из одесского «Черноморца». Его приглашали к себе все ведущие московские клубы, но Буряк выбрал киевское «Динамо», поскольку в нем играл его приятель Блохин – с ним он подружился, еще играя за молодежную сборную. Его дебют за «Динамо» состоялся 2 мая 1973 года в домашней игре против московского «Спартака». Киевляне победили по пенальти 3:2, причем Буряк свой штрафной удар произвел неудачно – вратарь мяч отбил. Но с тех пор много воды утекло и связка Буряк – Блохин буквально затерзала защитников «Шахтера». Впрочем, если бы динамовцы (как и все болельщики, наблюдавшие за этой игрой) знали о тех событиях, которые произошли за несколько часов до игры в гостинице «Москва», они бы поняли, почему дончане никак не могут отбиться. И в итоге на 9-й минуте один из защитников «Шахтера» внезапно споткнулся и упал на газон в момент прохода к воротам Блохина. Лучший бомбардир чемпионата вышел один на один с Дегтеревым и легко положил мяч в ближний угол ворот. Киевляне повели по.

Но затем дончане выровняли игру и первый тайм закончился с минимальным перевесом в пользу хозяев поля. Игроки «Шахтера» прекрасно понимали, что если поддаваться, то так, чтобы комар носу не подточил. И когда они пришли в раздевалку, где были все, кроме Базилевича, они договорились, что второй мяч дадут забить Блохину опять же в начале тайма, чтобы у них была возможность к концу игры хотя бы «размочить» счет.

– А дадут нам его «размочить?» – резонно поинтересовался кто-то из игроков «Шахтера».

– Не волнуйся, киевляне тоже не дураки – знают о нашей ситуации, поэтому помогут, – последовал ответ.

Так и произошло. Спустя 12 минут после начала второго тайма Блохин оформил «дубль» – забил второй мяч. Он весьма легко обыграл двух защитников (один из которых снова неудачно упал), вратаря, и послал мяч в сетку.

А спустя двадцать минут свой шанс не упустили и дончане – гол у них забил Захаров, который во втором тайме сменил знаменитого «Бабусю» – Виталия Старухина.

Журналист Игорь Янчук, который всю игру изредка поглядывал в ту сторону, где на трибуне сидел Олег Базилевич, после гола дончан решил посмотреть на реакцию тренера «Шахтера». Но того на трибуне уже не было.

– Ты не видел, куда подевался Базилевич? – спросил он у своего коллеги, сидевшего с ним рядом.

– Так он ушел минут пять назад.

«Странно, – подумал про себя Янчук. – До конца игры еще двадцать минут, а тренер гостей покидает свой командный пункт. Не верит в победу своей команды? Или он изначально в нее не верил, из-за чего и не сел смотреть игру вместе с командой? Здесь явно скрывается какая-то загадка. Но какая?»

Когда игра закончилась (киевляне победили 2:1), Янчук вышел в подтрибунное помещение, где внезапно столкнулся с телевизионным оператором Арсением Калитиным.

– Как тебе игра? – поинтересовался журналист у телевизионщика.

– Вроде бились два фаворита турнира, а такое впечатление, что играли в поддавки, – ответил Калитин.

– Ты тоже это заметил? – не скрывая удивления, спросил Янчук. – Слушай, а ты не можешь переписать мне эту игру на видеокассету?

– Это еще зачем? – насторожился Калитин.

– Хочу повнимательней ее посмотреть еще раз – мне о ней отчет писать надо для газеты.

– Ты же знаешь, каким дефицитом у нас пленка считается, – покачал головой оператор.

– Хорошо, тогда разреши мне посмотреть игру у вас в монтажной. Это, надеюсь, не дефицит?

– Вот это запросто, – улыбнулся Калитин. – Я дам тебе знать, когда монтажная освободится. Кстати, знаешь, как остальные фавориты сегодня сыграли?

– Откуда – я же весь матч на трибуне просидел.

– Ереван у торпедовцев выиграл по, а московское «Динамо» разгромило тбилисское 4:1. Так что статус-кво сохраняется.

– Кожемякин голом отметился?

– Забил один мяч. Но наша Блоха все равно впереди, причем теперь уже на два мяча.

– Так впереди еще пять матчей – Кожемякин вполне может догнать.

– Не смей мои тапочки, – улыбнулся Калитин. – Судя по сегодняшней игре, Блохе дали зеленый свет, чтобы именно он стал лучшим бомбардиром. Это же конкретные деньги.

Янчуку не надо было лишний раз объяснять значение последней фразы. За то, что игрок их команды становился лучшим бомбардиром, денежные премии получали: сам игрок, тренер его клуба и руководство Спорткомитета, в чьем подчинении была эта команда.

В этот момент оператора позвал кто-то из его коллег и он, пожав руку журналисту, отправился на зов. А Янчук еще какое-то время стоял на месте, размышляя над смыслом последних слов, сказанных оператором.

29 сентября 1973 года, суббота, Чили, Сантьяго, район Нюньоа

В трехэтажном неприметном доме на улице Санта Изабель Альваро Молина встречался с Алонсо Райнери – человеком, который отвечал в его группировке за контрразведку.

Они сидели в угловой комнате при включенном телевизоре, звук которого был приглушен, чтобы не мешать их разговору. В это время шла трансляция выступления генерала Сезара Мендосы, который в новом правительстве Пиночета отвечал за руководство отрядами карабинеров. Его выступление не интересовало Молину и Райнери, поскольку ничего нового генерал сказать не мог – это было обычное словоблудие, облеченного большой властью человека, лгущего народу о новом порядке и его блестящих перспективах.

Глядя в лоснящееся лицо генерала, Молина ковырялся ложкой в тарелке с уже остывшей кукурузной похлебкой и внимательно слушал доклад своего главного разведчика.

– Подобраться к Брежневу в Москве не представляется возможным, – вещал Райнери. – Своих людей у нас там нет, да и где они будут искать Брежнева тоже неизвестно.

– Там же полно чилийских студентов? – задал вполне резонный вопрос Молина.

– Ты шутишь, Альваро – поручать студентам такое дело? – искренне удивился Райнери.

– Я имел в виду послать в Москву под видом студента нашего человека. Тем более в конце октября в Москве открывается Всемирный конгресс мира, посвященный событиям в Чили. Там наверняка будет Брежнев.

– До конгресса осталось всего ничего – две недели. За это время мы никак не успеем подготовить такую сложную операцию. К тому же посылать туда кого-то под видом студента – гиблое дело, поскольку такого человека сразу вычислят. Поэтому повторяю тебе снова – достать Брежнева в Москве нереально. Его надо ловить где-то за пределами СССР.

– У тебя есть маршруты его ближайших поездок?

– Их можно вычислить.

– Каким образом?

– Логически – надо только выяснить, в каких странах намечаются разного рода торжества, на которых советский генсек обязательно должен появиться.

– И что это за мероприятия? – продолжал вопрошать Молина.

– Их не так много, причем нас интересуют только те, которые будут проходить в дружественных Советам странах.

– Почему там?

– В какой-нибудь Франции или Западной Германии Брежнев охраняют по высшему разряду, а вот в странах социализма не так тщательно, поскольку речь идет о дружественных СССР режимах. То есть, там он чувствует себя в наибольшей безопасности. Этим и надо воспользоваться.

– Как я понял, ты уже подобрал это место? – Молина перестал ковыряться ложкой в тарелке и пристально взглянул на Райнери.

Прежде, чем ответить, главный разведчик поднялся из-за стола и, подойдя к телевизору, щелкнул тумблером, выключив аппарат. Затем вернулся на свое место за столом и выложил перед своим начальником план операции:

– Самый удобный вариант – это Польша. В июле следующего года там будут отмечать 30-летие образования республики и Брежнев обязательно должен там быть. Это место удобно во всех отношениях. Во-первых, эта страна, где русских любят меньше всего в социалистическом лагере и, значит, нам будет на кого там положиться. Во-вторых, – у меня уже есть на примете один поляк из местных, имеющий давние счеты с русскими, и, наконец, в-третьих – у него будет достаточно времени, чтобы подготовиться к операции.

– Кто этот человек?

– Анджей Кравчик. Он вместе с матерью приехал в Чили в конце войны – пацану в ту пору было всего четыре года. Мать устроилась работать в местную Ассоциацию поляков секретарем. Сейчас ее уже нет в живых – она умерла от рака три года назад. Но мать в нашем деле не главный фактор. Гораздо важнее отец Анджея – офицер польской армии, погибший

в Катини весной 1940 года. Есть такое местечко в СССР, в Смоленской области, где были расстреляны несколько тысяч польских офицеров.

– Кем расстреляны – Советами?

– В том-то и дело, что сами Советы этот факт отрицают и валят все на фашистов, а вот большинство поляков уверено, что это дело рук советских чекистов. Анджей как раз входит в число таких поляков, что нам только на руку. При таком раскладе у него есть серьезный мотив принять наше предложение и вернуться на родину, чтобы убить Брежнева.

– А он до этого бывал в Польше?

– Несколько раз – они ездили с матерью к ее брату, дяде Анджее, который живет в Праге.

– Это же столица Чехословакии? – выказал свою осведомленность Молина.

– Это другая Прага – пригород Варшавы. Весьма удобное место для того, чтобы спрятаться – тихое местечко, не в центре.

– А этот Кравчик не подведет – ты в нем уверен?

– Он спортсмен, имеет высший разряд по боксу, да еще неплохо стреляет – посещает тир. В нем явно проснулись гены его отца-офицера. И учитывая, что он всегда носит на груди медальон с фотографией отца, поскольку живым его никогда не видел, этот парень согласится поквитаться с русскими за гибель своего родителя.

Услышав эту характеристику, Молина понял, что это идеальный кандидат для такого рода операции. Впрочем, он никогда и не сомневался в организаторских способностях своего главного контрразведчика.

– Ну что же, уговорил – будем готовить этого поляка к операции. Кстати, как ее назовем?

– Я предлагаю «Сако» (по-испански это означало «мешок»).

– А что, хорошее название – заманить Брежнева в мешок и пристрелить, как бешеную собаку, предавшую идеалы социализма. Действуй, Алонсо!

30 сентября 1973 года, воскресенье, Киев, киностудия имени Довженко и Политехническая улица

Когда в просмотровом зале зажегся свет, к Оленюку повернулась режиссер Суламифь Цибульник и спросила:

– Ну, как вам понравилось увиденное?

Влас Оленюк был старшим инспектором киевского уголовного розыска, который консультировал (вместе с полковником Марченко) уже второй фильм Цибульник на криминальную тему. Первым был «Инспектор уголовного розыска», который увидел свет в прошлом году. В главной роли в нем снимался популярный московский актер Юрий Соломин, только что прославившийся ролью разведчика Павла Кольцова в сериале «Адъютант его превосходительства». Собственно, ради этого его и пригласили в Киев – чтобы он своей популярностью вытянул эту, в общем-то, рядовую милицмейскую историю. И он действительно постарался – картину в прокате посмотрели более 40 миллионов человек. Вторую часть под названием «Будни уголовного розыска» снимали уже без Соломина, но была надежда, что она «прокатится» по стране не менее успешно, чем первая часть. На это надеялась вся съемочная группа и именно об этом спрашивала инспектора утро режиссер фильма, когда они совместно посмотрели смонтированную копию, готовую к отправке в Госкино. Оленюку увиденное понравилось, поэтому с ответом он не задержался:

– Мне кажется, фильм получился интересным, Суламифь Моисеевна. Хотя одно замечание на язык все-таки просится.

– Какое? – вскинула брови режиссер.

– У вас весьма авторитетный рецидивист Хлопов в уголовной среде носит кличку «Петух». Но это нонсенс для такого рода преступника – подобные клички дают самым презираемым в колониях и тюрьмах заключенным. Так называемой низшей касте.

– Вот как? – Цибульник обвела удивленным взглядом остальных членов съемочной группы, кто сидел в просмотровом зале. – Но полковник Марченко ничего нам об этом не сказал.

– А он и не мог вам этого сказать, поскольку в первоначальном варианте сценария у Хлопова вообще не было никакой клички, – отозвался на реплику режиссера Оленюк. – Я ведь тоже читал этот сценарий и хорошо это помню.

– Значит, мы внесли эту коррективу уже по ходу съемок, – пожала плечами режиссер. – Но что, это так принципиально?

– С точки зрения правды жизни – конечно. Иначе я бы не стал вас беспокоить.

– Спасибо вам, но мы уже не сможем исправить эту ситуацию, – развела руками режиссер. – Фильм смонтирован и завтра отправится в Госкино. Я надеюсь, вы не будете столь принципиальны из-за этой «петушиной» оказии? Ведь в остальном правда жизни, я надеюсь, соблюдена?

– К остальному лично у меня претензий нет, – ответил Оленюк и широко улыбнулся, чем мгновенно разрядил обстановку.

Будучи консультантом от МВД, он мог пойти на принцип и, объединившись со своим коллегой – полковником Марченко – заблокировать выход фильма на экран до внесения в него соответствующих поправок. Но Оленюк не был педантом – он был обыкновенным земным сыщиком без какого-либо апломба.

В это время в зал вошла ассистентка режиссера и сообщила, что инспектору нужно срочно подойти к телефону – ему звонили с Владимирской, 15, где располагался киевский уголовный розыск. И когда, спустя несколько минут Оленюк взял телефонную трубку, он услышал в ней голос своего шефа – начальника 2-го «убойного» отдела майора Петра Маринина:

– Влас, бросай свое кино и займись футболом – ты же у нас болельщик со стажем. Только что нам сообщили, что погиб массажист киевского «Динамо» Лазарь Луцкий. Он жил на Политехнической улице, 17, а это от твоей киностудии буквально рукой подать. Так что бери ноги в руки и шуруй туда. Там уже ребята с «земли» всю работу делают, а ты их проконтролируй. Потом доложишь.

– А что стряслось с этим массажистом? – поинтересовался Оленюк.

– Вроде, самоубийство – из окна выбросился. Но ты на месте все поточнее выясни. Так что не теряй времени.

И майор первым повесил трубку.

* * *

Когда Оленюк приехал на место происшествия, труп массажиста уже успели увезти в морг, а то место на асфальте, где совсем недавно лежало тело самоубийцы и адела лужа крови, было старательно присыпано песком с соседней детской площадки. Подойдя к молоденькому сержанту милиции, который стоял у подъезда и курил, Оленюк предъявил ему свое удостоверение и поинтересовался, из какой квартиры выпал несчастный. Получив ответ, он на лифте поднялся на седьмой этаж панельной девятиэтажки. И застал в квартире сразу нескольких человек в лице инспектора угро и участкового из местного отделения милиции, а также эксперта и следователя местной прокуратуры, который сидел за столом и что-то писал на стандартном листе бумаги. Эксперт снимал отпечатки пальцев с оконной рамы, а инспектор и участковый пялились в экран черно-белого телевизора «Рубин-205», который в

эти минуты работал – по нему показывали музыкальный фильм «Червона рута» с участием Софии Ротару и Василия Зинкевича.

Представившись, Оленюк поинтересовался у следователя, который назвался Андреем Забелиным, о деталях случившегося.

– А вот на столе видно все, как на ладони, – ответил следователь и указал на стоявшую рядом с ним початую бутылку водки «Московская». – Покойный с какого-то горя осушил полбутылки и сиганул из окна вниз. Когда его в машину грузили, от него разило этой водярой на добрую версту.

– Странно, а закуски на столе что-то не наблюдается, – заметил Оленюк.

– Так я же говорю, что горе у него, видно, какое-то было, – вновь поднял голову от листа бумаги следователь. – А когда у человека горе, он водку пьет без закуски. У него и дверь входная была не заперта – в прострации был мужик. Даже предсмертной записки не оставил.

– Надо бы выяснить, какое такое горе у человека могло случиться. Родные у него есть?

– Судя по обстановке, один он здесь обитал, – сообщил следователь.

– А на работу ему звонили? – Оленюк обратился к двум сотрудникам местного отделения милиции, которые сидели на диване и продолжали пялиться в телевизор.

– Звонили, но там к телефону никто не подходит, – взял слово инспектор угро в звании старшего лейтенанта. – Что вполне объяснимо – воскресенье на дворе.

– А съездить туда не пробовали? – поинтересовался Оленюк.

– А куда торопится, если дело ясное – обыкновенное самоубийство, – продолжал вещать инспектор. – С понедельника и начнем.

– А соседей хотя бы опросили?

– Из всех соседей только четыре человека – остальные пока на дачах, да по делам разъехались, – в разговор вступил еще один сотрудник местного отделения милиции – участковый, рыжий чуб которого торчал из-под фуражки. – Из опрошенных никто ничего не видел и не слышал. Все «Челкаша» смотрели – его по первой программе показывали. Кино и в самом деле сильное – не оторвешься.

Эту горьковскую экранизацию Оленюк тоже любил еще с детства, однако с тех пор больше ее не пересматривал – все было как-то недосуг. Вот и сегодня не получилось – сначала закрутили дела на киностудии, а теперь вот это самоубийство, будь оно неладно.

– А что с другими соседями? – продолжал пытаться коллег Оленюк.

– Я же сказал, что все разъехались, – искренне удивился участковый.

– Я не про тех, что в этом подъезде, а про тех, что в соседнем – за стенкой.

– А какой с них прок? – вновь вступил в разговор инспектор угро. – Мужик хряпнул водки и сиганул в окно – что они могли видеть или слышать? Рядовое дело, товарищ капитан – карьеры на нем не сделаешь.

– Это правда – вы точно не сделаете, – кивнул головой Оленюк и вышел из квартиры.

«А ведь этот старлей прав – чего ты дергаешься, Влас? – спрашивал себя Оленюк, пока лифт спускал его вниз. – Дело не стоит выеденного яйца – обычное самоубийство. Езжай-ка ты на Владимирку и доложи обо всем шефу. Впрочем, тому ведь подробности подавай, а у меня их кот наплакал. Местным ребятам ты на фиг сдался, поэтому тебе они не помощники. Значит, придется проявлять инициативу самому».

Размышляя таким образом, Оленюк вошел в соседний подъезд и поднялся на седьмой этаж, чтобы опросить соседей, которые жили через стенку с самоубийцей.

Когда он позвонил в нужную дверь, то ему открыла интеллигентного вида пожилая женщина с копной седых волос на голове, в очках и с наброшенным на плечи пуховым платком.

– Добрый день, меня зовут Влас Оленюк, я из киевского уголовного розыска, – представился сыщик и показал женщине свое удостоверение.

– Как говорится, легки на помине, – улыбнулась женщина и тоже представилась: – Ирэна Андреевна Голомазова, пенсионерка.

После этого она пригласила гостя войти внутрь и закрыла за ним дверь. Они прошли в уютную гостиную, где хозяйка предложила гостю сесть в кресло, а сама, кутаясь в платок, уселась на диван, на котором, судя по лежавшим здесь пледу и подушке, только что спала.

– Почему вы сказали, что я легок на помине? – задал Оленюк вопрос, который вертелся у него на языке все эти несколько минут.

– Потому что я хотела сама вас вызвать, но, видимо, меня опередили, – закинув ноги на диван и укрыв их пледом, ответила женщина. – Удивляет только то, что на такие вызовы приезжают не из отделения милиции, а из уголовного розыска.

– А по какому поводу вы хотели вызвать милицию?

– По поводу скандала, который случился у меня за стенкой. Какие-то мужчины устроили настоящее побоище, из-за которого я не смогла уснуть. И мне пришлось перебраться сюда, в гостиную.

– И давно это случилось?

– Точного времени я не помню, – пожала плечами хозяйка. – Хотя постойте. Придя сюда, я сначала хотела посмотреть телевизор, а там как раз шел «Челкаш». Вот под него-то я и уснула.

– А какой эпизод шел в фильме, не помните?

– Да зачем вам это, молодой человек? – искренне удивилась женщина.

– Для установления истины, Ирэна Андреевна, – улыбнулся Оленюк. – В нашем деле каждая точная минута стоит на вес золота.

– Ну, хорошо, я постараюсь вспомнить, – и женщина на некоторое время ушла в себя.

Думала она недолго – всего пол минуты:

– Вспомнила: когда я включила телевизор, Гаврила с Челкашом собирались уходить в море. Как же бесподобен в роли Челкаша Андрей Попов!

Оленюк был полностью согласен с последними словами хозяйки и при другой ситуации с удовольствием поддержал бы эту тему. Но в данную минуту его волновало совершенно другое. Зная о том, что фильм начался в 13.30, он теперь хотя бы приблизительно представлял себе в какое время в квартире самоубийцы разгорелся скандал, приведший к трагедии.

– А в чем конкретно была причина скандала, вы не помните? – задал очередной вопрос Оленюк.

– У нас хотя и прекрасная слышимость, но все-таки не такая идеальная, как в общежитии студентов-химиков имени монаха Бертольда Шварца из «Двенадцати стульев». Поэтому слышала я лишь отдельные фразы. Речь шла о каких-то матчах – судя по всему, футбольных.

– Почему вы так решили?

– Потому что они спорили о мячах, о том, кто у кого выиграет и с каким счетом. Вообще, признаюсь вам честно, я футбол терпеть не могу. Это все благодаря моему покойному мужу, который был большим его любителем. Когда в 1961 году киевское «Динамо» впервые стало чемпионом, он исчез из дома на два дня – праздновал с друзьями эту победу. Вон там на стене у нас висел портрет какого-то Калевского или Копейского, который, видите ли, забил в том чемпионате больше всего голов. Сумасшедшие люди!

Женщина ошиблась – футболиста звали Виктор Каневский, он забил в том «золотом» составе «Динамо» больше всех мячей – 18. Однако поправлять хозяйку Оленюк не стал, опасаясь увести ее от нужной темы в разговоре. Вместо этого он спросил:

– А вы не можете вспомнить какие-то детали скандала за стеной: сколько человек скандалили, были ли угрозы друг другу и так далее?

– Судя по голосам, их было двое. Сначала они разговаривали на повышенных тонах. Один другому говорил, что он кого-то подвел, что результаты какого-то матча не сошлись. А тот ему отвечал, что с него хватит – он выходит из какой-то игры. Я не выдержала и хотела позвонить в милицию. Но когда я выходила из комнаты, крики внезапно стихли, и я передумала вызывать ваших коллег. Но назад уже не вернулась – включила здесь телевизор и легла на диван. Потом уснула и проспала вплоть до вашего прихода.

Задав женщине еще несколько вопросов, Оленюк вежливо распрощался и вернулся в квартиру, где произошла трагедия. К тому времени там находились лишь двое – следователь прокуратуры и участковый. Именно его Оленюк и отправил к Ирэне Андреевне, чтобы тот запротоколировал ее показания.

– Значит, к версии о самоубийстве прибавилась еще и версия об убийстве, – закуривая сигарету, резюмировал следователь.

– Выходит, что так, – открывая дверцы платяного шкафа, стоявшего в углу комнаты, ответил Оленюк.

– Там ничего интересного нет – мы уже смотрели, – предупредил сыщика его коллега.

И все же Оленюк еще раз проверил все карманы у висевшей на вешалках одежды покойного и, действительно, ничего там не нашел. После чего он подошел к книжному шкафу, стоявшему в противоположном углу.

– А здесь смотрели? – спросил он у следователя.

Тот, пуская дым в потолок, лишь пожал плечами.

Тогда Оленюк стал брать с полки книги одну за другой и внимательно их листать. Книги были в основном художественные – собрание сочинений советской и зарубежной классики. Причем все шло вперемишку – Шолохов соседствовал с Сервантесом, а Катаев с Шекспиром. В томике последнего Оленюк и нашел то, что могло представлять интерес для следствия. Эта книга являла из себя ничто иное, как ловко оборудованную потайную коробку. Для этого в середине книги все страницы были аккуратно вырезаны бритвой таким образом, что создавалось свободное место с тайником. В нем лежали какие-то бумажные купоны, на которых с одной стороны стояли цифры, а на другой – дата и круглая печать с буквой «Т» посередине.

– Что за тайнопись? – спросил следователь, заглянувший через плечо Оленюка.

– Пока трудно сказать что-то определенное, – пожал плечами сыщик. – Но в тайнике они хранятся явно не случайно. Так что будем приобщать их к делу.

1 октября 1973 года, понедельник, Ереван, улица Налбандяна, КГБ Армянской ССР.

Зампред КГБ Армении Грайр Михаелян сидел в кресле и, внимательно слушая доклад начальника 2-го отдела контрразведки, мысленно перенесся на девятнадцать лет назад – в октябрь 1954 года. Он тогда только что вернулся из Австрии, где в течении трех лет работал в советской части Союзной контрольной комиссии. Затем его отозвали на родину и назначили в КГБ Армении. На тот момент там шла чистка кадров – старых служаков из «бериевского призыва» отправляли на пенсию (а некоторых в тюрьму) и на их место приглашали новых сотрудников-армян, желательнее из других регионов. Например, новым шефом армянской Чека стал Георгий Бадамянц, который до этого четыре года работал в литовском КГБ. Что касается Михаеляна, то он до своей работы в Австрии трудился в туркменском КГБ, поскольку родился в Ашхабаде.

Спустя несколько месяцев после своего возвращения на родину, Михаелян отправился в Москву, но вовсе не по служебной необходимости. Он приехал в столицу, чтобы посетить на стадионе «Динамо» в Петровском парке финал футбольного Кубка СССР.

Ретроспекция. 20 октября 1954 года, среда, Москва, стадион «Динамо», Финал Кубка СССР, матч «Спартак» (Ереван) – «Динамо» (Киев)

Вся Армения тогда следила за этим поединком. Дело в том, что, созданная в 1935 году команда ереванского «Спартака» (в 1963 году ее переименуют в «Арагат»), в 1951 году вылетела из высшей лиги в низшую – в класс «Б». Однако в 1954 году внезапно совершила настоящее чудо – дошла до финала Кубка СССР, в розыгрыше которого в тот год приняли участие около... 17 000 (!) команд. Причем в группе, где играли ереванцы, все пять представителей класса «А» выбыли после 1/8 финала. И в Кубке случилось доселе невиданное событие: из восьми четвертьфиналистов пять представляли класс «Б». Лучшим среди них оказался ереванский «Спартак». В финальной стадии (с 1/64) ереванцы сумели поочередно обыграть: команду из Кировокана, алма-атинский «Локомотив», «Шахтер» (Мосбасс), минский «Спартак», «Шахтер» из Сталино, а в полуфинале разгромили со счетом 4:0 «Металлург» из Днепропетровска. И в итоге вышли на киевское «Динамо». Таким образом, впервые за всю историю 15 розыгрышей Кубка в финальном состязании не участвовала ни одна московская команда. Только раз – в 1944 году – полуметровая хрустальная ваза с фигуркой футболиста на серебряной крышке была увезена из столицы ленинградской командой «Зенит».

В составе киевлян тогда блистали такие игроки, как вратарь Макаров, защитники Ларионов, Голубев, Попович, полузащитники Михалина, Кольцов, нападающие Богданович, Терентьев, Зазроев, Коман, Фомин. Звездным был состав и у ереванцев, где играли: вратарь Затикян, защитники Папоян, Поладян, Семерджян, полузащитники Осатрян, Э. Варданян, нападающие Караджян, К. Варданян, Кегеян, Меркулов, Абрамян. Тренировал ереванцев Гайк Андриасян, который до войны играл за московский «Локомотив».

Самым титулованным футболистом у ереванцев был Арутюн Кегеян, который в 1960 году первым из армянских футболистов удостоится звания заслуженного мастера спорта по футболу. В 1955 году, после кубкового финала, его пригласят играть за московский «Спартак», правда, ненадолго – он отыграет там всего и матчей (забьет четыре гола, станет серебряным призером чемпионата СССР) и вернется в ереванский «Спартак».

Кубковый финал 1954 года проходил в присутствии 65 тысяч зрителей. Правда, погода в тот день подвела – был сильный туман и дождь. Но Михаеляну повезло – он сидел на Северной трибуне в непосредственной близости от поля – в десятом ряду. Поэтому видел многое из того, что происходило на поле.

Игра, как и ожидалось, выдалась на редкость напряженной. А первую атаку в ней провели ереванцы, но киевляне быстро отбили ее и организовали свое наступление. Их нападающий Зазроев произвел первый удар по воротам, но вратарь ереванской команды Затикян был на месте. Кстати, в ходе кубковых игр в ворота, которые защищал Затикян, до этого не было забито ни одного мяча. Это был своего рода рекорд, который вселял в болельщиков ереванского «Спартака» надежду, что и в этом матче ворота их команды останутся в неприкосновенности. Но этого не случилось. На 35-й минуте защитник ереванцев Папоян увлекся атакой, которая захлебнулась. Киевляне прорвались по левому флангу и последовала точная передача в центр Терентьеву. От его ноги первый мяч и влетел в ворота Затикяна.

Во втором тайме туман над полем несколько рассеялся и зрителям стало легче наблюдать весь ход напряженной игры. Воспользовались этим обстоятельством и ереванцы. На 50-й минуте они организовали очередную атаку и их нападающий Меркулов из-под ноги центрального защитника Голубева неожиданно и сильно направляет мяч под перекладину ворот. Счет стал 1:1. После этого ереванцы за короткий отрезок времени провели еще две острейшие атаки, которые, завершившись они взятием ворот, могли решить исход этого поединка. В

первом случае Кегеян вышел один на один с вратарем, обыграл его и послал мяч в пустые ворота. Но в последнюю секунду один из динамовских защитников успевает занять место вратаря и грудью отбивает мяч. Во втором случае гол едва не забил К. Варданян, но мяч после его удара угодил в штангу.

Две эти неудачи сбили атакующий настрой у ереванцев, чем немедленно воспользовались их соперники. Тем более, что они были более опытными, чем их визави и смогли сохранить силы на концовку игры. За 20 минут до конца встречи динамовцы разыграли исключительно четкую комбинацию. От Фомина мяч перешел к Виньковатову (заменившему Терентьева), после чего последовала подача в центр свободному Коману, которого не зря киевские болельщики прозвали «хитрым Мишкой» – он всегда старался не просто забить очередной гол, а обязательно с какой-нибудь «подковыркой». Вот и в этот раз он не изменил себе. Получив мяч, Коман вышел один на один с вратарем ереванцев Затикяном. В подобных случаях игрок обычно не мудрствует лукаво и посылает мяч в незащищенный угол. Но Коман поступил по-своему. Он решил поиграть с вратарем, благо время у него было – ереванские защитники оказались далеко позади. Поэтому Коман сделал ложный замах, делая вид, что пробьет в угол. Затикян остановился. Наступила напряженная тишина. Разом умолкли трибуны, застыли на своих местах игроки. За эти несколько секунд Коман еще несколько раз «якобы бил», и столько же раз Затикян реагировал на мнимые удары. Наконец голкипер не выдержал – он рванулся вперед, чтобы перехватить мяч, а хитрый Коман... спокойно перебросил его через вратаря в сетку ворот. Этот гол стал решающим и принес победу киевлянам, которые впервые в своей истории стали обладателями Кубка СССР.

1 октября 1973 года, понедельник, Ереван, улица Налбандяна, КГБ Армянской ССР и база команды «Арарат» в Дзорахпюре

Вспоминая перипетии того матча, Михаелян мысленно удивлялся превратностям судьбы, которая вновь свела его с киевским «Динамо», где Михаил Коман теперь был вторым тренером. Только теперь Михаелян выступал уже не в качестве рядового зрителя, а в роли возможного участника сложной интриги, связанной с договорными играми.

По словам начальника контрразведывательного отдела, их источник из Киева – служащий гостиницы «Москва» – сообщил, что на днях в столице Украины игрался очередной матч чемпионата СССР по футболу между киевскими динамовцами и донецким «Шахтером». По словам источника, победа киевлян в этой игре была результатом сговора между этими командами. Причем сговор произошел по прямому указанию одного из секретарей ЦК КП Украины, имевшего непосредственный выход на хозяина тех краев – Владимира Щербицкого. Собственно, тот факт, что киевлянам протезирует этот всемогущий человек, не было ни для кого секретом, в том числе и в Армении. Просто в этом сезоне ереванский «Арарат» уверенно шел к тому, чтобы стать чемпионом страны и любое постороннее вмешательство в этот процесс вызывало законное чувство возмущения в армянских властных коридорах. Ведь в двух последних сезонах «Арарат» сильно прибавил и занял самые высокие места в своей карьере: 2-е в 1970-м и 4-е в 1972-м. Причем в сезоне-70 его главным конкурентом были все те же киевские динамовцы, но тогда им удалось намного опередить ереванцев (на 7 очков) и поэтому на победу в том чемпионате в Ереване мало кто надеялся. Иное дело было теперь, в 1973 году. Здесь в течение 12 туров в лидерах побывало семь команд (почти половина участников первенства). И разрыв между первым и десятым местом составлял всего три очка. Но ближе к началу второго круга «Арарат» стал единоличным лидером первенства, оторвавшись от киевлян на 5 очков (22 против 17). Вот тогда вся Армения и всколыхнулась – поверила, что в этом году ее команда может стать чемпионом. И в армянских верхах, начиная от ЦК и заканчивая Спорткомитетом и даже КГБ, прошел ряд

совещаний, где была дана установка: помочь «Арарату» преодолеть сопротивление различных вышестоящих союзных структур, которые мечтали увидеть на высшей ступеньке пьедестала почета свои команды, а не клуб из Армении. И главным противником ереванцев в этом деле были украинские структуры, за которыми стояла личность Владимира Щербицкого – хозяина Украины и члена Политбюро.

Сообщение, которое пришло от агента из киевской гостиницы «Москва», ясно указывало на то, что на финише турнира (а до него оставалось чуть больше месяца) кураторы киевского «Динамо» решили форсировать события – обязать украинские команды безропотно отдавать киевлянам не половину, а все их очки (то есть, о ничьих речи даже не шло). И это было вполне объяснимо, учитывая, что на конец сентября ереванцы обгоняли киевлян всего лишь на одно очко (32 против 31). И учитывая, что на финише сезона по воле составителей календаря киевляне играли две игры со своими земляками (с дончанами и львовянами), можно было смело предположить, что четыре очка они уже в свой «загашник» заранее положили. У ереванцев такой очковой уверенности не было, хотя возможности для сговора с отдельными соперниками все же были.

Отпустив начальника отдела, Михаелян дал команду своему секретарю вызвать к служебным дверям комитетского здания служебную «Волгу» и отправился на тренировочную базу «Арарата» в Дзорахпюре, рядом с городом-спутником Еревана Абовяном. И, пока ехал, прикидывал в уме возможный план действий в сложившейся ситуации. Этот план строился в основном на взаимоотношениях с председателем КГБ Армении Аркадием Рогозиным, который был пришлым человеком. В КГБ он начал служить чуть раньше Михаеляна – в 1950-м – и за два десятка лет дослужился до должности главного кадровика КГБ СССР. Именно с Лубянки его в ноябре 1972 года и прислали в Ереван, чтобы он почистил «авгиевы конюшни», которые создал здесь прежний глава армянского КГБ Георгий Бадамянц, прослуживший на своем посту целых 18 лет. Однако чистка проходила с трудом, поскольку старая чекистская гвардия, в которую входил и Михаелян, не собиралась сдаваться без боя. В итоге в КГБ Армении сложилось две группировки: рогозинская и михаеляновская. Партийный вождь Армении Антон Кочинян метался между ними обеими, опасаясь, что в любой момент его могут попросту свергнуть с его поста: либо свои же (армяне), либо московские. И в апреле 1973 года такая попытка едва не осуществилась – пересека едва не «подсидел» 2-й секретарь ЦК Георгий Тер-Газарянц (кстати, только в Армении эту должность занимал коренной житель – во всех остальных республиках это были пришлые люди, в основном русские). Однако Москва в этом споре встала на сторону Кочиняна и отправила бунтаря подальше от Армении – послом в Сенегал. А на его место прислала своего человека – русского Павла Анисимова (с 1968 года он работал в аппарате ЦК КПСС), который усилил позиции Рогозина. После этого Михаеляну и его людям приходилось действовать еще более осторожно, чтобы не дать лишний повод своим оппонентам поймать их на любой мелочи. И нынешняя коллизия с «Араратом» была из этого же ряда. Помогая своей команде выиграть чемпионат, Михаелян рисковал навлечь на себя гнев рогозинцев, которые могли весьма привратно истолковать попытку насолить члену Политбюро и близкому другу Брежнева – Щербицкому. Однако поступить иначе Михаелян не мог – он ведь был не меньшим патриотом своей родины, чем тот же Щербицкий своей Украины.

Когда Михаелян приехал на базу, футболисты «Арарата» проводили плановую тренировку. Через неделю им предстоял выезд в Москву на очередную игру – против столичных динамовцев, которые занимали третью строчку в турнирной таблице, отставая от ереванцев на пять очков (27 против 32). Тренировку проводил тренер Оганес Абрамян, а главный тренер Никита Симонян в это время был у себя в кабинете в служебном корпусе, решая насущные дела с начальником команды Робертом Цагикяном. Эта ситуация устраивала Михаеляна, который рассчитывал переговорить с Симоняном вдали от глаз всей команды.

Когда он вошел в кабинет, тренер и начальник встретили его такими недоуменными взглядами, что гость невольно рассмеялся.

– Что, не ждали? – спросил чекист с порога и первым протянул руку для приветствия.

Усевшись на стул напротив тренерского стола, Михаелян без всяких предисловий сообщил:

– Мы получили информацию, что «Шахтер» сдал матч киевлянам по звонку свыше. Это значит, что и в других оставшихся играх киевлян может происходить та же самая история.

Услышав эту новость, Симонян и Цагикян переглянулись, после чего тренер спросил:

– Это проверенная информация?

– Проверенней не бывает – этот источник нас еще никогда не подводил. Это, во-первых. А во-вторых, Никита, почему ты сомневаешься в подобного рода информации, да еще в конце сезона?

– Я ни в чем не сомневаюсь, – ответил Симонян. – Просто в начале второго тура председатель нашего спорткомитета имел беседу со своим коллегой с Украины и тот заверил его, что конец сезона будет честным. Видимо, правила поменялись?

– Причем здесь правила, если в Украине все решает не председатель их спорткомитета, а совсем другой человек. И он вовсе не хочет, чтобы второй год подряд его команда лишилась золотых медалей. Как мы помним, в прошлом году дорогу киевлянам перебежали ворошиловградцы, а в этом году в этой роли выступаем мы.

– И что вы предлагаете, Грайр Ованесович? – вступил в разговор начальник команды.

– Использовать против киевлян их же методы.

– Я категорически против! – резко возразил Симонян. – Надо попытаться найти другие способы.

– Какие, Никита? – в голосе чекиста явно слышались скептические нотки. – Вся республика ждет от вас победы, а ее у вас могут отобрать.

– Пусть отбирают, но мы проиграем честно, – был непреклонен тренер.

– Эти слова хороши в устах романтического юноши, но не умудренного жизненным опытом мужчины, – усмехнулся Михаелян. – Ты понимаешь, что сейчас на кону? Престиж нашей республики! К тому же не забывай, что в этом году будет круглый юбилей – 10 лет с того момента, как ереванский «Спартак» стал «Араратом». Вспомни, какое золотое это было время и как было бы здорово отметить его чемпионством.

Симонян, конечно же, прекрасно помнил тот год, хотя и жил в Москве. Но он же был армянином! Когда «Спартак» переименовали в «Арарат», этому радовалась вся Армения. Ведь у армянской команды наконец-то появилось армянское название. И какое! В честь священной горы Арарат, территория которой в 1921 году была передана Турции по Московскому договору, но от этого не перестала считаться национальным достоянием Армении. То есть, в этом переименовании команды была еще и политическая составляющая. Вот почему в том году возникла особая мода – новорожденным армянским мальчикам стали массово давать имя Арарат.

– Вот и получается, что противник ведет против нас подковерную борьбу, а ты предлагаешь закрыть на это глаза? – продолжал вопрошать Михаелян.

– Друзья мои, давайте не будем ссориться, – вмешался в этот спор Цагикян. – Наши враги будут только рады тому, что мы не можем найти общий язык друг с другом.

Эти слова сделали свое дело – спорщики успокоились. И Цагикян продолжил:

– Давайте попробуем рассуждать логически. Как я понимаю, если противная сторона включила административные рычаги, шансы на победу у нас остаются, но их очень мало. До конца чемпионата осталось всего пять туров, причем мы играем у себя дома трижды, а киевляне только один раз. Судя по всему, именно это и подстегивает их покровителей к тому,

чтобы форсировать события и гарантированно обеспечить их команде получение очков. Но глупо надеяться на то, что все команды согласятся под них лечь.

– Ты можешь точно сказать, кто согласится? – спросил Михаелян.

Прежде чем ответить, Цагикян встал со своего места и подошел к шкафу со стеклянными дверцами, который стоял в углу. Открыв его, он извлек на свет книжицу – это был футбольный календарь-справочник – и, вернувшись на место, открыл его на нужной странице.

– Киев играет у себя дома против «Зенита», а на выезде – против ЦСКА, «Карпат», «Кайрата» и «Пахтакора», – объявил Цагикян, держа перед глазами справочник. – Можно с большой долей уверенности сказать, что «Карпаты» им два очка подарят по той же схеме, что и «Шахтер».

– Но они же в зоне вылета, – напомнил начальнику команды турнирную таблицу Симонян.

– Это мало что значит, если на кону судьба золотых медалей для команды республиканского уровня, – ответил Цагикян и тут же спросил: – Или ты не согласен?

Вместо ответа Симонян опустил очи долу, что означало – со словами начальника команды он солидарен. После чего Цагикян продолжил свои размышления:

– Остальные три команды тоже вполне могут лечь под киевлян, учитывая тот факт, что вылет из высшей лиги им не грозит.

– А какая картина с нашими играми? – поинтересовался Михаелян.

– У нас две игры на выезде – против ЦСКА и «Шахтера», – сообщил Цагикян. – Армейцы вряд ли будут сильно сопротивляться по причине, о которой я уже говорил – очки им особо не нужны. А вот «Шахтер» может оказаться крепким орешком, которого по тому же звонку из тех же высоких сфер обяжут отобрать у нас очки. Что касается наших домашних игр, то там нам будут противостоять московские и минские динамовцы, а также ленинградский «Зенит». Две последние команды нам не соперники, а вот москвичи идут на третьем месте и сдаваться точно не будут.

– Получается, что у киевлян больше шансов стать чемпионами, чем у нас, – подвел итог этих размышлений Михаелян.

– Получается, что так, – закрывая книжицу, согласился с этим мнением Цагикян. – Слишком маленькая фора у нас – всего лишь одно очко. Достаточно проиграть одну игру и мы откатимся на второе место.

– Серебро тоже не плохой результат, – заметил Симонян.

– Но золото, согласись, лучше, – тут же отреагировал на эту реплику Михаелян. – Поэтому сидеть сложа руки мы не будем. Тем более зная, что наши противники действуют решительно. Какая игра у киевлян следующая?

Вопрос был задан Цагикяну, который, заглянув в справочник, ответил:

– С ЦСКА 7 октября в Москве.

– Так это же за три дня до вашего финала в Кубке СССР? – удивился Михаелян.

– Вот именно, – подтвердил эти слова Цагикян. – Поэтому можно со стопроцентной уверенностью сказать, что киевляне захотят купить у армейцев победу или хотя бы ничью, чтобы не тратить силы перед финалом Кубка.

– Значит, с армейцев и надо начинать, – сказал гость и поднялся со стула. – Объяснять вам ничего не буду, но пообещать могу: постараюсь сделать так, чтобы армейцы сражались с киевлянами так, как это будете делать вы в финальном матче на Кубок СССР. До свидания!

Спустя час Михаелян был уже в своем кабинете в здании КГБ на улице Налбандяна и тут же вызвал к себе начальника военной контрразведки Саркиса Бадаляна, с которым был знаком более десяти лет.

– У тебя ведь хорошие отношения с Мельниковым? – спросил он у контрразведчика, едва тот вошел в кабинет.

Имелся в виду командующий Закавказским военным округом Павел Мельников.

– Пока не жалуюсь, – улыбнулся в ответ Бадалян.

– Он ведь у нас за ЦСКА болеет?

– Еще как – настоящий фанат.

– Как думаешь, если он узнает, что его команда собралась сыграть в поддавки с киевлянами, он расстроится?

– Конечно, учитывая, что он их недолгобливает. А в чем дело?

– Надо сделать так, чтобы он узнал о том, что свой следующий матч в Москве против киевлян ЦСКА собирается отдать без боя. Сможешь это организовать?

– Почему нет – могу. Только что это даст?

– Я рассчитываю, что он позвонит министру Гречко, ну а тот... сам понимаешь.

– Не позвонит, а лично передаст. Когда будет эта игра?

– Седьмого октября.

– Мельников как раз в эти дни улетит в Москву. У Гречко с 11 октября официальный визит в Польшу, поэтому накануне отъезда он собирает совещание командующих округов.

– Ну, вот видишь, Саркис, фортуна сама идет к нам в руки, – улыбнулся Михаелян и первым протянул контрразведчику на прощание свою ладонь.

1 октября 1973 года, понедельник, Москва, Скатертный переулок, Спорткомитет СССР

Первый заместитель председателя Спорткомитета СССР Глеб Смородин торопился к своему шефу и предвкушал весьма интригующий разговор, который должен был коснуться концовки чемпионата Союза по футболу. И так было всегда с тех пор, как шесть лет назад Смородин был назначен на свою должность. Именно в концовке чемпионата определялась судьба как лидеров турнира, так и его аутсайдеров. Причем происходило это не только на поле, но и в тиши высоких кабинетов. Ведь футбол в стране был не только любимой забавой для миллионов простых граждан, но и инструментом в руках политиков, которые с его помощью решали вопросы государственной важности. И очень часто судьба первых и последних мест чемпионата определялась, исходя из политической целесообразности. Например, в тот год, когда Смородин стал первым замом, ему пришлось решать весьма серьезную задачу – не допустить вылета из высшей лиги ленинградского «Зенита». Он тогда должен был вылететь вполне справедливо – из-за плохой игры, но в дело вмешалась большая политика. Это был год 50-летия Великого Октября, а Ленинград был городом трех революций. Поэтому допустить такого позора в юбилейный год было нельзя, о чем прямым текстом и было заявлено на Старой площади главе Спорткомитета СССР, а тот довел эту директиву до Смородина. И тому пришлось эту коллизию срочно решать. Выход был найден весьма оригинальный. Было объявлено, что в следующем году число участников будущего чемпионата СССР увеличивается на одну команду (с 19 до 20) и поэтому в юбилейном году все клубы высшей лиги сохраняют за собой право в ней остаться. Естественно, всем футбольным болельщикам была понятна причина этой новации, но оспорить ее было невозможно – приказ исходил с самого верха.

Между тем это была не последняя новация подобного рода. Например, в бытность руководителем страны Никиты Хрущева, который к спорту был равнодушен, горькую долю аутсайдеров футбольного первенства могли вкусить любые команды – как республиканские, так и областные. Например, в первой половине 60-х высшую лигу покинули (причем навсегда) все прибалтийские команды (рижская «Даугава», вильнюсский «Жальгирис» и таллинский «Калев»), а также кишиневская «Молдова». Но с 1965 года, когда к власти пришел Леонид Брежнев, который слыл ярким болельщиком (при этом особое предпочтение он отдавал

футболу и хоккею), в Спорткомитет была спущена негласная директива о том, что вылететь из высшей лиги могли в основном команды областного значения, а если это происходило с республиканской командой, то ей было гарантировано скорое возвращение в высший дивизион. Таким образом Брежнев налаживал контакты с республиками, где футбол был любимым развлечением руководства. Впрочем, когда у генсека появлялась мысль приструнить кого-то из глав республик за его чрезмерную строптивость или нерасторопность, то в качестве наказания могла быть выбрана «футбольная» мера – ссылка республиканской команды в первую лигу. Так Брежнев демонстрировал, «кто в доме хозяин». В итоге в 1968 году из высшей лиги вылетела азербайджанская команда «Динамо» (Кировабад; но остался бакинский «Нефтчи»), в 1971-м – ташкентский «Пахтакор», в 1972-м – бакинский «Нефтчи». Иногда на перевоспитание в низший дивизион отправлялись и московские команды, поскольку в столице СССР была не одна команда, а целых пять – отсутствие одной из них никак не сказывалось на представительстве этого региона в высшей лиге. К тому же вылетала в основном одна и та же команда, у которой не было сильного покровителя наверху – «Локомотив» (в 1969-м и 1972 годах). А так из высшего дивизиона обычно выбывали команды областного уровня, вроде куйбышевских «Крылья Советов» и одесского СКА (в 1966-м), кутаисское «Торпедо» (в 1968-м; вместо нее Грузию представлял куда более именитый клуб – тбилисское «Динамо»), куйбышевские «Крылья Советов» и свердловский «Уралмаш» (в 1969-м), кутаисское «Торпедо» и орджоникидзевский «Спартак» (в 1970-м), донецкий «Шахтер» (в 1971-м; вместо него Украину представляли сразу три клуба).

В сезоне 1973 года в опасной близости от вылета оказалась команда «Динамо» из Минска – единственный представитель Белоруссии в высшей лиге. Она выступала в высшей лиге с 1960 года сначала под названием «Беларусь» и быстро добилась успехов – уже через три года заняла 3-е место. А в 1965 и 1967 годах взойшла на четвертую ступеньку пьедестала. Короче, сильная была команда, которую пестовало республиканское руководство в лице 1-го и 2-го секретарей ЦК КП БССР Кирилла Мазурова и Петра Машерова. В 1965 году Мазурова отозвали в Москву на повышение – ввели в Политбюро и сделали 1-м замом председателя Совета Министров СССР, а Машеров вместо него возглавил Белоруссию, продолжая курировать и минское «Динамо». Однако дела у команды пошли хуже – она скатилась в разряд середняков. Но вопроса о ее вылете в низший дивизион никогда не стояло. Так, в 1970 году команда заняла 9-е место, в 1971-м – 11-е, в 1972-м – 8-е. Но в 1973 году она к последним турам откатилась на 14-е место и имела все шансы оказаться в первой лиге. В этой же опасной зоне находилась еще одна республиканская команда – ташкентский «Пахтакор». Но с ней ситуация благополучно разрешилась в сентябре, когда Брежнев был с официальным визитом в Узбекистане, где наградил республику Орденом Дружбы народов. После таких поездок и высоких наград обычно считалось нехорошим тоном платить принимающей стороне неблагодарностью – не помочь ее команде остаться в высшей лиге, если та была в шаге от вылета. Поэтому о судьбе «Пахтакора» у Смородина голова не болела. А вот с минским «Динамо» ситуация была неясной. Именно для этого сегодня утром его шеф – председатель Спорткомитета – и отправился на Старую площадь, в отдел культуры ЦК КПСС, где был сектор спорта, решавший подобные вопросы.

Когда Смородин вошел в кабинет шефа, тот разговаривал с кем-то по телефону. Но едва председатель увидел своего зама, он тут же закончил разговор и предложил пришедшему присесть на стул напротив себя.

– Глеб Андреевич, ситуация серьезная – минчан сохранять не будем, – сообщил хозяин кабинета, сурово насупив брови.

Это сообщение повергло Смородина в легкий шок, но он, будучи опытным царедворцем, даже не показал вида. И, сохраняя на лице невозмутимость, спросил:

– А кого будем?

– Наших земляков торпедовцев и львовские «Карпаты».

– А последних с какого перепугу? – вырвался у Смородина вопрос, который не был случайным.

«Карпаты» еще в прошлом году должны были вылететь из высшей лиги, но украинские власти надавили на Москву, пользуясь тем, что сразу две их команды вышли в лидеры первенства – луганская «Заря» (1-е место) и киевское «Динамо» (2-е место). А тут еще за год до этого руководителем отдела футбола в Спорткомитете СССР был назначен ворошиловградский выдвиженец Леонард Земченко. За его выдвижением стоял член Политбюро и 1-й зампред Совета Министров СССР Дмитрий Полянский – уроженец Луганска (нынешнего Ворошиловграда). Используя все эти факторы, украинцы и добились того, чтобы «Карпаты» остались в высшей лиге. Но тогда им было заявлено, что в следующем году, если их команда вновь угодит в зону вылета, то никаких поблажек для нее делаться не будет. И вдруг такой разворот на 180 градусов – львовян снова решено оставить в высшем дивизионе.

– Этот перепуг выяснился только что, – после небольшой паузы ответил своему заму председатель. – На днях во Львове поменяют хозяина – вместо Куцевола поставят Добрика. А тот, к вашему сведению, приятель Самого.

Под последним скрывался генсек Леонид Брежнев. Уроженец города Днепропетровска, он тянул вверх всех своих земляков, вроде Виктора Добрика, с которым они были знакомы с молодых лет: когда Брежнев занимал должность секретаря парткома на заводе в Днепропетровске, Добрик был у него комсоргом. В 1950 году он окончил Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта и стал работать на стройках в Днепропетровской области. А затем, по протекции все того же Леонида Ильича, перешел на партийную работу. В 1963–1969 годах он занимал должность первого секретаря Днепропетровского горкома КП Украины. Естественно, назначив своего приятеля главным во Львов, генсек не мог позволить себе отправить его футбольную команду в низший дивизион. Ведь, встречаясь на матчах, можно было решать проблемы самых разных масштабов – от республиканских до общесоюзных.

– Ну, что вы на меня так смотрите? – поймав на себе взгляд своего заместителя, спросил председатель.

– А как мне на вас смотреть, если каких-нибудь пять лет назад вот в этом же кабинете мы обсуждали вопрос по тем же «Карпатам», причем решили его уже не в их пользу.

– В таких случаях французы обычно говорят «се ля ви», – развел руками председатель.

Смородин имел в виду историю ноября 1968 года, когда «Карпаты» боролись за выход из первой лиги в высшую и вполне могли это сделать. Но для этого в финале, который состоялся 28 ноября в Сочи, им надо было пройти свердловский «Уралмаш», который опережал их на одно очко. Но случилась ничья 1:1, причем рукотворная – ее задумали именно здесь, в Спорткомитете. Дело в том, что руководство Свердловского обкома, который тогда возглавлял Константин Николаев, вышло на члена Политбюро Андрея Кириленко. Он хоть и был уроженцем Днепропетровска, но семь лет (1955–1962) проработал 1-м секретарем Свердловского обкома. В этом кресле его сменил как раз Николаев (до этого он 14 лет возглавлял местный облисполком), при котором область продолжила свою победную поступь – она значилась в передовых и успешно развивалась. Николаев инициировал и организовал строительство новых цехов на крупных предприятиях области – НТМК, Ураласбесте, Уралхиммаше, Качканарском ГОКе. Область явно шла на то, чтобы получить второй орден Ленина (первой такой награды она удостоилась в 1959 году). Поэтому выход местной футбольной команды в высшую лигу (причем впервые) тоже рассматривался, как продолжение этой же победной поступи.

В итоге на самом верху было решено эту просьбу свердловчан удовлетворить. Тем более, что в высшей лиге уже играло четыре украинские команды, поэтому непопадание

туда «Карпат» не было смертельным. Учитывалось также и то, что уралмашевцев возглавлял московский тренер Виктор Марьенко – бывший игрок донецкого «Шахтера» (1950–1953), который затем играл в московском «Торпедо» (1954–1959), а потом стал его тренером и даже начальником команды (1964–1966), сделавшим ее чемпионом СССР (1965).

В том финальном матче в Сочи «Карпаты» должна была остановить судейская бригада, «заряженная» из Москвы. А конкретно все решил боковой лайсмен Еуген Хярмс из Эстонии. К концу матча львовяне вели по (мяч забил Броварский) и явно собирались сохранить этот результат до финального свистка. Однако затем Хярмс специально не заметил офсайда у нападающего свердловчан Епишина, который вышел один на один с вратарем «Карпат» Луполом и сравнял счет. После этой ничьей в высшую лигу вышел «Уралмаш», а львовский клуб остался за бортом. Теперь, пять лет спустя, в точно такой же ситуации должны были оказаться динамовцы из Минска. Но с ними возникала куда более серьезная дилемма: в обиженных оставался лидер республиканского значения – глава Белоруссии Петр Машеров. Именно об этом и был следующий вопрос Смородина – о нелепости ситуации, когда областная команда перебегает дорогу республиканской. Но ответ председателя расставил все по местам:

– Машеров опять чем-то не угодил, поэтому его команду и решено сплавить.

Между тем председатель прекрасно знал причину этого недовольства Машеровым, но предпочел ее не озвучивать. Все упиралось в начавшуюся несколько месяцев назад кампанию по возвеличиванию личности Брежнева. Суловский идеологический аппарат разослал в республики соответствующие инструкции, которые были восприняты с пониманием практически везде, за исключением Белоруссии, где удивились этой разнарядке. И на очередном заседании Политбюро Машеров вслух высказал свое недоумение: дескать, только что мы избавились от культа «дорогого Никиты Сергеевича», как вдруг на нас надвигается новый. Брежнев тогда ничего ему не ответил, но, судя по всему, эти слова запомнил. А поскольку у Машерова в Политбюро и без этого хватало недоброжелателей (в основном это были украинцы, вроде Подгорного, Полянского и Щербицкого), то судьба опекаемого им минского «Динамо» была тут же решена не в лучшую для него сторону.

– Так что формируй бригаду судей и начинай прикидывать ее маршрут, – продолжал свою речь председатель.

Речь шла о судьях из числа особо доверенных, которые должны были обеспечить «нужный» результат в ключевых матчах, где решалась судьба тех команд, которые находились в зоне вылета.

– Минчане с кем у нас играют в последних турах? – поинтересовался председатель.

– С «Пахтакором», «Кайратом», «Араратом», «Карпатами» и «Днепром».

– Домашних матчей сколько?

– С узбеками и казахами они играют у себя, с Ереваном и Львовом на выезде, а «Днепр» снова принимают дома.

– Полагаю, что Ереван с ними и без нашей помощи справится, а вот Львову надо помочь. Таким образом, без четырех очков они вряд ли имеют шансы выбраться из ямы.

Смородин не стал спорить с этими словами, поскольку был полностью с ними согласен. Однако в душе ему было жаль минчан и их покровителя. Среди большинства республиканских руководителей Петр Машеров слыл самым добросердечным и порядочным. Но жизнь диктовала свои подходы, нарушить которые Смородин был не в состоянии. В противном случае он бы просто не работал на своем месте.

1 октября 1973 года, понедельник, Киев, Владимирская улица, 15, и Конча-Заспа, база футбольного клуба «Динамо» (Киев)

Влас Оленюк вышел из здания ГУВД на Владимирской улице и поймал такси. Ему предстояло ехать в юго-восточную часть Киева, в Конча-Заспу, где располагалась тренировочная база киевского «Динамо». Сыщик никогда ранее там не бывал, хотя, как и любой киевлянин, а тем более болельщик местного «Динамо», был достаточно наслышан об этом месте. Это был один из живописнейших уголков столицы Украины на правом берегу Днепра и появление там футбольной базы не было случайным. Когда в 1961 году киевское «Динамо» впервые стало чемпионом СССР, украинское руководство решило отблагодарить команду по высшему разряду и построило в Конча-Заспе целый тренировочный комплекс, в который входило комфортабельное двухэтажное здание с административной и жилой частями, а также небольшой стадион для тренировок.

Глядя на мелькающие за окном «Волги» киевские пейзажи, Оленюк мысленно перебирал в памяти детали своего разговора с шефом – начальником «убойного» отдела Петром Марининым. Тот вызвал его к себе практически сразу, едва Оленюк сегодня приехал на работу. Оказывается, еще вчера майор был на приеме у начальника управления Николая Ковшаря и тот интересовался обстоятельствами гибели динамовского массажиста. И это ясно указывало на то, что кто-то на самом вершине старается держать руку на пульсе этого происшествия.

– Пока могу сказать только одно: дело ясное, что дело темное, – первым делом сообщил шефу Оленюк, едва войдя в его кабинет. – Все говорит о том, что произошел суицид, хотя ряд деталей указывают и на другую версию – на убийство.

– Ты что-то раскопал? – насторожился Маринин.

Дело в том, что перед приходом Оленюка он позвонил начальнику отделения милиции, на территории которого случилась трагедия с массажистом, и тот сообщил ему, что это, скорее всего, самоубийство. Во всяком случае, к этой версии склонялись местные сыщики.

– Я навестил соседку, которая живет через стенку с покойным, – усевшись на стул, продолжил свою речь Оленюк. – Так вот она рассказала, что незадолго до его гибели у массажиста был некий мужчина. Женщина слышала их спор о футболе. Причем спорили они так жаростно, что соседка даже собиралась вызвать милицию.

– Ты хочешь сказать, что мужики доспорились о футболе до такой степени, что один другого выбросил в окно?

– Я пока ничего не утверждаю, я всего лишь выдвигаю версию.

– И на чем она еще базируется, помимо показаний этой соседки?

Прежде чем ответить, Оленюк извлек из внутреннего кармана пиджака два купона из тех, что он обнаружил вчера в квартире массажиста.

– Что это такое? – спросил Маринин, когда эти вещдоки оказались перед ним на столе.

– Судя по всему, это билеты подпольной лотереи – нечто вроде «Спортлото», – ответил сыщик. – Я обнаружил их в квартире самоубийцы – они были вложены в книгу, в которой бритвой аккуратно вырезали середину для тайника. Там таких билетов около трех десятков. Я полночи ломал голову над тем, что на них написано, пока не понял – это результаты футбольных матчей нынешнего чемпионата СССР. Посмотрите, на левом купоне проставлен результат майского матча нашего «Динамо» со «Спартакoм». Помните, москвичи вели по, пока на последней минуте матча Мунтян не сделал ничью, после чего стали пробивать пенальти? Наши тогда победили 3:2. А второй купон – это результат июльского матча киевлян с «Зенитом», который игрался в Ленинграде. У питерских два мяча забил Зинченко, а у нас счет размолил Колотов.

– Это когда во втором тайме Трошкин стал спорить с судьей и ему вынесли предупреждение за недисциплинированное поведение? – спросил Маринин, выказав не меньшую осведомленность об играх киевлян, чем его подчиненный.

– Верно, Петр Мартынович, было такое, – улыбнулся Оленюк. – Мы этот матч здесь, в дежурке, смотрели и сразу после этого предупреждения нас сорвали на выезд – на «бытовуху» у зоопарка. Так что о том, что наши так и не смогли сравнять счет и уйти от поражения, я узнал уже там – от соседей того пенсионера, которого его бабулька с помощью сковородки на тот свет отправила.

– Значит, получается, что этот массажист играл в подпольную лотерею? – спросил Маринин и потянулся за пачкой сигарет, лежавшей на краю стола.

– Еще это называется тотализатором, или «тотошкой», – внес свое дополнение Оленюк. – Видите, на купонах напечатана большая буква «Т». Вот и соседка покойного упирает на то, что тот спорил с неизвестным о результатах футбольных матчей. Видимо, что-то они могли не поделить. Там ведь большие деньги крутятся – есть ради чего людей на тот свет отправлять. Помните, пару-тройку лет назад на нашем ипподроме раскрыли группу таких вот любителей подпольной лотереи – «черных букеров»?

– Но там, насколько я знаю, до «мокрухи» дело не доходило, – уточнил Маринин.

– Зато вскрылось, какие деньги они получают, ставя на нужных лошадей. Здесь вместо них могут фигурировать футбольные команды.

Маринин еще раз внимательно рассмотрел оба купона, один за другим повертев их в руке – в другой у него была зажата зажженная сигарета.

– Если речь идет о подпольном тотализаторе, то это дело наших коллег из третьего отдела, – возобновил разговор майор. – Но если здесь, как ты говоришь, пахнет «мокрым» делом, тогда придется тебе впрягаться по полной программе. Ты к этому готов?

– Если бы речь не шла о футболе, я бы еще подумал. А так есть стимул.

– В таком случае, что собираешься делать дальше? – выпустив дым в потолок, спросил Маринин.

– Собираюсь съездить в Конча-Заспу, на базу «Динамо» – хочу расспросить коллег покойного о нем. Мне кажется, ниточка может тянуться оттуда.

– Почему?

– Уж больно должность у покойного была удобная – массажист, – пряча купоны обратно в карман, ответил Оленюк. – Если кто-то, к примеру, захотел бы использовать его в темных делах с подпольной лотереей, то лучшей кандидатуры трудно себе представить. Он ведь обслуживал всю команду, снимал с игроков усталость, а попутно имел возможность вести разговоры на разные темы, выяснять, какие настроения царят в команде. Под ловкими руками таких людей легко можно потерять концентрацию, стать разговорчивым. Это как банщики – он тебя веничком в парилке охаживает, а ты ему, млея, все свои личные секреты выкладываешь.

– Думаешь, он мог шпионить в команде?

– Ничего я пока не думаю – только предполагаю. Вот съезжу на их базу, тогда, может, что-то определенное и скажу.

– Хорошо, поезжай, не буду тебя больше задерживать.

Когда Оленюк приехал на базу, там шла тренировка – футболисты, под руководством своего старшего тренера Александра Севидова, проводили двухстороннюю игру. Однако наблюдать за этим поединком у гостя не было времени, хотя жуть как хотелось – ему надо было побеседовать с людьми, кто близко знал покойного массажиста команды Лазаря Луцкого. Впрочем, тренер команды Михаил Коман, встретивший сыщика, огорошил его внезапным заявлением:

– Странно вы как-то работаете. Буквально полчаса назад нам звонил ваш коллега и задавал свои вопросы по телефону.

– И как он представился? – спросил Оленюк.

– Старшим лейтенантом Игнатом Зарубой.

Это был вчерашний старлей с «земли» – из местного отделения милиции – с которым Оленюк встретился вчера в квартире массажиста. «Прыткий инспектор – по телефону показания снимает», – подумал про себя Оленюк.

– Так что не обессудьте, но вас я тоже направлю к тому же человеку, с кем разговаривал Заруба, – сообщил Коман.

Этим человеком был врач команды Мирон Собко, с которым массажист в течение нескольких лет работал в команде львовских «Карпат». Именно Собко, перебравшись из Львова в Киев, вскоре помог перейти в киевское «Динамо» и Лазарю Луцкому.

– В прошлом году здесь как раз массажист уволился, вот я и предложил кандидатуру Лазаря, – рассказывал Оленюку причины переезда покойного массажиста в Киев его приятель. – Он приехал, сразу всем понравился и его взяли. А чего не взять – он мужчина во всех смыслах положительный... был. Ох, даже не верится, что так все сложилось.

Сказав это, Собко вздохнул и перевел взгляд в сторону окна, за которым начал моросить мелкий дождик. Они сидели в холле на первом этаже за небольшим журнальным столиком, а мимо них по ступеням вверх взбегали футболисты, закончившие тренировку. Оленюк впервые в шаговой доступности видел своих кумиров: Матвиенко, Фоменко, Решко, Мунтяна, Буряка, Веремеева, Блохина. Последний даже слегка задержался у лестницы, с любопытством посмотрев на сыщика, который беседовал с их врачом. Судя по всему, игроки уже знали, кто пожаловал к ним на базу, чем и был вызван этот интерес со стороны футболиста.

– А когда вы в последний раз видели Луцкого? – задал очередной вопрос Оленюк, провожая взглядом удаляющегося Блохина.

– Да вчера и видел. Мы с ним специально утром приехали на базу, чтобы составить план работы на сегодня. А заодно и методички полистать. Часа три у нас на это ушло. Потом я отвез его домой на Политехническую. Эту квартиру, кстати, я для него и нашел. Там мой друг прописан, но он сейчас в Венгрии работает, а квартира пустует. Ну, я и попросил его пустить на постой Лазаря, чтобы ему по общагам не мыкаться. Получается, зря хлопотал. Если бы он в общежитии жил, может, этой трагедии бы и не произошло.

И врач снова перевел взгляд в сторону окна, где дождь только усиливался, барабанил по стеклу и подоконнику.

– А во сколько вы привезли его домой?

– Точного времени я не помню – где-то около часа дня. Но подниматься к нему не стал – высадил у подъезда и уехал.

– Он ничего вам не говорил, что кого-то ждет в гости?

– Нет, такого разговора он не заводил. Впрочем, какие гости – он собирался спать лечь, поскольку утром не выспался. Точно, так и сказал: мол, сейчас завалюсь на боковую, чтобы завтра с утра быть свеженьким.

– А как у него обстояли дела по части выпивки?

– В рот не брал, причем категорически. От него два года назад жена ушла с дочкой именно из-за этого – квасил он сильно. С тех пор, как отрезало. Ему перед дочкой стыдно было, он же рассчитывал обратнo к ним вернуться.

– А он их часто навещал?

– Не часто, поскольку возможности такой не было – у нас сейчас самая запарка, конец сезона. Зато деньги им регулярно во Львов переводил.

– И много отсылал?

– Этого я не знаю, но зарплата у него была хорошая – триста рублей выходило, плюс премиальные. Мы же на чемпионство идем.

– А других заработков у него не было? – задавая этот вопрос, Оленюк пристально посмотрел на собеседника, рассчитывая прочитать в его глазах некую дополнительную информацию.

– Про это мне неизвестно, – пожал плечами Собко, причем выражение лица у него было вполне обычное, без какого-либо намека на волнение.

– А друзья у него здесь какие-то были? Те, с кем он, например, мог после работы у себя дома встречаться.

– Вы имеете в виду друзья в команде?

– Не только – вообще.

– В команде он только со мной близко общался. Да это и понятно – мы с ним до этого четыре года в «Карпатах» вместе работали. А что касается друзей в городе, то мне про них ничего неизвестно. А сам он никогда про таковых мне не говорил. А почему вы об этом спрашиваете?

– Просто перед смертью вашего приятеля кто-то навещал. Вот я и хотел выяснить личность этого неизвестного – может, он что-то может рассказать о причинах столь странного поступка вашего массажиста. Ведь для того, чтобы выброситься из окна, веские причины нужны. Вам таковые известны?

– Я думаю, это все из-за семейных неурядиц.

– А если поконкретнее.

– Он сказал, что с бывшей женой у него не сильно ладится. Вроде, появился у нее кто-то, а это значит, что о новом их воссоединении с Лазарем речи уже не шло.

– У вас был конкретный разговор на эту тему?

– Нет, он мельком об этом сказал и тут же свернул разговор на другую тему. А я настаивать не стал – неудобно, знаете, в чужих болячках копать. Но заметив, что он работает без энтузиазма, я сам предложил ему закругляться. Он с удовольствием это поддержал.

– И как он вел себя в дороге?

– Больше молчал – смотрел в окно и о чем-то думал. А я его особо не донимал – у меня у самого проблем выше крыши, зачем мне еще и чужие.

В это время на лестнице появился Коман, который сделал жест рукой врачу команды: дескать, ты нам нужен. Оленюк это тоже заметил, поэтому решил закончить разговор. Но прежде чем отпустить врача, он спросил:

– У вас наверняка есть львовский телефон бывшей супруги Луцкого?

– А зачем он вам?

– Как зачем – чтобы узнать у нее подробности ее взаимоотношений с бывшим супругом. Согласитесь, легче задать этот вопрос по телефону, чем лететь во Львов.

– Да, вы правы, – кивнул головой Собко.

После чего снова сел за журнальный столик и, достав из пиджака записную книжку, написал на листке требуемый телефон. Вырвав страницу, он протянул ее сыщику, попутно сообщив, что бывшую жену массажиста зовут Олеся Николаевна.

Когда врач ушел, Оленюк подошел к телефону, находившемуся здесь же, в фойе, и позвонил во Львов. На его счастье, хозяйка оказалась дома. Судя по голосу, она пребывала в подавленном настроении, уже оповещенная о трагедии. Однако от разговора не отказалась, попросив лишь об одном – побыстрее все закончить, поскольку ей надо было куда-то уходить. Оленюк ей это пообещал, поэтому вопросы стал задавать конкретные:

– Скажите, у вас в последнее время были хорошие отношения с вашим бывшим или натянутые?

– Нормальные были отношения – у нас все-таки дочь общая.

– Значит, его смерть не могла быть вызвана какими-то переживаниями из-за вас?

– А причем здесь я – мы расстались два года назад? – искренне удивилась женщина.

– Но Лазарь, как я слышал, лелеял мечту опять с вами воссоединиться?

– С чего вы это взяли? Лично мне он об этом ничего не говорил.

– Тогда ответьте мне на вопрос, за который я заранее прошу меня извинить: у вас в личной жизни все в порядке?

– В каком смысле?

– Я имею в виду, у вас есть мужчина?

На другом конце провода повисла пауза, которая длилась недолго. Наконец, женщина ответила:

– Да, я уже полгода встречаюсь с одним человеком.

– А Лазарь про это знал?

– Естественно, поскольку в свой последний приезд он видел этого человека. Они даже успели подружиться.

– Спасибо вам большое, Олеся Николаевна, и до свидания, – и Оленюк первым повесил трубку.

Все время, пока Оленюк находился на базе, такси терпеливо дожидалось его за воротами. И когда сыщик оказался внутри автомобиля, таксист поинтересовался:

– Ну, как там у наших настроение?

– По-моему, боевое, – ответил Оленюк. – Судя по их лицам, они порвут и армейцев седьмого, и ереванцев десятого.

– Дай-то бог, – ответил таксист, трогая машину с места.

«Странная ситуация получается с этим самоубийством, – размышлял про себя Оленюк, глядя на мелькавшие за окном пейзажи Старообуховского шоссе. – По словам врача покойный мог покончить жизнь самоубийством из-за недолюбленной жены, а сама жена утверждает, что их отношения давно закончились и у каждого была своя жизнь. Во всяком случае, ни о каком новом воссоединении их семьи речи не шло. Кому верить? И какую версию взять за основу? Согласно первой, Луцкий шагнул в окно из-за бывшей жены. Ведь женщина могла и не знать о тех чувствах, которые он к ней испытывал, поскольку сама его давно разлюбила и уже нашла ему замену. А он, внешне ничем не выказывая своих переживаний, на самом деле сильно страдал. И в итоге принял роковое решение. Кстати, и бутылка водки в таком случае появилась не случайно. Купил он ее заранее и она ждала своего часа. Вчера этот час пробил. Луцкий приехал домой, стал заливать горе водкой и в это время к нему пришел незнакомец. Между ними произошел какой-то скандал, который добавил лишнюю толику переживаний массажисту. И когда незнакомец ушел, он еще хряпнул водки для храбрости и сиганул в окно, одним разом перечеркивая все свои проблемы. Складная версия? Очень даже. Но эта версия основана на том, что у Луцкого были виды на его бывшую жену. А если женщина права и никаких видов на нее у него быть не могло? Вот и врач говорит, что конкретного разговора на эту тему у них не было и, значит, строить на этом полноценную версию оснований пока нет – врач мог и ошибиться. Впрочем, и вторая версия тоже основана на шатких позициях. Веских оснований для того, чтобы предполагать убийство, пока нет. Что я имею на этом направлении? Неустановленную пока личность неизвестного мужчины, с которым у покойного вышел скандал. Сразу после него он выпал из окна, а незнакомец исчез. Но он мог покинуть квартиру за несколько минут до самоубийства массажиста. Однако что-то тебе, Влас, подсказывает, что именно в этой версии есть некий манок, который тебя больше всего к ней и притягивает. И этот манок – купоны подпольной лотереи. Луцкий в нее играл и, судя по количеству купонов, достаточно давно и плотно. Учитывая, что деньги там возвращаются весьма большие, такая форма разрешения конфликтов, как убийство, в этой среде вполне допустима. Поэтому, почему бы не предположить следующий вариант

развития событий. Незнакомец пришел к Луцкому с твердым намерением его убрать, имитируя это как самоубийство. Для этого и принес с собой водку. Впрочем, может, твердого намерения убивать у незнакомца и не было, а было желание уладить конфликт за распитием спиртного. Но в ходе возникшего скандала желание убить внезапно появилось. Незнакомец ударил массажиста чем-то тяжелым по голове, влил ему в горло водку и скинул вниз. А сам спокойно удалился. Кстати, что там была за водка? Кажется, «Московская» с зеленой этикеткой, два рубля семьдесят пять копеек за бутылку. Интересно, где он ее приобрел?»

И в это мгновение Оленюка осенило. Если исходить из того, что водку в дом принес незнакомец, то купить ее он мог либо заранее, либо непосредственно идя навстречу. И если последняя версия верна, то установить, если не личность, то хотя бы внешность незнакомца вполне возможно. Причем немедленно.

– Едем на Политехническую улицу, – сообщил Оленюк таксисту, который поначалу хотел отвезти пассажира к тому месту, где он его посадил – на Владимирскую.

Спустя полчаса сыщик уже был возле дома, где еще вчера проживал Лазарь Луцкий. Заметив впереди себя идущую с хозяйственной сумкой пожилую женщину, Оленюк нагнал ее и поинтересовался, где здесь ближайший гастроном. И женщина указала ему нужное направление.

Идти пришлось недолго – около пяти минут. Когда Оленюк вошел в магазин, он был почти пуст, что играло на руку старшему инспектору киевского угро. Подойдя к прилавку, где продавалась винно-водочная продукция, он поинтересовался у миловидной продавщицы, облаченной в белый халат:

– Уважаемая, вы случайно не работали здесь вчера днем?

– А в чем дело? – насторожилась женщина, окидывая сыщика суровым взглядом.

Вместо ответа Оленюк извлек на свет свое служебное удостоверение. Увидев его, продавщица сразу подобрела, поскольку боялась не угро, а ОБХСС, и ответила:

– Ну, работала – как положено, с десяти до семи с перерывом на обед.

– А водка «Московская» у вас продается?

– Сегодня нет – кончилась.

– А вчера была?

– Вот вчера как раз и кончилась.

– В каком часу?

– Ближе к вечеру последний ящик продала.

– Не помните, кто покупал у вас эту водку в районе часа дня?

– Вы с ума сошли, что ли? – возмутилась женщина. – Тут столько алкашей ошивается, а я должна каждого запоминать, да еще на часы смотреть, когда он у меня водку покупает?

– Истинную правду говорите, не знаю, как вас зовут, – делая виноватое лицо, произнес Оленюк. – Но до зарезу нужно одного человека найти, а без вас этого не сделать.

– Нонна Сергеевна меня зовут, – представилась женщина, вновь сменяя гнев на милость. – Когда, говорите, этот человек мог водку у нас купить?

– Около часа дня.

– У нас с часу до двух обед.

– Значит, где-то за десять-пятнадцать минут до закрытия.

Услышав эту датировку, продавщица на какое-то время ушла в себя, перебирая в памяти события вчерашнего дня. Наконец, она вновь обратила свой взор на сыщика:

– Водка с утра хорошо шла, а где-то часов с двенадцати все затихло. И часов до двух я никому ее не продавала – больше вино брали, вермут. Хотя, постойте. Был один мужчина, который объявился, когда я уже на обед закрылась. Настойчивый такой – стучит в дверь и стучит. Я ему кричу: мол, обед у нас, а он тарабанит, зараза, по стеклу и не уходит. Потом

выяснилось, что ему бутылка водки нужна. Ну, я и продала, чтобы он отвязался. Ту самую «Московскую». Да он и сам москаль, чтоб ему пусто было!

– С чего вы это взяли? – насторожился Оленюк.

– Так он сам сказал. Я, когда его в дверьпустила, он посетовал: дескать, что-то в Киеве у вас порядки строгие, не то что в Москве.

– Он это в общем контексте сказал или конкретно?

– Дык конкретно – так и сказал: у нас, мол, в Москве с этим попроще. Ну, с перерывом на обед, значит. А что, он что-то натворил?

– А вы как думаете – водка она ведь зло, – делая серьезное лицо, ответил Оленюк. – Как он выглядит помните?

– Почему не помнить – днем это было, при свете. Мужик коренастый, широкий в плечах, роста среднего, чуть ниже вашего. На лицо не шибко чтобы симпатичный – больше на боксера похож.

– С чего это вы взяли?

– Нос у него перебитый – слегка на правую сторону скошенный. У моего бывшего хахаля такой же был – ему его в драке на сторону свернули. Я, кстати, с тех пор женщина свободная. Если хотите, могли бы партию составить – отказу ни в чем знать не будете. Жить станете, как у Христа за пазухой: продукты дефицитные, гладка, штопка, ну и другими благами не обижу – я женщина темпераментная.

– Зато я пассивный, как червяк в спячке.

– По вам этого не скажешь. Но вы не бойтесь – я вас расшевелю, я это умею.

– Не могу, Нонна Сергеевна – вы женщина свободная, а я уже занятой, – развел руками Оленюк. – А за информацию спасибо. Да, вы никуда из города не собираетесь?

– А в чем дело?

– Надо будет заехать к нам на Владимирскую – поможете составить фоторобот этого москаля с перебитым носом. Рабочий телефон у вас есть?

Женщина продиктовала сыщику рабочий номер телефона директора магазина, после чего Оленюк, козырнув женщине рукой, удалился, оставив продавщицу в гордом одиночестве. Но с тайной надеждой, что во время повторной встречи ей все-таки удастся уломать этого симпатичного и энергичного милиционера. Ведь по его глазам она сразу определила, что в личной жизни он так же одинок, как и она.

2 октября 1973 года, вторник, Москва, Садовая-Триумфадная, дом 4/10 и Киевское шоссе, дорога в аэропорт Внуково

В это утро Константин Бесков встал пораньше. Ему предстояло съездить в аэропорт Внуково, чтобы встретить супругу Валерию, которая возвращалась из Батуми, куда она ездила навестить своих родственников. Ее не было ровно неделю, а Бесков уже успел соскучиться. И даже недавняя поездка по делам спортобщества «Динамо» не помогла ему побороть эту тоску по своей второй половинке. Все-таки двадцать семь лет совместной жизни давали о себе знать. За это время их дочь Любовь уже успела вырасти в статную красавицу, которая дважды побывала замужем, причем оба раза за футболистами. Первым ее супругом был игрок московского «Динамо» Виктор Вотоловский, а нынешний муж, Владимир Федотов, играет за ЦСКА. Живут молодые отдельно от родителей – в собственной квартире в Серебряном бору, которую родители подарили Любви, когда она вышла замуж за Вотоловского.

Наскоро перекусив, Бесков в последний раз взглянул на свое отображение в зеркале в коридоре, взял с тумбочки ключи от «Волги» и вышел из квартиры. Спустя пять минут он

уже открывал дверцу автомобиля, который стоял под окнами его квартиры в доме 4/10 по Садовой-Триумфальной улице.

– Доброе утро, Константин Иванович, – раздался за спиной тренера бодрый мужской голос.

Бесков обернулся и увидел рядом с собой соседа по подъезду – бывшего отставного чекиста Ярослава Слащева, с которым был дружен еще со времен турне «Динамо» по Великобритании. После той поездки Слащев продолжал работать по линии внешней разведки (в Комитете Информации), а затем попал в канцелярию самого Лаврентия Берия, за что и пострадал – в 1953 году, после ареста всесильного министра, он был уволен со службы и отправлен в Министерство мясной и молочной промышленности на должность зама по кадрам. Не самая пыльная должность, учитывая, что многие другие чекисты, работавшие в аппарате Берия, были лишены своих воинских званий и даже осуждены. Например, такая судьба постигла двух обитателей дома 4/10 по Садовой-Триумфальной: начальника военной контрразведки МГБ Сергея Гоглидзе (расстрелян вместе с Берия) и начальника Главного разведывательного управления МГБ Сергея Огольцова (исключён из партии с формулировкой: «за грубое нарушение социалистической законности, в результате которого были осуждены к высшей мере наказания и длительным срокам заключения работники ленинградских высших учебных заведений», лишён звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах и недостойный в связи с этим высокого звания генерала»).

Иная судьба постигла другого видного чекиста из этого же дома – начальника УМВД по Москве и Московской области Василия Рясного. Он был уволен в запас по фактам, дискредитирующим звание офицера и назначен начальником строительства Волго-Балтийского канала.

Что касается Слащева, то в конце 50-х его профессиональные качества чекиста были снова востребованы, но только не «контрой», а другим похожим учреждением – Международным отделом ЦК КПСС: он в течение нескольких лет работал в его спецсекторе и курировал Институт общественных наук при ЦК КПСС. Пока, наконец, в самом конце 60-х, не ушел в отставку по состоянию здоровья – у него было больное сердце.

Своих соседей-чекистов Бесков часто встречал во дворе их общего дома, поскольку поселились они здесь почти одновременно: чекисты въехали сюда в 1949 году? а Бесков получил квартиру на год позже (а в 1951 году настала очередь Гоглидзе и Рябова). И в силу того, что Бесков играл за родную команду чекистов – за «Динамо» (тот же Гоглидзе в 1951 году занимал должность председателя Центрального совета общества «Динамо») – его отношения с этими людьми были куда более тесными, чем у других обитателей этого элитного дома. То же самое можно было сказать и про другого жильца – Леонида Соловьева – еще одного игрока футбольного «Динамо» (капитана команды), который поселился здесь за год до Бескова.

В конце 50-х, когда всевластие бывших чекистов сошло на нет, Бесков и Соловьев частенько обсуждали между собой эту тему. Они философствовали о том, что от бывшего величия их грозных соседей почти не осталось и следа. В новых условиях они выглядели вполне безобидными пенсионерами и в их теперешней внешности и поведении ничто не напоминало о том, что каких-нибудь тридцать лет назад перед ними в страхе трепетали миллионы людей. Впрочем, в 1965 году один бывший чекист сменил место жительства – Рясной переехал на проспект Мира – и соседями футболистов остались Огольцов и Слащев. Оба были болельщиками московского «Динамо» и постоянно интересовались успехами родного для них клуба. Вот и в этот раз встреча Бескова и отставного чекиста началась с того же – с вопроса о футболе.

– Как думаешь, Костя, возьмет наше «Динамо» бронзу или нет? – спросил Слащев.

– Если у «Арарата» следующий матч выиграет, то можешь быть уверен – возьмет, – с улыбкой на устах, ответил Бесков.

– А завтрашний матч со «Спартак» ты в расчет не берешь?

– Думаю, наши его выиграют – спартаки сейчас явно не в лучшей форме. Поэтому главный матч – в Ереване.

– Полагаешь, что шансы на победу там у нас есть? – искренне удивился бывший чекист. – Все-таки в Ереване играем.

– Об этом и речь, Ярослав. Если на самом «Раздане» наши ребята сумеют показать свой характер, то все последующие соперники однозначно будут им по зубам. С кем мы после «Арарата» играем, помнишь?

– С «Днепром», «Торпедо», СКА и «Шахтером», – без запинки ответил Слащев, лиш- ний раз доказав, что он истинный болельщик.

– Труднее всего будет играть с земляками из «Торпедо», – предположил Бесков. – Авто- заводцы всегда были неуступчивыми соперниками.

– Будем уповать на то, что твои прогнозы сбудутся, – улыбнулся бывший чекист, после чего спросил: – Куда это ты в такую рань собрался – не спится что ли?

– Супругу еду встречать в аэропорт – она из Батуми возвращается.

– Счастливой дороги, – пожелал тренеру отставник и первым протянул на прощание руку.

Спустя несколько минут Бесков выехал на Садовую-Триумфальную и свернул направо, взяв курс на Внуково. Однако на Киевском шоссе, когда до аэропорта оставалось несколько десятков километров, Бесков почувствовал, что его «Волга» начинает себя странно вести – появилась какая-то непонятная вибрация и машину стало уводить в сторону. Свернув на обо- чину, тренер вылез из автомобиля и практически сразу определил причину странного пове- дения своего «железного коня» – левое переднее колесо оказалось спущено. Бесков взглянул на часы – до прилета жены еще оставалось около часа, поэтому время у него было. Поста- вив машину на ручной тормоз и заблокировав левое заднее колесо, Бесков собрался было отвернуть гайки у колпака на колесе. И тут понял, что не знает, как это сделать. Дело в том, что незадолго до этого жена отдавала их «Волгу» в автосервис, где им поменяли колпаки. Вместо старых поставили новые, которые были с секретом – гайки на них крепились таким образом, что с непривычки было непонятно, как к ним подступиться. Жена говорила ему об этом, но Бесков тогда не придавал этому значения, из-за чего сегодня и попал в неприятную ситуацию. И как из нее выходить было непонятно.

«Надо попросить о помощи кого-то из водителей», – подумал Бесков и стал голосовать, проезжающим мимо автомобилям. Но ни один из водителей не останавливался, видимо, спеша в аэропорт. Так продолжалось около пяти минут, пока, наконец, рядом с тренером не тормознула такая же, как у него, «Волга» ГАЗ-24, только не белого, а бежевого цвета. Из нее вышел мужчина, которого тренер сразу узнал. Это был картежник, с которым его познакомил несколько лет назад Валерий Маслов – игрок московского «Динамо», которое Бесков тогда тренировал. Маслов был женат на женщине, у которой сестра была замужем за известным картежником Лево́й Ереванским. Он возглавлял группу профессиональных «катал», которые играли на большие деньги с почтенной и денежной публикой: партийными и хозяйствен- ными чиновниками, цеховиками, спортсменами. В эту бригаду входил и тот самый чело- век, который теперь предстал перед Бесковым. Правда, тренеру пришлось напрячь всю свою память и с трудом, но вспомнить, что зовут этого картежника Лево́ном Абегяном.

– Константин Иванович, какими судьбами? – сверкая золотыми зубами, спросил «катала» у тренера.

– Да вот, колесо спустило, а открутить не могу, – пожаловался Бесков, пожимая протя- нутую ему руку. – А мне срочно в аэропорт надо – жена прилетает.

– Все понял – сейчас все сделаем, – мгновенно среагировал на эти слова Левон и повернулся к своей «Волге»: – Робик, иди сюда.

На этот зов из автомобиля вылез небольшого роста мужчина в модной болоньевой курточке.

– Познакомься, это легенда нашего футбола Константин Иванович Бесков, – представил тренера «катала». – У него колесо спустило, разберись, пожалуйста.

После этого он повернулся к тренеру и сообщил:

– Не волнуйтесь, Робик у нас мастер на все руки – сделает ваше колесо в лучшем виде. Запасное, надеюсь, у вас есть?

– В багажнике, – последовал ответ.

Пока Робик корпел над колесом, Левон, закулив «Мальборо», пытал тренера на футбольную тему:

– Как думаете, мой «Арарат» сыграет с вашим «Динамо»?

– Ты хочешь, чтобы я тебе все наши секреты выдал? – улыбнулся Бесков.

– Я хочу, чтобы вы, как бывший тренер «Динамо», рассказали мне, как эта игра может сложиться.

– Полагаю, что для твоих земляков тяжелее, чем для моих, – после небольшой паузы ответил тренер. – Мои динамовцы за бронзовые медали бьются, а это значит, что играть будут по-настоящему. Поэтому, думаю, два тайма могут ничего не решить. Скорее всего, будет ничья, а после нее пенальти.

– Так это же лотерея.

– Но победить в ней все равно кто-то должен, верно? Вот я и думаю, что у моих бывших подопечных шансов побольше будет.

– Почему так думаете? – искренне удивился Левон.

– Твои земляки дома играют, а это значит, что на их психику будут родные стены давить. Проиграть на глазах у миллионов своих болельщиков – врагу не пожелаешь. А вот на динамовцев эта атмосфера так влиять не будет. К тому же они лучше всех пенальти пробивают. Из семи таких серий уже пять выиграли. А твой «Арарат» сыграл пять пенальтных серий и только в двух победил. Да и те были в первом круге, а последние три серии твои земляки проиграли. А у нас пенальтисты в команде как на подбор: Еврюжихин семь голов забил, Маховиков с Петрушиным – по шесть, Басалаев с Жуковым – по четыре, а Кожемякин с Долматовым – по три.

Услышав этот монолог картежник задумался. По тому, как он нервно курил, было видно, что мысли его одолевают тревожные.

– Ну, что ты расстроился, Левон? – улыбнулся Бесков. – Это же только мои предположения. Футбол тем и интересен, что абсолютно непредсказуем. Может, и не дойдет дело до пенальти – все в основное время решится.

– Нет, Константин Иванович, вы специалист очень авторитетный, – отбрасывая недокурную сигарету в траву, ответил Левон. – Вы в футболе кумекаете так же хорошо, как я в карты «катаю». Поэтому к вашим словам надо прислушиваться. Иначе можно большие деньги потерять.

– Какие деньги, о чем ты? – искренне удивился Бесков.

– Не берите в голову, это я о своем, – улыбнулся Левон, но по его лицу было видно, что он слегка стусевался.

В это время его позвал к себе Робик, чтобы тот помог ему с установкой колеса. А спустя десять минут все было готово и мужчины простились. Причем первым отъехал Бесков, который торопился больше, чем его спутники.

Когда «Волга» тренера тронулась с места, Левон, глядя ей вслед, произнес:

– Надо сегодня же поменять наши ставки.

– Ты о чем? – не понял приятеля Робик.

– Я о «тотошке» – надо ставку на победу «Арарата» поменять, пока еще время есть.

– Ты что, с ума рехнулся? Игра в Ереване, вся Армения за наш «Арарат» болеть будет, а ты ставку хочешь поменять?

– Я всегда говорил, Робик, что ты плохой аналитик. У меня с этим делом получше, но даже я в подметки не гожусь вот тому человеку, которому мы только что колесо поменяли. Он мне так хорошо все объяснил, что я понял – наш «Арарат» седьмого скорее всего проиграет. Даже у себя дома.

– Эй, что такого мог тебе сказать этот человек? – все сильнее распалялся Робик. – Да, он знаменитый тренер, но такие люди тоже ошибаются.

– А если он сказал правду? – произнеся это, Левон повернулся к приятелю и посмотрел ему в глаза. – Что если наш «Арарат» действительно проиграет? Представляешь, какой куш мы можем сорвать, если поменяем ставку и поставим на его поражение? Да еще если укажем в купоне, что это будет проигрыш по пенальти.

– А ты думаешь, что будут пенальти?

– Это не я так думаю, это думает великий Бесков! – воздев указательный палец вверх, произнес Левон. – Короче, хватит спорить – садимся в машину и едем обратно.

В эти же минуты Бесков, мчась на предельной скорости на своей «Волге», никак не мог забыть той реплики, что сорвалась с губ Левона – про большие деньги. «Что он имел в виду? – спрашивал себя тренер. – Неужели речь шла о ставках в подпольном тотализаторе? Говорят, там и в самом деле крутятся огромные деньги и люди, правильно угадавшие счет в каком-либо футбольном матче, могут сорвать очень хороший куш. Кстати, этот Левон вхож в круг тех самых людей, которые почти три года назад приезжали в Ташкент на наш финальный матч с ЦСКА. И тогда я тоже подозревал нескольких своих игроков в том, что они могли сдать «тотошникам» ту игру. Получается, я был недалеко от истины? Или мне опять это только мерещится?»

И всю оставшуюся часть пути до аэропорта Бесков вспоминал тот злополучный декабрь, когда его «Динамо» так драматично проиграло финальный поединок.

Ретроспекция. 5 декабря 1970 года, суббота, Ташкент, проспект Ленина, ресторан «Голубые купола»

«Катала» Левон Абегян по прозвищу Баста прилетел в Ташкент из Тбилиси, куда он приезжал по делам московского подпольного тотализатора. Эта тайная структура появилась на свет в октябре 1968 года и поначалу объединяла в своих рядах не так много участников – чуть больше пяти десятков. Но это были весьма влиятельные и уважаемые в своих кругах люди: партийные и хозяйственные работники, дипломаты, милицмейские начальники, спортивные функционеры уровня Федераций футбола СССР и РСФСР, цеховики, уголовные авторитеты, а также ряд представителей творческой и научной интеллигенции в лице актеров, режиссеров, драматургов, докторов наук и даже одного ректора крупного института. Собственно, такого рода тотализаторы, где делались денежные ставки на результаты футбольных матчей первенства СССР, впервые появились в стране еще в начале 60-х, когда союзный чемпионат расширил свои представительские границы и включил в состав участников команды из Средней Азии (Узбекистан, Казахстан), Закавказья (Армения, Азербайджан, а Тбилиси участвовал еще раньше – с 1936 года) и Белоруссии. Всего число играющих в высшем дивизионе команд тогда увеличилось до 22, что открывало большие возможности для самых разнообразных ставок в тотализаторе. Особенно это касалось южных регионов, где еще с конца 50-х начало активно развиваться «цеховое братство» – подпольная теневая экономика («цеха»), работавшая как частное производство и конкурировавшая с офи-

циальной плановой экономикой. Однако в первые годы своего существования подпольные тотализаторы были еще диковинкой и существовали лишь в южных регионах. Однако во второй половине 60-х, на волне развертывания в СССР эксперимента под названием «косыгинская реформа» (суть ее заключалась в привнесение в плановую экономику элементов рыночной, когда на первый план стала выходить прибыль), подпольные тотализаторы (сами участники ласково называли их «тотошками») стали расти как грибы после дождя, охватив собой большинство регионов страны, где базировались ведущие футбольные клубы. Они существовали: в Москве (она была представлена пятью футбольными командами высшей лиги), Киеве (Украину представляли от четырех до пяти команд), Тбилиси (от Грузии выступали одна-две команды), Ереване (от Армении – одна команда), Баку (от Азербайджана – одна команда), Ташкенте (от Узбекистана – одна команда), Алма-Ате (от Казахстана – одна команда). А поскольку рыночная экономика позволяла получать гораздо большую неучтенную прибыль, чем плановая, аппетиты участников «тотошек» росли, что влияло, как на увеличении ставок (речь шла о десятках тысяч рублей выигрыша за правильно угаданный счет), так и на расширении числа тех, кто играл в «тотошку». Например, только в Москве подпольный тотализатор в 1970 году насчитывал уже не 30 участников, как это было в начале десятилетия, а почти полторы сотни человек. Функционировал он следующим образом.

Участники были разбиты на четыре сектора, в каждом из которых числилось по 35 человек. В секторах действовал свой «центр» – некая жилая квартира, где обитал одинокий пенсионер или пенсионерка, которые принимали ставки. «Тотошники», приходя в эту квартиру, заполняли специальный купон, разделенный на две половины. Одна половина с результатом оставлялась в «центре» (вместе с суммой взноса), а другая забиралась с собой, чтобы в случае выигрыша быть предъявленной в тот же «центр». В купоне можно было выбрать один из трех возможных результатов матча: выигрыш, поражение и ничью. Ставка увеличивалась, если игрок угадывал еще и точный счет матча. Если какой-то из результатов не находил своего победителя (а такое хоть и случалось, но редко), то вся сумма поступала в «банк» и могла быть разыграна в последующих розыгрышах.

В определенные дни специальные курьеры объезжали все «центры» и собирали купоны и деньги, отвозя их на «базу» – главную точку подпольного тотализатора, курировал которую человек, имя которого практически никто из участников не знал. Про себя они называли его Банкиром. Личные контакты с ним у «тотошников» были исключены – для этого у Банкира было несколько доверенных лиц («доверялы»), среди которых был и Левон Абемян по прозвищу Баста. Именно «доверялы» утрясали все спорные вопросы и служили курьерами между республиканскими тотализаторами.

На протяжении нескольких лет последние функционировали автономно друг от друга, принося их организаторам и участникам огромные деньги. Организаторы наживались на махинациях с деньгами участников (путем присваивания себе части тех ставок, которые оказались проигрышными, поскольку «тотошники» не знали точного числа всех участников тотализатора), а участники получали выигрыши, которые иной раз могли составить несколько десятков тысяч рублей (все зависело от суммы ставки – на важные матчи она была значительной, на менее значимые – маленькой).

Так продолжалось несколько лет, пока в Москве вдруг не созрела идея попытаться объединить между собой эту разветвленную сеть «тотошек» с тем, чтобы получать еще большую прибыль. Каким образом? Суть идеи была проста. Поскольку к началу 70-х влияние различных посторонних факторов на судьбу многих футбольных матчей сильно возросло (а это могли быть разные факторы – как политические, так и чисто коммерческие), то и возникла идея этим воспользоваться. Москвичи решили торговать результатами по всей стране, устроив своеобразный бартер – то есть, подкупая нужных людей в Москве (как в самих командах, так и во властных структурах, включая Спорткомитет и Федерацию футбола),

они могли гарантировать приезжим клубам нужные им результаты. В то же время москвичи хотели иметь такие же гарантированные результаты для своих команд, когда те приезжали в разные регионы. Именно об этом и договаривался Левон Абебян в конце 1970 года, когда посетил с «официальными» визитами Киев, Алма-Ату и Ташкент. Причем столицу Узбекистана он специально оставил напоследок, решив совместить полезное с приятным. Зная о том, что именно туда был перенесен финальный матч чемпионата СССР по футболу между ЦСКА и «Динамо» (Москва) (обе команды набрали равное количество очков – по 45 – и теперь должны были решить судьбу золотых медалей в очном поединке), он прилетел туда аккуратно за пару часов до его начала. Самолет приземлился в ташкентском аэропорту в 14.00, а спустя два часа на стадионе «Пахтакор» должен был состояться финал, смотреть который Левон собирался не один, а с замом Банкира ташкентского тотализатора – Тимуром.

Тот встретил дорогого гостя в аэропорту, приехав туда на черной представительской «Волге», за рулем которой сидел его верный нукер Рашид (Левон его хорошо знал по своим прежним поездкам в Ташкент). Усевшись вместе с гостем на заднее сиденье, Тимур спросил:

– Какие ставки на сегодняшнюю игру доминируют в Москве?

– У нас большинство ставит на победу ЦСКА, – ответил Левон.

– А у нас отдают предпочтение «Динамо», – сообщил Тимур.

– А как же примета?

– Какая?

– Команда, которая взяла в этом году Кубок СССР, чемпионом не станет. А Кубок-то достался динамовцам.

– Лично я в приметы не верю, поэтому тоже поставил на мильтонов. Бесков однозначно сильнее Николаева будет.

– Может, заключим пари – ты на «Динамо», а я на ЦСКА? – предложил Левон.

– На какую сумму? – живо откликнулся Тимур.

– По «косарю» сойдет?

Вместо ответа Тимур выставил вперед раскрытую ладонь, по которой гость ударил своей ладонью – пари, где ставка была тысяча рублей, состоялось.

Тот матч собрал полный стадион – пришло 60 тысяч зрителей. Погода стояла ясная, безветренная, а на термометрах было 17 градусов тепла. Короче, прекрасная возможность для игроков показать все, на что они способны, а для зрителей – насладиться отменной игрой. Но по-настоящему интересного матча в тот день все-таки не получилось. Обе команды явно осторожничали, понимая, что любая ошибка может стоить им дорого – достаточно пропустить всего лишь один гол и судьба золотых медалей может быть решена. Поэтому команды сгоняли 90 минут основного времени вничью 0:0, а потом так же без толку пробегали и дополнительное время.

– Ну, и что это было? – закуривая сигарету и поднимаясь со своего места, разочарованно произнес Тимур.

– Как что – продление удовольствия, – откликнулся на этот вопрос Левон. – Завтрашняя битва будет не чета нынешней.

– Твоими бы устами..., – усмехнулся Тимур.

Спустя несколько минут они снова сидели на заднем сиденье черной «Волги» и Тимур приказал своему нукеру:

– Вези в «Голубые купола».

– Что за место? – спросил Левон, никогда не слышавший этого названия.

– Ты в Ташкенте в последний раз в прошлом году был, поэтому и не знаешь. Новый ресторан у нас открыли на проспекте Ленина – настоящая сказка. В меню плов, лагман, манты, шашлык – пальчики оближешь.

Когда они подъехали к заведению, Левон понял, почему ресторан удостоен такого названия – в свете фонарей на его крыше были отчетливо видны несколько куполов голубого цвета. У входа бил небольшой фонтанчик, придавая заведению дополнительную восточную экзотику. В дополнении ко всему в заведении звучал модный шлягер «Рыжая», исполняемый с южным колоритом, особенно в припеве.

Друзья прошли внутрь, где их встретил услужливый администратор, хорошо знавший Тимура. Он проводил их за дальний столик в углу. При этом зал был заполнен до отказа и многие люди, при виде Тимура, здоровались с ним, прикладывая правую руку к своей груди. Впрочем, Левон и до этого знал, что его спутник пользуется большим авторитетом в определенных кругах Ташкента, иначе он бы вряд ли стал одним из организаторов подпольного тотализатора – случайные люди к такому делу не допускаются.

Не успели они занять место за столиком, как официант уже принес им первые блюда – салаты и графин с водкой. Поэтому Тимур тут же разлил спиртное по рюмкам и они, пусть запоздало, но выпили за встречу, которая состоялась несколько часов назад. Затем, под салатик, они начали вести деловую беседу. Открыл ее гость, который, собственно, и прилетел в Ташкент ради этого делового разговора:

– Мы предлагаем вам совместное дело – объединить свои усилия, чтобы выручать друг друга нужными результатами. Мы будем по возможности помогать вашему «Пахтакору» в Москве, а вы нашим московским командам здесь, в Ташкенте.

– Ты что смеешься, Баста, такое нам предлагать? – удивился Тимур. – У нас в высшей лиге одна команда играет, а у вас их целых пять. Неравноценный дележ будет.

– Я же говорю о помощи не всем нашим командам, а тем, которые нужно будет особенно продвинуться или, наоборот, не вылететь в первую лигу. На матчи с их участием и ставки будут соответствующие – самые высокие. Тем более учти, что вашему «Пахтакору» гораздо чаще очки будут нужны, чем москвичам. Все-таки уровни разные.

– Ты нам это первым предлагаешь? – после короткой паузы, во время которой официант принес к ним на стол дымящийся плов и такой же шашлык, спросил Тимур.

– Нет, я уже слетал в Киев и Алма-Ату – везде согласны.

– Неужели сразу согласились?

– Нет, для приличия поломались, как ты теперь это делаешь, – улыбнулся Левон. – Дурень, это же увеличение прибыли. Расширение нашего бизнеса. Представляешь, сколько башлей можно заработать, играя результатами матчей в масштабах всей страны? И деньги будут доставаться не всем, а только тем, кто в этой операции участвует – в том числе и нам с тобой. Тебе что, лишние деньги помешают?

Вместо ответа Тимур широко улыбнулся и вновь взялся за графин, чтобы разлить по рюмкам очередную порцию водки. Эта улыбка ясно указывала на то, что идея Левона его собеседнику понравилась и, значит, он будет лоббировать ее в кругу своих коллег по местному тотализатору.

Когда они уже достаточно выпили и съели весь плов и несколько шампуров с шашлыком, Тимур, закулив сигарету и откинувшись на спинку стула, спросил:

– Может, поднимем ставку нашего пари на завтрашнюю игру?

– Тебе одного «косаря» мало? – удивился Левон.

– Мне настоящего азарта не хватает.

– И сколько ты хочешь?

– Давай поднимем до пяти «косарей».

– А хочешь взять сразу пятьдесят, а то и все сто?

Не ожидавший такого поворота, Тимур от неожиданности поперхнулся сигаретным дымом. Левон протянул ему стакан с соком.

– Ты предлагаешь поднять ставку до сотни «косых»? – спросил Тимур, после того, как сделал несколько глотков из стакана.

– Нет, я хочу предложить тебе другое, – ответил Левон и, положив локти на стол, слегка подался вперед: – Измени завтра ставку и поставь на победу ЦСКА.

– Зачем?

– Прежде чем отвечу я, ответь мне ты: много у вас ставок сделано на победу динамовцев?

– Процентов семьдесят точно.

– Максимальная ставка?

– Два «косаря».

– А теперь представь себе, сколько выиграют те, кто поставил на победу армейцев.

– Но они не выиграют – это было видно даже сегодня. Завтра динамовцы их дождут, вот увидишь.

– А если я сделаю так, что они не захотят дожаться?

Услышав это, Тимур с интересом уставился на собеседника. По его взгляду было видно, что он никак не может определить, шутит его приятель или говорит серьезно.

– Ты можешь договориться с динамовцами? – задал наконец Тимур вопрос, который вертелся у него на языке.

– Могу, но мне надо знать, где они сейчас свои косточки греют.

– В доме отдыха МВД.

– Туда попасть можно?

– Вот этим людям, – и Тимур сделал жест в сторону посетителей ресторана – нельзя, а мне можно. У меня дядя, как ты знаешь, в МВД работает – в канцелярии самого министра Яхьяева Хайдара Халиковича.

– Тогда сделай так, чтобы я завтра с утра попал в этот пансионат как сотрудник министерства твоего дяди, а все остальное я сделаю сам.

– Ты это серьезно?

– Более чем, поскольку такими деньгами, которые могут быть на кону в этой игре, люди, вроде меня, не разбрасываются. Поэтому, если ты согласен, мы сейчас с тобой заключим сделку. Суть ее проста. Если завтра победит ЦСКА, ты отдаешь мне пятьдесят «кусков». Все остальное – твое.

– Всего пятьдесят «кусков»? – удивился Тимур.

– Всего лишь – я не жадный.

– Тогда в чем твой интерес?

– Помочь тебе, дружище, сорвать хороший куш. Придет время, ты мне отплатишь тем же. Или я в тебе ошибаюсь?

Вместо ответа Тимур от души рассмеялся и, хлопнув приятеля по плечу, вновь взялся за графин с водкой, чтобы обмыть новую сделку.

Ретроспекция. 6 декабря 1970 года, воскресенье, Ташкент, стадион «Пахтакор», матч ЦСКА – «Динамо» (Москва)

Второй матч был назначен на 13.00. Погода в этот день выдалась еще более футбольная, чем вчера – термометр показывал почти 30 градусов тепла. Это был аномально теплый декабрь для Узбекистана, как будто кто-то сверху специально сотворил это чудо для того, чтобы люди не сидели дома, а могли сполна насладиться великолепным футбольным зрелищем, придя на стадион.

Тренеры обеих команд не стали мудрствовать лукаво и оставили практически те же составы, что играли накануне. Особенно это касалось тренера ЦСКА Валентина Никола-

ева, который выпустил на поле тех же игроков, что начинали игру вчера: Пшеничникова (вратарь), Истомина, Шестернева (капитан), Афонина, Капличного, Уткина, Долгова, Копейкина, Федотова, Поликарпова и Дударенко. Что касается наставника бело-голубых Константина Бескова, то он кое-какие изменения произвел. Так, он не поставил на игру двух заболевших игроков, начинавших вчерашний матч – защитника Штапова и полузащитника Семина. Вместо первого он выпустил Уткина, а место второго занял Антонович. Все остальные игроки были теми же, что и вчера: Пильгуй (вратарь), Жуков, Смирнов, Зыков, Маслов, Аничкин (капитан), Эштреков, Авруцкий, Еврюжихин.

В отличие от вчерашнего матча этот сложился на редкость результативно, поскольку теперь осторожничать было уже не к месту. И обстрелы обоих ворот начались практически с первых же минут игры – атаковала то одна, то другая команда. Пока, наконец, первыми не отличились армейцы. На n-й минуте они организовали очередной мощный натиск на ворота Пильгуя, и Юрий Истомин стремительно прошел по правому флангу, ворвался в площадь ворот динамовцев и мощно пробил. Пильгуй не смог поймать мяч, поэтому отбил его кулаками, но прямо под удар армейца Дударенко. Тот пробил в угол ворот и мяч влетел в сетку.

Сидевший в гостевой ложе Тимур, вскочил со своего места и, воздев руки вверх, завопил что есть мочи: «Го-о-л!» После чего стал радостно трясти за плечи, безмятежно сидевшего на своем месте Левона.

– Что ты радуешься, как ребенок? – невозмутимо спросил Баста, когда его приятель вновь уселся на скамейку.

– А почему мне не радоваться, если на кону стоят такие деньги, которые сами идут ко мне в руки? – искренне удивился Тимур.

– Своими воплями ты можешь их спугнуть, – предупредил его приятель.

– Не шути так, Баста, не надо, – сразу посерьезнел Тимур. – Я сделал все, как ты мне сказал – поменял ставку. И обратного хода уже нет. Если мы проиграем, ты ответишь по полной программе.

– Ты мне угрожаешь? – скосил взгляд на приятеля Левон.

Тимур не стал ничего отвечать и снова уставился на поле, где армейцы организовали очередную атаку. Но она быстро захлебнулась и теперь уже динамовцы оказались на половине ЦСКА. Мяч оказался у Аничкина, он прицельным ударом навесил мяч в штрафную армейцев, где этого паса уже ожидал Еврюжихин. Последовал сильный удар, но вратарь Пшеничников оказался на месте – в длинном прыжке он закрыл угол ворот и успел поймать мяч в руки.

– Молодец, Пшено! – сорвался с уст Тимура восхищенный возглас.

А ведь еще вчера он ставил на динамовцев и, если бы не Левон, то точно такие же восхищенные реплики отпускал бы теперь по адресу Пильгуя. Однако деньги, причем большие деньги, заставили его, болельщика ташкентского «Пахтакора» с молодых ногтей, на эти полтора часа превратиться в яростного болельщика московского ЦСКА. Но он даже не догадывался, что впереди его ждало серьезное испытание.

На 22-й минуте динамовцы всей командой пошли на штурм ворот армейцев. К этой атаке подключился молодой защитник Евгений Жуков, завладевший мячом.

– Жэка, мне! – закричал ему Владимир Эштреков, отрываясь от защитника соперников и смещаясь в свободную зону.

Однако Жуков увидел, что на это движение среагировал и вратарь армейцев, сместившийся влево. Этот маневр и решил исход дела. Вместо того, чтобы отдать голевой пас, Жуков решил пробить сам, несмотря на то, что расстояние до ворот было большим – более двадцати метров. Но весь расчет молодого защитника строился на неожиданности. И это сработало. Посланный, как из пушки, мяч стремительно преодолел расстояние от игрока до ворот и влетел в неприкрытый правый верхний угол ворот. Счет стал ничейным – 1:1.

– Я же говорил тебе, не голоси раньше времени, – зыркнул глазами в сторону погрузившего Тимура его приятель.

Между тем эта грусть усилилась спустя две минуты, когда новая атака динамовцев, будто девятый вал накатила на ворота ЦСКА. Сразу четверо игроков «Динамо» ворвались во вратарскую зону армейцев и, разыграв классическую «стеночку», запутали защитников ЦСКА. Замкнул эту атаку Еврюжихин, который точным ударом послал мяч в нижний угол ворот соперника. Так «Динамо» вырвалось вперед.

После этого гола Тимур извлек на свет пачку «Мальборо». Но ему никак не удавалось закурить – в дорогой импортной зажигалке, видимо, кончился бензин, и она щелкала, но не зажигалась. Тогда Левон извлек из кармана свою зажигалку в виде миниатюрного пистолета и помог приятелю разрешить его проблему.

– Я смотрю, ты спокоен, как удав, – выпустив дым, произнес Тимур.

– А чего волноваться раньше времени? – пожал плечами его приятель.

– А когда, по-твоему, будет надо?

– Не волнуйся, я тебе скажу, – ответил Левон и спрятал зажигалку в карман пиджака.

В этот самый момент в очередной атаке были динамовцы, которые, поймав кураж после забитого гола, решили дожать соперника. В атаке снова было трио Аничкин – Маслов – Еврюжихин. Последний сильным ударом навесил в штрафную мяч, к которому бросились сразу два защитника ЦСКА и динамовец Валерий Маслов. Все решила какая-то доля секунды. Динамовец оказался расторопнее и в суতোлке сумел ударить по мячу. Тот угодил в ногу одному из защитников, произошел рикошет, который не позволил Пшеничникову выбрать правильную позицию в воротах. И мяч беспрепятственно влетел в сетку. 3:1 – это было уже похоже на разгром.

Когда динамовцы бросились обнимать своего нападающего, забившего гол, Тимур с ужасом взирал на происходящее. Сигарета вывалилась у него изо рта и упала под скамейку, а сам он сидел ни жив, ни мертв и не верил своим глазам. А его приятель безмятежно взирал на то, как счастливые динамовцы не спеша семенили к центру поля, теребя по волосам героя этого эпизода – Маслова.

– Что происходит, Баста? – выдавил, наконец, из себя недоуменный вопрос Тимур.

– Как что – мы проигрываем, – спокойно ответил Левон.

– Я это и сам вижу, но как это понимать? Ты меня специально подставил?

– Зачем, если я тоже «горю» синим пламенем?

– Но ты же сказал, что обо всем договорился?

– Я и сейчас не отказываюсь от своих слов.

– О чем ты, Баста, посмотри на табло?

– А что там такого – играют всего лишь полчаса.

– Ты на счет посмотри!

– Знаешь, как в футболе говорят: мяч круглый. Так что не скули раньше времени, а лучше закури по-новой и успокойся, – и Левон снова извлек на свет зажигалку.

До конца первого тайма счет так и не изменился, что не придало оптимизма Тимур. Он даже не захотел выйти в подтрибунное помещение, чтобы размять ноги. Вместо этого он теребил приятеля за рукав куртки и спрашивал:

– Ну, скажи, что еще не все потеряно, что ты специально это так задумал, чтобы пощекотать мне нервы.

– Конечно, специально, – соглашался Левон, хотя в его голосе не было слышно большой уверенности.

Он и сам пребывал в растерянности от происходящего, но старался не демонстрировать это внешне. Однако в голове у него монотонно пульсировала одна и та же мысль: «Неужели я ошибся?»

* * *

В раздевалке динамовцев царил оживление. Игроки громко обсуждали перипетии первого тайма, смеялись и шутили. В это время в раздевалку вошел Бесков.

– Молодцы, ребята, – ни на йоту не ушли от моей пред матчевой установки. Если дальше будете так держать, считайте, что мы чемпионы. Кто-нибудь устал?

Вопрос был задан не случайно – тренер хотел понять, кого следует заменить в перерыве. Правда, выбор у него был небогат. Если вчера у него на замену было сразу трое игроков – Штапов, Семин и Козлов, то сегодня здоровым был только последний. И его он собирался выпустить в концовке игры.

В это время к Бескову подошли сразу трое игроков – Аничкин, Еврюжихин и Маслов.

– Константин Иванович, мы предлагаем не производить замены, – обратился к тренеру капитан команды, Аничкин.

– Почему так решили? – удивился Бесков.

В его тренерской практике это был первый случай, чтобы игроки подошли к нему с такой просьбой. Ведь в игре всякое может случиться: кто-то из футболистов мог устать, кого-то могли травмировать.

– Команде вполне по силам сыграть в прежнем составе и дальше, – продолжил свою мысль Аничкин.

– Но армейцы во втором тайме наверняка захотят увеличить темп, – предположил Бесков.

– Вот и хорошо – уйдем в глухую оборону и будем ловить их на контратаках, – вступил в разговор Маслов, после чего добавил: – И разрешите мне лично сыграть против Володи Федотова.

– Но против него играет Жуков, – напомнил тренер расстановку игроков на поле. – Причем, хорошо играет.

– У меня не хуже получится. Женька парень молодой, горячий, и во втором тайме может не справиться с более опытным Федотовым. А я все же не первый год замужем.

Бесков на несколько секунд ушел в себя, обдумывая это предложение. Ему не хотелось обижать недоверием молодого, но амбициозного Жукова, который сегодня старался изо всех сил и производил прекрасное впечатление. Однако и отказать опытному Маслову тренер тоже большого желания не испытывал – именно на таких игроках держалась команда. В итоге тренер вынес свой вердикт:

– Хорошо, пусть будет по-твоему.

Затем он обратил свой взор на Еврюжихина, все это время молчавшего.

– Геннадий, у меня к тебе просьба. Если наша атака будет срываться, непременно возвращайся на свой фланг и там постарайся помешать атакующим действиям Истомина. Его надо нейтрализовать, а сделать это сподручнее именно тебе. Договорились?

– Не беспокойтесь, Константин Иванович, все сделаю, как надо, – ответил футболист.

Правда, сказал он это без особого энтузиазма и как-то натужно. Но Бесков отнес это за счет усталости, которая могла еще присутствовать у игрока.

Перед тем, как выпустить команду на поле, Бесков обратился к игрокам с последним напутственным словом:

– Ребята, надо развивать успех. Прекрасно понимаю, что вы устали, все-таки второй день сражаемся. Но ведь и армейцы тоже не двузильные. Если забьем еще один гол, то можно считать, что победа у нас в кармане. Все дело в психологии – кто первым сейчас забьет, тот будет иметь преимущество. Поэтому прошу вас, не думайте только об обороне, иначе наверняка пропустите.

Едва прозвучал свисток главного арбитра матча Тофика Бахрамова из Баку, возвестившем о начале второго тайма, как армейцы почти всей командой ринулись на штурм ворот «Динамо». Было видно, что в перерыве их тренер сделал им хорошую «накачку» и теперь они буквально лезли из кожи, чтобы оправдать его доверие. Впрочем, старались они не только ради него, но и ради... министра обороны Андрея Гречко. Перед выходом на поле им сообщили, что министр летит из Швеции на родину, в самолете слушает репортаж об этой игре и крайне недоволен таким развитием событий. И футболисты были прекрасно осведомлены о том, чем именно может обернуться это недовольство, когда Гречко приземлится во Внуково. Поэтому сражаться игрокам ЦСКА было за что.

У армейцев, как и в первом тайме, особым усердием отличались два игрока – Владимир Федотов и Юрий Истомин. Только если в первой половине игры за первым приглядывал Юрий Жуков, а второго опекал Геннадий Еврюжихин, то теперь ситуация изменилась. Бесков перевел Жукова ближе к воротам, а к Федотову приставил Маслова, по его же просьбе. Однако вместо того, чтобы «висеть» у армейца на плечах, Маслов стал отпускать его далеко от себя, позволяя ему совершить стремительные проходы во вратарскую площадку динамовцев. То же самое и Еврюжихин – он как-то странно опекал своего визави Истомина, разрешая ему разрезать правый фланг «Динамо» и делать опаснейшие передачи все тому же Федотову.

Когда несколько таких проходов армейца и его опасных пасов едва не стоили динамовцам пропущенного гола, нервы Бескова не выдержали. Он вскочил со скамейки и, подбежав к кромке поля, закричал Еврюжихину:

– Почему фланг не держишь, е... твою мать!

Затем, уже обращаясь к Маслову:

– Масло, не давай Федоту простора – в затылок ему дыши!

Однако эти призывы не имели положительного эффекта. Истомин, как бегал по правому флангу, будто у себя дома, так и продолжал бегать, а Федотов, как получал от него пасы, так и продолжал это делать.

– Что происходит? – удивлялся Бесков, обращаясь к своим коллегам, сидевшим вместе с ним на скамейке запасных.

– Вы же сами разрешили ребятам играть без замен, – напомнил тренеру его же собственные слова в раздевалке Лев Яшин.

– Но я же не думал, что они доведут дело до такой игры! – всплеснул руками Бесков.

После чего он подозвал к себе второго тренера Юрия Кузнецова и спросил:

– Юра, надо Масло заменить – есть кем?

– Боюсь, что нет, Константин Иванович – все в разобранном состоянии.

– Даже Семин? – удивился Бесков.

– Даже он, – подтвердил Кузнецов. – Может, молодежь выпустим: Гаврилова, Кожемякина?

– Рано им еще в таких матчах играть – не выдержат.

– А эти, что на поле, чем лучше – до гола в наши ворота добегаются, – резонно заметил Кузнецов.

И как будто в воду глядел. На табло шла 71-я минута матча, когда Истомин в очередной раз под возмущенные выкрики Бескова прорвался по правому флангу к вратарской динамовцев и, обыграв защитника, точно выложил мяч на ногу Федотову. И тот, без всякой обработки, зарядил мячом по воротам. Удар был настолько сильным и неожиданным, что Пильгуй не успел вовремя среагировать и мяч, пролетев у него над головой, влетел под самую планку ворот. Счет стал 3:2.

Этот год вдохновил армейцев – они стали бегать по полю так, будто у них за спиной выросли крылья. А динамовцы сникли, отошли к своим воротам и теперь всей командой пытались защитить их, даже не помышляя об атаке.

– Куда вы жметесь? – кричал своим подопечным с бровки Бесков. – Атакуйте их, не давайте им простора. Масло, сукин сын, держи Федота!

Однако Маслов явно не успевал за своим подопечным, из-за чего у него никак не получалось перекрыть ему возможность для получения мяча.

– Масло, поменяйся с Жуковым! – приказал Бесков игроку, но тот проигнорировал это требование, продолжая оставаться на прежней позиции.

На 75-й минуте Федотов снова получил мяч и ворвался в штрафную площадь динамовцев. Он начал финтить, пытаясь обмануть защитников, и это у него получилось. Проскочив между двумя игроками «Динамо», армеец собирался выйти на голевой простор, чтобы нанести точный и прицельный удар. Однако ему не дали этого сделать. Один из защитников выставил вперед ногу и Федотов, споткнувшись об нее, упал на землю. Судья Бахрамов тут же указал рукой на одиннадцатиметровую отметку.

– Ура, будет пенальти! – что есть мочи закричал Тимур, которые последние двадцать минут пребывал в крайне возбужденном состоянии.

В отличие от него Левон был само спокойствие, хотя внутри у него все клокотало не меньше, чем у его приятеля. Просто он всегда умел управлять своими эмоциями.

Между тем на поле армейцы долго совещались, кому бить этот штрафной удар. Делать этого никто не хотел, понимая, какая ответственность ложится на такого человека. Главными забивалами в команде были Владимир Федотов, Владимир Поликарпов и Борис Копейкин, но каждый из них переадресовывал эту обязанность пробить пенальти другому. Пока, наконец, несколько игроков, чуть ли не насильно, не заставили Поликарпова выйти вперед. Он подошел к мячу и долго устанавливал его на одиннадцатиметровой отметке. Потом так же долго отходил от мяча на расстояние разбега. Стадион в эти мгновения затаил дыхание. Тишина была такой, что, пролети где-то муха – было бы слышно.

Наконец, Поликарпов разбежался и ударил. Вратарь бросился в левый угол ворот, а мяч полетел в правый. И счет стал ничейным – 3:3.

Когда стадион зашелся от восторга после забитого гола, Бесков взялся за голову. Он был достаточно искушенным в футболе человеком, но подобное состояние его охватывало редко. Это было состояние отчаяния, когда ты видишь надвигающуюся беду, но ничего не можешь с ней поделать.

«Почему они перестали бегать? – задавал себе один и тот же вопрос Бесков. – Ведь они сами подошли ко мне в раздевалке и попросили не делать замен, обещая сыграть сами. В чем здесь дело?»

Этот вопрос снова возник в голове у тренера, когда Юрий Истомин в очередной раз пробежал мимо него по правому флангу, а Еврюжихин даже не бросился ему наперерез. Точно так же вел себя в центре поля и Маслов, который трусцой семенил за спиной Федотова и не делал никаких попыток перекрыть ему возможность для получения мяча. В итоге Истомин выложил точный пас Федотову и тот на скорости послал мяч в нижний угол ворот динамовцев. Пильгуй в прыжке пытался достать этот мяч, и его рука в перчатке должна была это сделать. Но тут мяч соприкоснулся с какой-то кочкой на травяном газоне, подпрыгнул и... перемахнув через руку вратаря, влетел в сетку ворот. Часы на табло зафиксировали точное время этого гола – 84-я минута. До конца игры оставалось всего лишь шесть минут. Катастрофически малое время для того, чтобы отыгаться. Тем более для команды, которая имела фору в два мяча, но в итоге пропустила три мяча подряд.

После забитого гола ЦСКА всей командой отошел назад и не оставил динамовцам ни малейшего шанса для того, чтобы сравнять счет. По сути эти несколько минут до финального свистка команды попросту доигрывали матч.

Эти последние минуты Тимур пребывал в настоящей эйфории. Он пыхтел сигаретой, как паровоз, и то и дело обнимал свободной рукой Левона, шепча ему в ухо:

– Какая же ты сволочь! Ты специально тянул из меня жилы, хотя заранее знал о нашей победе. Но как ты сумел такое провернуть? Это же нереально.

Левон и сам не мог взять в толк, каким образом на поле смогла выстроиться такая интрига. Хотя, наблюдая за действиями отдельных динамовских игроков во втором тайме, он догадывался, что происходит некое действие, которое должно перевернуть течение игры с ног на голову. Но даже когда этот переворот случился, он все равно не мог до конца поверить, что это все-таки произошло.

В динамовской раздевалке теперь царило уныние. Всего лишь меньше часа назад здесь слышались смех и шутки, а теперь стояла тишина, как на похоронах. Бесков вошел в раздевалку последним, вернее, не вошел, а вбежал. Он знал, где сидит Маслов и направил свои стопы именно в тот угол.

– Вы игру сознательно сдали! – громко, чтобы слышали все, сказал тренер в лицо футболисту, который вытирал полотенцем пот с лица.

– Вы что несете? – возмутился футболист.

– Что слышал – продали игру, сволочи!

В следующую секунду футболист отбросил в сторону мокрое полотенце и бросился с кулаками на тренера. Но стоявший рядом с ними второй тренер успел вовремя среагировать на этот порыв и, обхватив Маслова руками, буквально оттащил его в сторону.

– Вы с ума сошли, вам к врачу надо! – бушевал игрок, путаясь вырваться из крепких рук наставника.

– Если мне надо к врачам, то таких, как ты, надо упечь за Можай! – чеканя каждое слово, произнес Бесков, после чего развернулся и покинул раздевалку.

Когда дверь за ним закрылась, второй тренер отпустил, наконец, Маслова из своих объятий. А затем к футболисту подошел начальник команды Сергей Ильин и сказал:

– Не бери в голову, Валера. Пойдем лучше, я налью тебе стакан водки – успокоишься.

– С одного стакана вряд ли, – покачал головой спортсмен.

– Значит, налью два, – улыбнулся Ильин и, обняв футболиста за плечи, повел его в смежную с раздевалкой комнату.

Ретроспекция. 27 января 1971 года, среда, Москва, Старая площадь, ЦК КПСС

Несмотря на свои подозрения относительно того, что ряд игроков его команды могли «сдать» финальный матч с ЦСКА, Бесков не подал заявление об отставке. Он просто не смог бросить команду из-за нескольких нечистых, как он считал, на руку людей. Ведь конкретных доказательств этой нечистоплотности у тренера все-таки не было.

Спустя месяц после того драматичного финала, когда его перипетии уже начали забываться и Бесков догуливал последние отпускные дни перед открытием нового сезона, его внезапно вызвали на Старую площадь, причем не к кому-нибудь, а к члену Политбюро Дмитрию Полянскому. Отправляясь на эту встречу, тренер никак не мог взять в толк, зачем он понадобился этому человеку, с которым был лишь шапочно знаком – они однажды виделись на одном из торжественных мероприятий в Кремле.

Когда Бесков вошел в кабинет Полянского, расположенный на третьем этаже знаменитого здания ЦК, член Политбюро встретил его весьма радушно. Встал из-за стола, долго пожимал ему руку, а затем проводил до стула с широкой спинкой, куда Бесков и уселся. Затем Полянский вызвал секретаршу и попросил принести им чая с неизменными сушками.

– Как отдохнули, Константин Иванович? – поинтересовался хозяин кабинета, когда гость удобно расположился напротив него.

– Спасибо, прекрасно, – ответил Бесков, не став вдаваться в детали своего отдыха.

Хотя рассказать было что. Они с женой ездили в Гагры, где провели восхитительные три недели в кругу своих друзей. Кстати, именно они и рассказали Бесковым, что всего лишь несколько месяцев назад Полянский выдал свою дочь Ольгу не за какого-нибудь партийного сына, а за молодого актера Театра на Таганке Ивана Дыховичного. Это было весьма неординарным поступком, учитывая, какая слава тянулась за Таганкой – этот театр считался идеологически неблагонадежным.

– Какие планы на новый сезон? – продолжал задавать свои вопросы Полянский, размешивая ложкой сахар в чашке с чаем.

– Через две недели собираемся отправиться в турне по Австралии – будем играть с командами нескольких тамошних штатов.

– Всех игроков берете? – поинтересовался Полянский.

– В каком смысле? – удивленно вскинул брови тренер.

– Я имею в виду игроков, которых вы подозревали в сговоре?

– А почему я должен их оставить?

– В свете того, что произошло в прошлом декабре в Ташкенте, это было бы самым разумным.

– Ах, вот вы о чем, – Бесков только теперь понял, куда клонит его собеседник и зачем его сюда пригласили. – Я попытался выбросить эту историю из головы.

– Разве такое можно выбросить? – теперь уже настала очередь удивляться Полянскому. – Такие вещи не забываются и не прощаются.

– О чем вы, Дмитрий Степанович? Ведь мои подозрения в отношении этих людей основываются исключительно на моих субъективных оценках. То есть, веских поводов обвинять их у меня нет. Поэтому эти люди остались в команде, и мы будем дальше с ними работать. Правда, уже без особого дружеского расположения с моей стороны.

– И все же, как вы думаете, был сговор на том матче или нет? – после короткой паузы, задал новый вопрос Полянский.

– Мне кажется, был, но что это меняет – матч уже проигран, медали розданы. Или вы собираетесь все аннулировать?

– Нет, отменять мы ничего не будем, но определенные выводы сделать собираемся.

– Что за выводы?

Прежде чем ответить, Полянский достал из папки, лежавший у него на столе, какой-то документ и протянул собеседнику. Тот взял его в руки и прочитал «шапку»: «Кодекс спортивной чести советского футболиста».

– Что это? – Бесков вновь поднял глаза на Полянского.

– Там же написано: кодекс чести. Нам кажется, этот документ может внести определенные коррективы в поведение наших футболистов как на поле, так и за его пределами.

– Вы это серьезно? – по-прежнему не сводя своего пристального взгляда с собеседника, продолжал удивляться Бесков.

– А что вам не нравится, Константин Иванович?

– Мне не нравится, что наше спортивное руководство занимается отписками. Вместо того, чтобы проводить радикальные реформы в нашем футбольном хозяйстве, они пишут вот такие, извините меня за резкость, филькины грамоты.

Сказав это, Бесков положил документ на стол.

– Вы не хотите его прочитать?

– Не вижу смысла. Тем более, что я прекрасно знаю, что именно там написано. Еще раз хочу повторить, Дмитрий Степанович: наш футбол серьезно болен, но лечить его с помощью таких вот бумажек – это верх глупости.

– А какими мерами предлагаете лечить его вы?

– Радикальными.

– А если поконкретнее?

Бесков ответил не сразу. Прежде он вновь встретился взглядом с собеседником и, увидев в нем искреннюю заинтересованность, продолжил:

– Во-первых, надо обновить наше руководство. Я имею в виду и Федерацию футбола, и управление футбола Спорткомитета. Во-вторых, не мешало бы разграничить их полномочия, которые на сегодня у Федерации чисто представительские.

– А если мы вообще упраздним Федерацию? – прервал ход рассуждений тренера член Политбюро.

– Я бы этого делать не стал, – возразил Бесков. – В Федерации работают профессионалы от футбола, а в Спорткомитете – функционеры, администраторы. Кстати, эту филькину грамоту могли придумать только они.

– Хорошо, что вы о ней вспомнили, – вновь оживился Полянский. – Значит, кодекс чести нашим футболистам, по-вашему, не нужен?

– Честь, если она утеряна, возвращают иными способами. А над этой бумагой все только смеяться будут. Вопрос надо ставить радикально – гнать из футбола игроков без чести и совести поганой метлой. Тогда другим неповадно будет.

– Но вы же своих игроков из команды не погнали?

– Потому что мне запретили это делать. К тому же я вам говорил, что нет у меня весомых доказательств сговора. Вот если бы они были, тогда другое дело. И в этом вопросе наш ЦК очень здорово мог бы нам помочь.

– Каким образом?

– Создайте специальный орган, который будет выявлять факты сговора на футбольных матчах. Ведь ни для кого не секрет, что такие сговоры существуют и с каждым годом их становится все больше и больше. История в Ташкенте, если все было именно так, как я предполагаю, наглядно демонстрирует нам, до чего уже дошел прогресс в этом деле – до участия в футбольных делах уголовного криминалитета. Они же с потрохами скупают матчи, делая на них баснословные ставки.

– У вас есть факты?

– У меня есть догадки, а факты должны добывать вы, вернее, тот орган, о создании которого я здесь сейчас вам говорю. Объедините свои усилия с МВД и КГБ и начните наводить порядок. Иначе эта зараза будет и дальше разрастаться.

По тому, как реагировал на этот страстный монолог Полянский, было невозможно определить, достиг он цели или нет. А реакция была более чем невозмутимая. Член Политбюро вернул «Кодекс чести» обратно в папку, после чего допил свой, уже давно остывший чай. В отличие от него, Бесков к своей чашке так ни разу и не притронулся.

– Судя по вашим словам, Константин Иванович, вы по-настоящему болеете за дело, – первым нарушил тишину в кабинете Полянский. – Вот бы вас назначить председателем Федерации или управления футбола. Но, боюсь, ваша кандидатура не наберет нужного количества голосов. А мы все-таки привыкли использовать демократические формы выборов. Но мы обсудим ваше предложение и обязательно вас об этом оповестим. А пока – удачной вам поездки в Австралию, – и Полянский первым поднялся со своего места, чтобы проводить гостя до порога.

Ретроспекция. 28 января 1971 года, четверг, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Когда запись на магнитофоне закончилась, Андропов поднял глаза на своего собеседника – начальника спортивной линии 5-го управления КГБ СССР Марата Изюмова. Эту запись разговора между членом Политбюро Полянским и тренером Бесковым он получил

вчера вечером и уже сегодня утром принес ее председателю КГБ для ознакомления. Разговор был весьма интересный, особенно в части касаемой тайных сговоров, существующих вокруг футбольных матчей. Слова Бескова о том, что в этом деле мог быть замешан уголовный криминалитет, подтверждались и данными, которые приходили на Лубянку от других источников.

– А что, тот матч в Ташкенте, на самом деле мог быть продан? – спросил Андропов, когда его собеседник нажал на кнопку «стоп» на магнитофоне.

– Трудно сказать, но один факт настораживает. В эти же дни в Ташкенте находился карточный игрок Левон Абемян по прозвищу Баста. Наши ташкентские коллеги зафиксировали его контакты с местным уголовным авторитетом Тимуром Кадыровым – тоже большим любителем не только карточной игры, но и футбола. Но о чем именно они договаривались, пока неизвестно.

– Значит, плохо работают наши узбекские коллеги, – покачал головой Андропов. – Что-то не узнаю я Алексея Дмитриевича.

Речь шла о председателе КГБ Узбекской ССР Алексее Бесчастнове, который до своего назначения в Ташкент в течение двух лет занимал должность начальника 7-го управления КГБ СССР, которое отвечало за наружное наблюдение. Впрочем, он работал в новой должности всего лишь чуть больше года, поэтому мог еще и не освоиться до конца.

– Что скажете по поводу слов Бескова о создании специального органа для выявления договорных матчей? – задал очередной вопрос Андропов.

– Предложение в пустоту – никто это не поддержит, – закрывая магнитофон крышкой, ответил Изюмов. – Вы же знаете, во что превратили у нас футбол.

Естественно, Андропов это знал. Практически во всех республиках за деятельностью футбольных команд стояли местные руководители, которые превратили клубы в свои игрушки. Причем началось это еще в 30-е годы, но тогда этот процесс не охватывал всю страну, замыкаясь исключительно на центральных регионах. Однако с начала 60-х годов, когда чемпионат СССР по футболу был значительно расширен, ситуация с подчиненностью футбольных клубов партийным функционерам только усугубилась. Руководители регионов стали использовать свои команды в деле продвижения региональных интересов не только в местном, но и во всесоюзном масштабе. И бороться с этим явлением было невозможно, учитывая переплетение различных клановых интересов. Впрочем, КГБ и не собирался бороться с этим, как с явлением политического характера, поскольку был мечом в руках прежде всего партийной номенклатуры. А поскольку последняя была активно вовлечена в футбольные «договорняки», то КГБ не мог этому препятствовать. Однако когда дело касалось проникновения в этот процесс уголовного элемента, то здесь Лубянка обязана была реагировать, причем жестко.

– Как думаете, Марат Игнатьевич, зачем Полянскому вообще понадобился этот разговор? – первым нарушил возникшую паузу в разговоре Андропов.

– Полагаю, что не только для демонстрации «Кодекса чести советского футболиста», – ответил Изюмов. – Готовится серьезная реорганизация футбольного хозяйства.

– И в чем она будет заключаться?

– Ситуация пока еще в подвешенном состоянии – идут консультации. Но кое-что уже известно. Например, Федерацию футбола хотят лишить ее полномочий, сосредоточив все руководство футболом в Спорткомитете. Для этого там готовят смену руководства.

– Хотят убрать Гранаткина? – вскинул брови Андропов.

– Именно – засиделся человек, к тому же сразу на двух стульях. Короче, его оставят главой футбольной Федерации и нашим представителем в ФИФА, а на его место руководителя в отделе футбола хотят посадить Леонарда Земченко.

– Что за субъект?

– Вы будете смеяться, Юрий Владимирович, но он три года возглавлял отдел спорта в Ворошиловоградском обкоме.

– Тогда все ясно, кто его тянет, – и по губам шефа КГБ пробежала всепонимающая ухмылка.

Дмитрий Полянский был уроженцем бывшей Луганской, а ныне Ворошиловградской области. В свете этого Андропову стало окончательно понятно, зачем Полянскому понадобился этот разговор с Бесковым – он хотел заручиться поддержкой наиболее авторитетных футбольных людей, чтобы провести не только реорганизацию футбольных структур, но и смену в нем руководства. Впрочем, вряд ли Бесков одобрил бы кандидатуру Земченко на пост главы отдела футбола. Но Полянскому это было неважно – главным для него было, чтобы именитый тренер в целом поддержал реформы в футбольном хозяйстве. А тот, как выяснилось, был за таковые.

– Чем грозит нам приход Земченко к руководству? – спросил Андропов.

– Усилением украинской группировки.

– Это я и сам понимаю. Меня интересуют детали – у нас что, теперь ворошиловградская «Заря» станет чемпионом?

– Типун вам на язык, Юрий Владимирович, – отмахнулся Изюмов. – Хотя, чем черт не шутит. Она в прошлом году заняла пятое место и при умелой постановке вопроса вполне может произвести сенсацию.

– Ладно, не будем гадать на кофейной гуще. Займемся лучше уголовным элементом, сующим свой нос в футбольное хозяйство. Пора подойти к этим ребятам вплотную.

Изюмову не надо было лишний раз объяснять, что скрывалось за этими словами шефа. Контрразведке КГБ предстояло внедрить в среду футбольных «жуков» своего агента.

3 октября 1973 года, среда, Киев, Федерация футбола Украины

Глава украинского футбола Лев Щепко вошел в здании Федерации, расположенной на территории Центрального стадиона, и поднялся к себе в кабинет на третьем этаже. И тут же вызвал своего заместителя Адама Добрых, который явился без всяких проволочек, благо его кабинет располагался поблизости. Более того, он ждал этого вызова, зная, куда ездил шеф – в ЦК КП Украины, где его принимал заведующий сектором спорта. А после таких поездок глава Федерации всегда вызывал к себе своего зама, чтобы поделиться с ним впечатлениями от поездки. Вот и сегодня, едва зам переступил порог председательского кабинета, как Щепко сообщил:

– Нас с тобой хвалят, но работы еще непочатый край.

– Кто бы сомневался, – ответил зам, усаживаясь на свое привычное место – в кресло, напротив председательского стола.

– Кровь из носа надо вывести наше «Динамо» в чемпионы и помочь ему завоевать союзный Кубок, – продолжал вещать хозяин кабинета. – Следующая игра у наших в Москве против ЦСКА – надо отправить туда гонца. Армейцам очки все равно не нужны, думаю, они упираться не будут.

– Как сказать, мы же в первом туре их по обыграли, – напомнил зам о событиях полугодичной давности.

– Ничего, найдете нужные ключики, если захотите, – отмахнулся от этих слов председатель. – В ЦК мои доводы относительно невозможности задобрить армейцев отметили с порога. А уж про «Карпаты» и говорить нечего.

– Вот с «Карпатами» проблем точно не будет, – уверенно заявил Добрых.

– Ни с кем не должно быть проблем, тебе понятно? – смерив гостя суровым взглядом, произнес Щепко. – «Арарат» не должен стать чемпионом. Хватит с нас прошлогодней сенсации – с «Зарей». Кстати, с кем играют армяне в следующем туре?

– С московскими динамовцами. Но в Ереване.

– Это плохо – дома, как известно, и стены помогают. Впрочем, динамовцам очки дозреть нужны, чтобы занять третье место. Поэтому ребят Качалина армянам умаслить не удастся. Чего не скажешь про армейцев. Тем более, что в ЦСКА почти полкоманды составляют выходцы с Украины.

– Я думаю, что ЦСКА мы и без этого обыграем – команда явно в раздрае.

– Думать за нас в ЦК будут, а мы должны их директивы исполнять. Мне там так и сказали: никакой скидки на авось – строго научный подход. Поэтому не будем уповать на склоки в ЦСКА, а заранее постелем себе соломку. Все понятно?

Вместо ответа зам кивнул головой.

– Теперь конкретно по «Карпатам», – продолжил свою речь председатель. – Они в зоне вылета, а ЦК поставил перед нами задачу: в следующем году в высшей лиге должно играть не пять украинских команд, как сейчас, а шесть. В таком случае наше «Динамо» получит возможность гарантированно иметь куда больше лишних очков в своей копилке. Поэтому спрашиваю: как там дела у «Черноморца» в первой лиге – он путевку завоюет?

– Обижаете, – улыбнулся Добрых. – Они с «Таврией» идут ноздря в ноздю, а московский «Локомотив» отстает на пять очков и вряд ли нас догонит.

– Уверен?

– Абсолютно, – без раздумий ответил зам. – Деньги на это уже выделены, так что можно смело рапортовать, что «Черноморец» будет играть в высшей лиге.

В свое время днепропетровский «Днепр» несколько лет сидел в первой лиге и никак не мог оттуда выбраться. Тренировал команду Валерий Лобановский, который первым из советских тренеров перешел на европейские тренировочные методики. Их он черпал из западных журналов, которые ему поставлял директор стратегического оборонного предприятия «Южмаш» (к нему был прикреплен «Днепр») Александр Макаров. Однако, сделав из команды настоящую машину, Лобановский никак не мог вывести ее в высшую лигу – мешали судьи. Он категорически не хотел им платить «отступные», поэтому в финальной стадии турнира арбитры попросту «сплавляли» днепровцев. В итоге в 1969 году в высшую лигу вышел «Спартак» из Ordжоникидзе, а год спустя – Львовские «Карпаты» с алма-атинским «Кайратом». Пока, наконец, в 1971 году Лобановский не изменил своим принципам. И сразу после этого его команда стала победителем первой лиги.

А вообще стройную систему договорных игр изобрели все на той же Украине – в тамошних высших кабинетах. Почему именно там? Дело в том, что РСФСР и Украина были крупнейшими регионами в стране и костяк руководящей элиты формировался именно в них. Например, бывший генсек (Хрущев) и действующий (Брежнев) были выходцами с Украины, но к вершинам власти вознесшиеся в РСФСР. Но если российские футбольные клубы были разобщены между собой, а некоторые и вовсе друг с другом враждовали (как, например, ЦСКА со «Спартаком»), то украинские были более сплоченными (за исключением киевских динамовцев и дончан из «Шахтера», которые представляли два враждующих клана – киевско-днепропетровский и донецкий). В итоге в начале 1968 года в Киеве состоялось совещание тренеров украинских футбольных клубов, где был заключен договор о взаимопомощи. Согласно этому «секретному пакту», его участникам было предписано безоговорочно при выездах в Киев жертвовать «старшим братьям» по два очка, а у себя дома позволялось (и то только при благоприятных обстоятельствах) изобразить ничью (иногда разрешалось и выиграть). Например, в сезоне-73 киевляне сыграли со своими земляками следующим образом:

с «Шахтером» – 2:0 и 2:1, с «Зарей» – он и 1:0, с «Днепром» – 0:1 и 5:2, с «Карпатами» – 1:0 (вторая игра должна была состояться на финише сезона).

– У одесситов играет главный забивала первой лиги Анатолий Шепель, – продолжил разговор Щепко. – Сколько на его счету на сегодня мячей?

– На рекорд идет – больше тридцати.

– Ну, мы-то с тобой знаем, как эти рекорды штампуются, – усмехнулся Щепко. – Но игрок он и правда хороший – действует по всему фронту атаки, постоянно перемещается в поисках лучшей позиции, даже за безнадежные мячи борется так, что вызывает восхищение у зрителей. И к судьям почти не апеллирует, как некоторые из наших динамовцев (зам сразу догадался, о ком именно идет речь – об Олеге Блохине).

– У него и пас отменный, – поддержал шефа его заместитель. – В последней игре они с Томашевским такой гол сотворили – пальчики оближешь.

– Вот я и говорю – надо Шепеля к нам в Киев перетаскивать.

– Боюсь, сложно будет – тамошнее начальство не захочет отпускать такого игрока: без него «Черноморец» загнаться может.

– Ничего, не загнется – вылететь из высшей лиги мы ему не дадим. Но и усиливать не будем.

– Но Шепель вряд ли впишется в «Динамо» – в Одессе на него вся команда играет.

– Ты что дурной – мы не для этого его в Киев перетаскиваем. Нам главное одесситов ослабить, а в «Динамо» линия атаки и без того сильная. Зато парень в столицу переедет, все мыслимые и немыслимые блага поймееет – квартиру, машину, хорошую зарплату. За это можно и на скамейке запасных сезон посидеть. А дальше видно будет. Короче, возьми этот вопрос на заметку.

– Как скажете, – ответил Добрых и хитро улыбнулся.

После этого они снова вернулись к тому, с чего начался их разговор – к будущему матчу киевлян с ЦСКА. Им надо было обсудить кандидатуру человека, которому предстояло стать их эмиссаром и отправиться завтра в Москву.

3 октября 1973 года, среда, Киев, Владимирская, 15, ГУВД Киева, уголовный розыск

Влас Оленюк вернулся к себе в кабинет, сжимая в руках отчет эксперта-патолого-анатома о причинах смерти Лазаря Луцкого. Заключение полностью подтверждало версию сыщика: покойный не покончил с собой, а был убит. Об этом говорила большая гематома у него на затылке, которая не могла появиться в следствии падения тела с большой высоты – Луцкий упал на землю лицом вниз. Судя по всему, перед тем, как выбросить массажиста из окна, убийца ударил его тяжелым предметом по голове (видимо, это была бутылка «Московской»), после чего влил ему в горло водку и сбросил вниз.

В пользу версии об убийстве говорили и отпечатки пальцев, обнаруженные на ручке оконной раме. Они хоть и принадлежали Луцкому, но были нечеткие, смазанные. Если бы массажист в нормальном состоянии открыл окно сам, перед тем, как выброситься, отпечатки были бы четкие. Но поскольку Луцкий в тот момент был без сознания, то его руку к ручке мог приложить только убийца. Но из-за неудобного положения тела, которое находилось в бессознательном состоянии, четко зафиксировать зажим ручки пальцами у преступника не получилось.

Спустя пять минут после того, как Оленюк вернулся к себе в кабинет, туда пришел эксперт в сопровождении той самой продавщицы, которая продала бутылку «Московской» предполагаемому убийце. Кстати, по словам женщины, предъявленная ей бутылка, найден-

ная на месте преступления, действительно могла быть куплена именно в их магазине – об этом говорила этикетка бутылки, на которой были бурые пятна.

– Это я случайно на ящик с водкой томатный сок пролила, когда товар принимала, – объяснила происхождение пятен продавщица.

Она же в течение полутора часов вместе с экспертом корпела над фотороботом преступника. А когда их мучения наконец закончились, они принесли свое «произведение» Оленюку. Взяв его в руки и внимательно изучив, сыщик поднял глаза на женщину:

– Похож на оригинал, Нонна Сергеевна?

– Как живой, – тут же отреагировала женщина. – Если покажете по телевизору, найдете в два счета.

– Увы, нет у нас такой практики – в «ящике» преступников показывать, – ответил Оленюк.

– Тогда я готова и дальше всемерно помогать нашей доблестной милиции, – сообщила продавщица.

– Вы и так нам здорово помогли, – произнес Оленюк, отпуская эксперта. – В ближайшее время можете заниматься своими непосредственными делами – работать в магазине.

– Да куда она денется от меня эта работа? – отмахнулась от этих слов гостя. – У меня есть отгулы, да и сменщица моя человек с понятием – войдет в мое положение.

– К чему вы клоните, Нонна Сергеевна? – спросил Оленюк, убирая фоторобот в папку.

– К тому, что нам нужно время, для того, чтобы получше узнать друг друга. Вы человек одинокий, да и я разведенка – почему бы нам не сойтись?

– Я вовсе не одинокий – с чего вы взяли? – искренне удивился сыщик.

– Бросьте притворяться – у меня глаз наметанный. Да и эксперт ваш, который фоторобот делал, рассказал мне о вашем семейном положении – холостой вы.

«Вот зараза, этот Алесь, – выругался про себя Оленюк по адресу эксперта. – Язык, как помело». А вслух сказал:

– Эксперт вам не соврал – я действительно холостой. Но у меня есть невеста, которая меня любит, а я, соответственно, люблю ее. Не станете же вы разрушать будущую ячейку общества.

– Еще как буду, я женщина в этом деле активная. Ваша невеста, если она действительно есть, с вами и месяца не проживет, учитывая специфику вашей работы. А я женщина тертая и не такое в жизни видала. Поэтому лучшей кандидатуры, чем я, вам не только в Киеве, во всей Украине не найти.

В это время на столе у сыщика зазвонил телефон. Подняв трубку, Оленюк услышал на другом конце провода голос своего коллеги – Марата Иваненко, который работал в 3-м отделе Киевского угро, занимавшегося разного рода аферистами. Однако Оленюк быстро сориентировался в ситуации и решил использовать коллегу в деле скорейшего выпроваживания из своего кабинета назойливой продавщицы.

– Да, любимая, в чем дело? – произнес Оленюк, понизив голос. – Солнышко, извини, но у меня сейчас посетитель в кабинете, давай я перезвоню тебе через несколько минут.

Сказав это, Оленюк положил трубку на аппарат и вновь посмотрел на продавщицу.

– Вот видите, моя любимая уже беспокоится обо мне, – произнес сыщик.

После чего взял авторучку и быстрым росчерком поставил на временном пропуске, с которым продавщица пришла в угрозыск, время убытия посетительницы и свою размашистую подпись.

– Всего вам хорошего, Нонна Сергеевна, – и Оленюк протянул женщине документ.

Молча взяв его, продавщица встала со стула и покинула кабинет, демонстративно показывая на ходу своими округлыми бедрами. Глядя на них, Оленюк поймал себя на мысли, что, может, зря он так быстро дал этой женщине от ворот поворот. Но задержалась эта мысль в

его голове недолго. В следующую секунду у него на столе вновь зазвонил телефон. Это был все тот же Марат Иваненко. В течение минуты он приходил в себя после того, как его коллега назвал его своей любимой, а потом и солнышком, после чего решил все-таки перезвонить.

– Ты что, старик, совсем там охренел от своих жмуриков? – спросил Иваненко.

– Извини, Маратик, что пришлось выдать тебя за свое солнышко. Одна баба, понимаешь, привязалась, как банный лист, а как ее спроводить ума не мог приложить. Тут ты и подвернулся.

– Все понял, – вошел в положение своего приятеля Иваненко. – Но имей в виду, я солнышко с претензиями – люблю посещать рестораны и получать разного рода шикарные подарки. У тебя денежки на это имеются?

– Ты это в шутку или опять просишь в долг до получки? – насторожился Оленюк.

– Любимый, какой же ты у меня догадливый, – игривым тоном ответил Иваненко. – Дай «пятерик» и я буду верна тебе до гроба.

– Могу дать только трешку, – ответил Оленюк. – Купишь себе чешские чулки в универмаге на Крещатике.

– Лады, хай будэ трешник, – согласился Иваненко и первым повесил трубку.

Это означало, что через пять, максимум десять минут, он примчится за тремя рублями, которые сумел только что выторговать у своего коллеги.

3 октября 1973 года, среда, Москва, Скатертный переулок, Спорткомитет СССР

Первый зампред Спорткомитета Глеб Смородин принимал у себя начальника управления футбола Леонарда Земченко.

– Кажется, ваш эксперимент с послематчевыми пенальти закончился провалом, – сообщил гостю Смородин, стряхивая пепел с сигареты в изящную пепельницу, привезенную им из недавней поездки в Индию.

– Глеб Андреевич, у вас неверная информация – эксперимент удался, но только наполовину, – ответил Земченко.

– Что вы из меня дурака делаете, Леонард Аркадьевич – у нас весь Спорткомитет завален гневными письмами от болельщиков. Надо с вашим экспериментом кончать.

– Мы предлагаем другое – несколько видоизменить наше новшество, – стоял на своем Земченко. – Отныне, если соперники закончат матч на первенство страны со счетом 1:1, 2:2 и тому подобное, обоим начисляется по одному очку. А если основное время истекло при нулевом результате, назначаются по пять пенальти в каждую сторону. Команда, которая реализует больше n-метровых ударов, получит очко, а ее соперник – ноль очков. Если же забьют поровну, то обеим командам дается по очку, как при результативной ничьей.

Смородин внимательно выслушал этот монолог, вновь стряхнул пепел и спросил:

– Куда вы клоните, никак не могу взять в толк?

– Мы хотим, чтобы в чемпионате сохранялась интрига. Пенальти этому только помогают.

– Помнится, в прошлом году вы формулировали свою идею несколько иначе – что благодаря вашему новшеству наш чемпионат очистится от договорных матчей.

– Это и теперь подразумевается. Но также добавляется интрига – зрители всегда с удовольствием наблюдают за пенальти.

– Да я же вам говорю, что к нам приходят мешки писем от возмущенных болельщиков!

– Эти письма чаще всего строчат подставные лица – те, кому наш эксперимент мешает обтяпывать свои околофутбольные делишки.

«Ох и хитрец, – подумал про себя Смородин. – Можно подумать, что их эксперимент с пенальти эти делишки обтяпывать не мешает. Да он, судя по всему, и появился только ради этого – чтобы труднее было угадать результаты. Причем не только для тех, кто следит за ними бескорыстно». Однако озвучивать эти мысли зампред не стал, а вместо этого спросил:

– Леонард Аркадьевич, вы в «Спортлото» играете?

– Иногда бывает. А что?

– Сдается мне, что эксперименты, которые выходят из вашего отдела, навеяны игрой в эту лотерею.

Зампред был недалек от истины. Популярная лотерея «Спортлото» появилась на свет в октябре 1970 года именно как попытка государства переманить аудиторию у подпольных тотализаторов, начавших опутывать страну. Попытка удалась лишь отчасти – на новую лотерею «подсели» миллионы простых граждан, в то время как люди при деньгах по-прежнему отдавали предпочтение «тотошке», поскольку там азарт был сильнее – суммы выигрышей были на порядок выше.

По тому, как губы начальника отдела тронула лукавая улыбка, зампред понял, что смысл сказанного дошел до его собеседника. Но втягиваться в эту дискуссию гость не стал – предпочел промолчать. Впрочем, и сам Смородин был не в настроении развивать эту тему. Поэтому поспешил ее свернуть, задав собеседнику вопрос из другой области:

– Вы в курсе, что кое-кто уже подыскивает человека на место старшего тренера нашей сборной?

Учитывая, что кандидатуру нынешнего тренера сборной, Евгения Горянского, выдвинул именно Земченко, последний вовсе не был заинтересован в его уходе с этого поста. Поэтому это сообщение повергло его в легкое замешательство.

– А чем вызваны эти поиски? – стараясь сохранять спокойствие, поинтересовался начальник управления.

– А то вы не знаете – нашей нулевой ничьей с чилийцами.

– Но у нас впереди еще один матч с ними.

– А вы уверены, что он состоится?

– Но при чем здесь Горянский?

– При том, что именно при нем случилась эта история. К тому же в последних играх наша сборная не показывает красивой и зрелищной игры.

– И кого прочат на его место?

– Мне пока известна одна кандидатура – Константина Бескова.

По тому, как сморщилось лицо у Земченко, зампред понял, что этот вариант он не одобряет.

– Вы что-то имеете против Бескова?

– Так это же мы приглашали его в 65-м тренировать нашу Ворошиловградскую «Зарю». Ох, и намучились же мы с ним тогда. В итоге через год расстались.

– Чем же он вам не угодил?

– Слишком принципиальный. С такими кашу не сваришь.

– Смотря какую кашу вы собирались сварить. Я, например, слышал, что он внес новшество в тренировки «Зари» – они проходили под музыкальное сопровождение. Это позволяло переключать ритм занятий, создавало хорошее настроение у футболистов и повышало их работоспособность. В результате ваша команда заиграла в новый футбол: интеллектуальный и комбинационный, со свежими красками. И первый круг предварительного турнира вы провели без единого поражения. Я сам читал в прессе восторженные отклики на игру «Зари». Писали, например, про хорошо продуманный стратегический план Бескова, учитывающий мастерство футболистов своей команды и особенности соперников, что позволяло

ему наметить конкретные способы эффективной подготовки. И многие тренеры единодушно заявляли, что они завидовали свежести и тактической зрелости луганских футболистов.

– Не спорю, все это было, – согласился со словами зампреда Земченко. – Но так длилось лишь до второго круга. А потом наши игроки сдулись, устав от чрезмерных нагрузок, которые давал им Бесков. Мы советовали ему снизить требования к футболистам, но он нас не слушал. В итоге его излишнее самомнение, болезненное реагирование на критические замечания, а также частые отлучки в Москву по семейным обстоятельствам привели к тому, что он утратил нити управления командой. И она заняла лишь седьмое место.

– А может, это не Бесков был виноват в случившемся, а вы сами? Кто вам сказал, что победа дается легко, без титанических усилий? В нее зубами вгрызаться надо. Кстати, тот задел, который заложил в команде Бесков, дал результат уже через год – в 66-м ваша команда вышла в высшую лигу.

– А вот это, как раз, заслуга Горянского – того самого человека, которого сейчас хотят снять с поста старшего тренера сборной. Это он вытянул «Зарю» в высшую лигу. С ним-то у нас никаких разногласий не было, и он перед нами своими амбициями не козырял.

Земченко не стал вдаваться в детали тех событий, впрочем, Смородин был о них наслышан. «Заря» стала победителем в классе «А», во второй группе второй подгруппы, где из 18 команд целых и представляли Украину. Это были: «Заря» (Луганск), «Локомотив» (Винница), СКА (Львов), «Металлург» (Запорожье), «Днепр» (Днепропетровск), «Авангард» (Харьков), «Таврия» (Симферополь), «Карпаты» (Львов), «Судостроитель» (Николаев) и «Звезда» (Кировоград). По сути это был чемпионат Украины, в котором украинские команды в основном обменивались друг с другом очками, которые они отбирали у других команд – из России (их было шесть). В итоге четыре первых места в турнире заняли именно украинские команды: «Заря» (44 очка), СКА (Киев) (41 очко), СКА (Львов) (40 очков) и «Локомотив» из Винницы (39 очков). И лучшими бомбардирами, соответственно, стали игроки украинских команд – их было семеро: Владимир Дударенко из львовского СКА (13 мячей), Янош Габовда из винницкого «Локомотива» (12 мячей), Леонардас Жукаускас из львовского СКА (10 мячей), Валентин Оверко из запорожского «Металлурга» (10 мячей), Илья Славянский и Михаил Штуллер из киевского СКА (по 10 мячей), Давид Пайс из «Днепра» (9 мячей).

– Без амбиций нельзя добиться больших результатов, – вдавливая сигарету в пепельницу, заметил Смородин. – Но вы зря думаете, что в этом вопросе я не на вашей стороне – очень даже на вашей. Нам бы тоже не хотелось, чтобы Бесков встал у руля сборной. Он и нам может многое поломать. Поэтому давайте договоримся действовать в этом деле сообща. Проведите у себя в отделе консультации со своими людьми и, если среди них есть сторонники Константина Ивановича, попытайтесь перетянуть их на свою сторону. И держите меня в курсе этих переговоров. Договорились? В таком случае, не смею вас больше задерживать.

3 октября 1973 года, среда, Чили, Сантьяго, спортзал на улице Эусебио Лильо

Алонсо Райнери сидел в дальнем углу спортзала и, вкушая сладкие орешки, внимательно следил за поединком на ринге, где одним из бойцов был Анджей Кравчик – человек, которого Алонсо выбрал в качестве возможного убийцы Брежнева. Перед поединком чилиец и поляк перекинулись парой фраз, после чего Кравчик отправился на ринг, а Райнери уселся на стульчик в углу полупустого зала, где проходил тренировочный поединок. Он длился недолго – всего три раунда. Кравчик считался в этом квартале Сантьяго самым сильным боксером, поэтому он быстро разобрался со своим противником – рослым негром по

имени Джонни. Поляк отправил его в нокаут сильным хуком слева и, когда рефери досчитал до десяти, покинул ринг, отправившись в тот угол зала, где сидел Райнери.

– Ты ведь мог разделаться с ним еще в первом раунде, – заметил Алонсо, когда боксер уселся рядом с ним на свободном стуле с полотенцем в руке.

– Мог, но это скучно, – ответил Кравчик, вытирая полотенцем лицо и шею.

– Понимаю, тебе хочется настоящего боя, а здесь получают одни поддавки, – усмехнулся Райнери. – Но мне кажется, я могу предложить тебе увлекательную баталию.

– Бой с каким-нибудь тяжеловесом?

– Это ты хорошо сказал – он действительно тяжеловес.

– Из местных?

– Нет, он иностранец.

– Американец или латинос?

– Бери круче – он русский.

– Ты шутишь? – и рука поляка с полотенцем застыла на полпути к лицу.

– Нисколечко – он самый настоящий русский, причем тяжеловес, с каким тебе еще никогда не приходилось встречаться.

– Но русский вряд ли сюда доберется, учитывая то, что случилось в Чили три недели назад.

– А ему не надо сюда приезжать – это предстоит тебе.

– Послушай, Алонсо, перестань говорить загадками, – и Кравчик бросил мокрое полотенце на соседний стул. – Говори прямо, что ты затеял.

– Я хочу предложить тебе увлекательный поединок с одним русским, которого ты должен ненавидеть так же, как и я, – сказал Райнери и придвинулся поближе к собеседнику. – Я имею в виду... Брежнева. Мы хотим отправить его на тот свет и ищем для этого предприятия надежного и, главное, смелого человека.

– Ты это серьезно? – глядя в глаза собеседнику, спросил боксер.

– Более чем. Брежнев предал Альенде и все левое движение – он прислужник американцев. Убив его, мы отомстим ему за всех, кого он предал. А ты сможешь поквитаться за своего отца, медальон с которым носишь на груди. Кстати, где он?

– В раздевалке – на бои я его не надеваю, – ответил боксер.

– Когда ты будешь убивать Брежнева, я надеюсь, ты его наденешь.

– С чего ты взял, что я соглашусь с твоим предложением?

– Потому что ты слишком любишь своего отца, расстрелянного Советами. А еще ты так же сильно любишь свою покойную мать, которая вынуждена была покинуть родину, потому что там к власти пришли люди, плясавшие под дудку все тех же Советов. С этого момента в Польше стараются вычеркнуть слово Катынь из памяти поляков. Ты помнишь, куда русские повезли американского президента Никсона, когда он в прошлом году посетил Советский Союз? Его повезли в Хатынь – местечко в Белоруссии, сожженное фашистами. И знаешь, почему они это сделали? Чтобы люди во всем мире перестали вспоминать польскую Катынь и начали говорить о другом месте – о белорусской Хатыни.

Анджей знал эту историю, которая до сих пор саднила в его душе как кровоточащая рана. Он был прекрасно осведомлен о том, что Никсон был привезен в Хатынь в то самое время, когда Катынский мемориальный фонд боролся с Англиканской церковью за разрешением возвести мемориальный комплекс «Катынь» в Лондоне. Визит президента США получил широкую огласку, он заставил задуматься людей и отвлечься на то, зачем было подымать так много шума в Великобритании, чтобы возвести мемориал жертвам Катыни, когда «один уже существовал в России». Поэтому слова Райнери попали в цель – они затронули ту самую болевую точку внутри поляка, которая не давала ему спокойно спать по ночам вот уже на протяжении многих лет.

– В Чили достаточно людей, которые после падения Альенде ненавидят Брежнева, но ты выбрал меня – почему? – после небольшой паузы спросил Кравчик.

– Потому что возмездие должно совершиться именно в Польше, – спокойно ответил Райнери. – Летом следующего года Брежнев собирается посетить твою родину с официальным визитом – там будут отмечать 30 лет новой Польши. Вот я и подумал, что это было бы более чем справедливо – чтобы суд над советским генсеком совершил поляк, у которого отец был расстрелян в Катыни. Согласись, в этом есть нечто такое, что верующие называют божьим провидением.

И снова Райнери попал в точку. Будучи атеистом, он прекрасно знал, что Анджей, в отличие от него, является набожным католиком, каждое воскресенье посещающим церковь Святых Сердец.

– Ну что, ты согласен? – спросил Райнери.

– Согласен, но ты должен ответить мне на один вопрос.

– Задавай, – согласно кивнул головой Алонсо.

– В какую сумму ты оцениваешь мое участие в этой акции?

Этот вопрос привел чилийца в смятение, поскольку он рассчитывал, что поляк обойдется им дешево, учитывая идейную подоплеку его действий. Поэтому упоминание о деньгах стало для Райнери полной неожиданностью.

– А разве за месть берут деньги? – стараясь скрыть свое смятение, спросил Алонсо.

– Я – беру, поскольку не собираюсь после этой акции возвращаться в Чили. У меня есть невеста, которой я хочу обеспечить будущее, но не в этой стране.

– Кто она – полячка? – поинтересовался Райнери.

– Естественно, зовут Агнешка, мы уже полгода вместе.

– Где же ты хочешь бросить с ней якорь – не в Польше же?

– Не волнуйся, я найду место, где с теми долларами, которые вы мне заплатите, мне будет легко провести остаток жизни.

– Может, возьмешь эскудо?

– Даже не заикайся – только доллары.

– И сколько ты хочешь получить?

– Четыреста тысяч.

– Не много ли?

– Нет, учитывая, что часть этих денег придется пустить на подготовку к операции.

Райнери размышлял над предложением поляка около минуты. Деньги, озвученные им, были большие – их у организации, в которой числился Алонсо, в наличие не было. Однако операция, которую они задумали, не должна была сорваться по столь пустяковому поводу – из-за отсутствия денег. Если так вставал вопрос, то эти доллары требовалось найти любым способом.

– Хорошо, ты получишь свои деньги, – сообщил Райнери.

– Когда? – спросил Анджей.

– Мы сами дадим тебе знать. От тебя теперь требуется только одно – сидеть и ждать нашего сигнала.

3 октября 1973 года, среда, Москва, Скатертный переулок, Спорткомитет СССР

Глеб Смородин достал из стола початую бутылку армянского коньяка и две рюмки, в которые тут же разлил напиток. Одну рюмку он поставил перед своим гостем – заместителем председателя одного из региональных обществ «Динамо» Кириллом Комковым.

– С приездом, Кирилл Терентьевич, – провозгласил тост хозяин кабинета и первым влил в себя коньяк.

– А закусить нечем? – прежде чем последовать его примеру, спросил Комков.

Вместо ответа Смородин снова открыл дверцу в своем столе и извлек оттуда плитку швейцарского шоколада, которую ему подарил на днях руководитель спортивной делегации из Франции. Комков распечатал плитку и только после этого выпил свой коньяк. Затем закусил шоколадкой, отломив от плитки солидный кусок.

– Вкусно живут господа капиталисты, – похвалил гость продукцию швейцарских кондитеров.

– Ты мне здесь буржуазную пропаганду не разводи, – беззлобно пожурил его Смородин. – Лучше расскажи, что у вас делал Бесков?

– С инспекцией приезжал – ему по штату положено.

– Что-то нашел в вашем хозяйстве?

– Не без этого – уличил в разбукании штатов и нецелевом использовании денег. Короче, обнаружил нашу «черную кассу», которую мы держим для «подмазки» судей.

– Ну и что здесь особенного? – удивился Смородин.

– Так он обвинил нас в том, что мы большую часть этих денег себе присваиваем. Обещал доложить об этом Богданову. Вам про это ничего неизвестно – доложил или нет?

– Про это ничего не знаю, а вот про другое мне известно – он хочет торпедировать реформу Второй лиги. Упирает на то, что это даст возможность кавказским командам ходить в лидерах за счет купли-продажи большинства матчей.

– Едрить его в коромысло! – выругался Комков и подставил рюмку для новой порции коньяка. – Сам не живет и другим не дает. Ну откуда такие люди только берутся, да еще в наше время?

– Это мне говорит член партии с почти тридцатилетним стажем?

– Члены партии тоже кушать хотят, – отреагировал на эту реплику Комков, после чего залпом выпил коньяк и снова закусил шоколадкой.

– Кушать все любят, но вы там у себя, видимо, совсем обнаглели – вам только деликатесы подавай.

– Как будто мы одни такие?! – искренне возмутился гость. – Вы с кавказцами поговорите и послушайте, что они вам скажут на бесковские новации.

– Уже говорил, – сообщил Смородин. – Вчера вот в этом кресле один их делегат сидел. Кстати, этот коньяк он мне и презентовал.

Речь шла о зампредсе Спорткомитета Грузии, который специально приезжал в Москву, чтобы обсудить несколько важных вопросов, в том числе и реформу Второй лиги. Приехал он не с пустыми руками – привез Смородину увесистый конверт с деньгами, который он вручил ему вместе с двумя бутылками пятизвездочного коньяка. Смородин молча принял эти дары и заметил:

– У этой реформы появился влиятельный противник – Константин Бесков. Он же, вполне вероятно, вскоре будет назначен и старшим тренером первой сборной. Как к этому отнесутся у вас в Грузии?

– А как надо отнестись? – насторожился посланец с Кавказа.

– Плохо надо отнестись, поскольку если Бесков полезет наверх, то это может поломать наши с вами отношения, – глядя в глаза собеседнику, ответил Смородин. – Он ведь человек принципиальный и хочет, чтобы все были такими. Он привык обходиться малым, а мы с вами хотим жить по максимуму. Если таких, как Бесков, оставлять наверху, они черт знает что там наворочают. Неужели это не понятно?

– Теперь понятно, – и лицо гостя расплылось в улыбке. – Но что требуется конкретно от нас?

– Сколотить оппозицию Бескову в вашем Спорткомитете и в динамовском обществе. Ведь если он встанет у руля сборной, вполне вероятно, что представительство тбилисских динамовцев в его команде может сократиться. У вас при Горянском сколько игроков в сборной играет?

– Четверо: Дзодзуашвили, Гуцаев, Гиви Нодия и Муртазик Хурцилава.

– Они ведь в каждом матче на поле выходят?

– Обижаете – особенно часто Дзодзуашвили и Хурцилава: у первого девять игр, у второго шесть.

– Так вот, при Бескове можете про это забыть. Мало того, что ваших игроков в сборной будет меньше, так и выпускать их на поле будут в разы скромнее. Если вообще будут.

– Вах, какую печальную перспективу вы нам рисуете, – покачал головой кавказец.

– Одними причитаниями делу не поможешь. Кстати, если Бескова остановить, то будет шанс и вашего тренера Александра Котрикадзе продвинуть на место второго тренера в сборной. Как на это смотрите?

– Зачем спрашиваете? – кавказец даже всплеснул руками от удивления.

– Тогда сделайте, пожалуйста, то, о чем я вас попросил.

– Все сделаем, можете не беспокоиться. Вернусь в Тбилиси, и тут же доведу ваши слова до нашего председателя. Нужные меры он примет.

И теперь, вспоминая эти слова, Смородин решил проделать тот же трюк и с Комковым – заставить его выступить против Бескова.

– Надо организовать компанию против Константина свет Ивановича. Сможешь это сделать? – спросил Смородин у гостя, буквально вонзившись в него своим цепким взглядом.

Но тот, прежде чем ответить, вновь выставил вперед свою пустую рюмку.

– Тебе не много будет? – спросил Смородин, но коньяк в рюмку налил.

Комков выпил и отломил от плитки еще один большущий кусок. Но прежде, чем отправить его в рот, спросил:

– Что надо конкретно сделать?

– Состряпать анонимку: дескать, Бесков получил взятку от вашего руководства в обмен на молчание про ваши темные делишки.

– Кто же этому поверит? – округлил глаза Комков.

– Дурак ты, – покачал головой Смородин. – Естественно, никто этому не поверит, но проверить все равно будут должны – он же член партии. Назначат комиссию, а пока она будет работать, его и на пушечный выстрел не подпустят ни к каким высоким должностям, в том числе и к сборной. А там, глядишь, мы еще что-нибудь придумаем. Теперь понятно?

Комков радостно кивнул головой и вновь выставил вперед пустую рюмку.

– Хватит с тебя! – отреагировал на это хозяин кабинета и собрался было убрать бутылку обратно в стол.

На что гость заметил:

– Удачи не будет, если дело как следует не обмыть.

Услышав это, Смородин махнул рукой и налил коньяк сначала себе, а потом и гостю. И вместе они выпили за успех их общего дела.

4 октября 1973 года, четверг, Москва, ресторан у Киевского вокзала

Клим Пустовил, один из функционеров Федерации футбола Украины, сошел на платформу Киевского вокзала, держа в руке коричневый портфель-дипломат. Тринадцать часов, проведенные им в поезде Киев-Москва, пролетели незаметно – большую половину этого времени Пустовил проспал, а оставшиеся часы просидел в вагоне-ресторане в теплой компании каких-то командировочных. Клим потому и выбрал поезд, а не самолет, чтобы хоро-

шенько выспаться после изнурительных служебных командировок, в которые его посылали от Федерации в различные города Украины, где надо было улаживать всякие щепетильные дела. Вот и в Москву он приехал по такому же поводу. Выйдя с вокзала, он направился в один из ближайших ресторанов, где у него была назначена деловая встреча.

Когда Пустовил вошел в зал, он сразу заметил у дальнего столика в углу человека, с которым у него была назначена встреча. Это был один из администраторов футбольного клуба ЦСКА, с которым он был знаком еще с тех пор, как тот работал помощником тренера в львовском СКА. Поскольку эту встречу они назначили заранее, то делать заказ не пришлось – армеец, пришедший сюда чуть раньше, уже позаботился об этом. Поэтому, усевшись на стул, Пустовил поставил дипломат возле своих ног и предложил:

– Ну что, Геша, за встречу.

Дважды повторять эту просьбу не пришлось – армеец ловко содрал алюминиевую пробку с бутылки «Московской» и разлил водку по рюмкам. Чокнувшись ими, приятели влили в себя спиртное и тут же закусили, благо закуска на столе стояла знатная: маринованные грибочки, балычок, черная икра и тефтели, обильно сдобренные подливкой.

– Как добрался? – поинтересовался армеец, густо намазывая на хлеб с маслом черную икру.

– Отлично – спал, как убитый, – подцепляя вилкой грибок, ответил Пустовил. – Всю неделю мотался по регионам и утрясал судейские проблемы. Спал урывками.

– Догадываюсь, что это за проблемы: «Черноморец» в высшую лигу тянете?

– Почему тянем – он сам старается. Но и мы в стороне не стоим на всякий случай.

– А в Москву тоже по такому же случаю появился?

– От тебя, Геша, ничего не скроешь, – улыбнулся Пустовил, разливая по рюмкам новую порцию водки. – Ну, за успех нашего дела.

Они снова выпили, после чего армеец спросил:

– Теперь выкладывай, что за дело у тебя ко мне.

Прежде чем ответить, Пустовил взял в руки дипломат и щелкнул замками. Но прежде чем его открыть, он посмотрел по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, открыл крышку. Внутри лежали несколько десятков пачек с банкнотами. Взглянув на них, Геша взял одну из пачек и что называется «вздохматил» – большим пальцем перебрал несколько купюр.

– В каждой из них по одному «косарю». А таких пачек здесь ровно тридцать штук, – сообщил Пустовил.

– Хорошо живешь, – произнес Геша, возвращая деньги на место. – Как же ты не боялся их в поезде везти, да еще дрыхнуть при них?

– Так я же его под спальную полку положил, а сам сверху улегся. Да и попутчики в купе нормальные оказались – муж с женой и старушка. Так что ехал без проблем.

– И кому эти башли предназначены? – продолжал задавать вопросы Геша.

– Как кому – тебе, – ответил Пустовил. – Вернее тебе и твоим архаровцам, что помогут нам седьмого ваш ЦСКА победить.

– Армян хотите обогнать?

– Хотим, Геша, – кивнул головой Пустовил и спрятал дипломат под стол. – В прошлом году нам «Заря» всю малину обосрала, теперь вот «Арарат» объявился. Мы «золото» Союза брали пять раз, а «серебро» – шесть. В этом году хотим этот счет уравнять.

– Идея прогрессивная, – теперь уже Геша взял в руки бутылку и разлил водку по рюмкам. – Значит, надо ее обмыть.

– Так ты согласен нам помочь или есть какие-то сомнения?

– Помочь, конечно, можно, тем более, что ситуация этому благоприятствует. У нас в команде бунт назрел против старшего тренера. Совсем Николаев игроков замордовал своей дисциплиной. Сплавить его ребята хотят, потому и играют через пень колоду – одну игру

выиграют, а четыре проиграют. Так, кстати, два года назад было, когда мы после чемпионства чуть в первую лигу не вылетели. Минобороны для команды жилье выделило, а руководство ЦСКА отдало его фигуристам. Поэтому Боря Копейкин и Володя Дударенко остались без квартир. Вот и устроили бунт – перестали забивать. А потом их на поле и другие ребята поддержали. Поэтому мы едва тогда не вылетели.

– Насколько я помню, тогда «Пахтакор» и «Шахтер» из высшей лиги «сплавили».

– Дончане сами виноваты, а ташкентцев намеренно выкинули, чтобы ростовский СКА оставить.

– Я был на том последнем матче ростовчан с минским «Динамо» в Ростове, – сообщил Пустовил. – Армейцам достаточно было сыграть вничью, чтобы они остались в лиге, а «Пахтакор» вылетел. За СКА большие шишки стояли из Северо-Кавказского военного округа. Вот они все и решили, а игрокам оставалось лишь между собой договориться, как сгонять ничейку. У меня на это дело глаз наметанный, поэтому я сразу смекнул, в чем там дело. Видимо, по уговору два мяча должен был забить минчанин Эдуард Малофеев, который шел на звание лучшего бомбардира и горел желанием войти в клуб Григория Федотова. Один гол он забил. Но потом, при счете 2:1 в пользу ростовчан, случайный гол с углового забил его партнер Юргелевич. Вот тогда на поле началась настоящая комедия: игроки обеих команд стали шушукаться между собой, как им быть дальше. В итоге сговорились обмениваться голами. На 80-й минуте отличился ростовчанин Чихладзе, а спустя всего две минуты свой второй гол забил и Малофеев. На том и разошлись.

– Нам вы предлагаете сделать то же самое? – поинтересовался Геша.

– В вашем случае нам нужна не ничейка, а победа – мы же от «Арарата» на очко отстаем. А с вашей помощью их обгоним.

– Это в том случае, если они здесь столичным динамовцам проиграют, – внес свою поправку Геша.

– Динамовцы на «бронзу» идут, поэтому биться будут насмерть. Так что мы рассчитываем в этом туре армян обогнать. Причем счет должен быть 2:1 и одну «банку» у нас должен забить Блохин – он на лучшего бомбардира первенства идет. Сможете такой результат обеспечить?

– А 1:0 вас не устроит?

– Не-е, – мотнул головой Пустовил. – Ты ведь человек ушлый и должен понимать, как лучше всего «договорняки» гонять – счет 2:1 самый оптимальный.

Геша знал эту футбольную хитрость. Самый удобный счет при договорных играх действительно был 2:1. Таким образом можно было долго держать болельщиков в напряжении, создавая у них иллюзию честного поединка. То есть, тактика была такая. Сначала одна команда (та, что должна была проиграть) открывала счет (это делалось в самом начале игры), а под занавес первого тайма другая команда счет сравнивала, поскольку в эти минуты внимание зрителей рассеяно – они уже готовятся к перерыву, чтобы утолить жажду пивком. Затем почти весь второй тайм идет равная игра с чередованием опасных моментов у обеих ворот. Пока, наконец, одна из команд под занавес игры не забивала победный гол. Совсем недавно такой «договорняк» сыграли в Киеве местные динамовцы и «Шахтер».

– Но если все-таки ребята не согласятся на 2:1 и захотят проиграть с минимальным счетом? – продолжал стоять на своем Геша.

– А ты постарайся их уболтать – ведь не за так же они это будут делать.

– Что-то ты не договариваешь, – покачав, произнес Геша. – Может, ты с тотошниками в доле?

– С кем я в доле тебя, Геша, касаться не должно, – с жестью в голосе произнес Пустовил.

А сам внутренне весь напрягся, поскольку его собеседник попал в точку – Пустовил и в самом деле работал на московских тотошников и те заказали у него именно такой счет.

Он в свою очередь пообещал им, что все будет «тип-топ» – то есть, в порядке. А проколы в такого рода делах карались сурово, поскольку речь шла о больших деньгах.

– Ну, ладно, не парься – сделаем вам 2:1, – улыбнулся Геша, снимая тем самым напряжение в разговоре. – И Блоха свой гол тоже забьет. Когда вам нужен ответ?

– Чем скорее, тем лучше, – вновь берясь за бутылку, произнес Пустовил. – Тебе же не всех игроков надо будет покупать, а всего лишь пяток. Тем более, как ты говоришь, они Николаева «сплавить» хотят. Вот и пусть «сплавят», да еще за это хорошие деньги получают.

– А когда расчет будет?

– Сразу после игры. Я на стадион с деньгами приеду, а ты после матча подходи к Северному выходу – там свои башли и получишь. Но ответ мне нужен уже завтра – для спокойствия. Мне надо в Киев телеграфировать, как здесь все сложилось.

На самом деле Пустовилу надо было дать знать о результатах его миссии не только в Киев, но и тотошникам в Москве.

– Хорошо, будет тебе ответ, – и Геша снова поднял, наполненную до краев, рюмку.

– Надеюсь, положительный?

– Я тоже на это надеюсь, – ответил Геша и они выпили за успех предстоящего дела.

4 октября 1973 года, пятница, Москва, Скатертный переулок, Управление футбола Спорткомитета СССР

Анатолий Кожемякин шел по коридору, направляясь к выходу из здания, когда из-за угла ему навстречу вышел заместитель начальника управления футбола Леонид Зольский.

– Толя, дорогой, сто лет жить будешь – я только что о тебе думал! – расплываясь в широкой улыбке, произнес зампред и первым протянул руку для приветствия. – Как говорится, на ловца и зверь бежит. Пойдем ко мне, есть важный разговор.

И Кожемякин, который уже строил в голове планы относительно того, как он проведет эти несколько часов, которые оставались у него до возвращения на базу в Новогорске, вынужден был подчиниться. Причем интуитивно он чувствовал, что разговор его ждет мало-приятный, поскольку этого человека он всегда недолюбливал – еще с тех времен, когда Кожемякин учился в ФШМ, а Зольский, переведенный в Москву с Украины, был одним из ее руководителей. За Карпом (именно так за глаза звали Зольского в ФШМ за его отчество – Карпович) уже тогда закрепилась дурная слава отъявленного интригана, за обворожительной улыбкой которого пряталась черная и мелкая душонка. И когда в ФШМ узнали, что Зольский пошел на повышение – был переведен в Спорткомитет, многие в ФШМ с одной стороны вздохнули свободно, но с другой пожалели, что этого человека, вместо того чтобы выгнать, наоборот, повысили.

Когда они вошли в кабинет Зольского, он предложил гостю сесть на стул напротив его стола, а сам уселся в кожаное кресло и сразу закурил «Мальборо», при этом заметив:

– Хорошо, что я не футболист – могу не режимить.

Затем, картинно пустив колечко дыма в потолок, хозяин кабинета вновь обратил свой взор на футболиста и сказал:

– Слежу за твоими успехами – впечатляет. Это твой первый полноценный сезон в основе и уже такой успех – лучший бомбардир команды. Сколько на твоем счету сейчас мячей?

– Четырнадцать, – ответил Кожемякин, пытаясь угадать, к чему ведет это предисловие, но так и не угадал.

– Как думаешь, Блохина обгонишь?

– Буду стараться.

– Правильно: старанье и труд все перетрут. Как личная жизнь – я слышал вы с Натальей ребенка ждете?

– Да, в будущем году.

– Так это же здорово, когда и в делах ладится, и тылы прикрыты. Однако, знаешь, как говорят англичане: когда все хорошо, то это плохо.

Сказав это, зампред громко рассмеялся, в то время как Кожемякин весь напрягся – он ждал начала главного разговора, который, судя по последней фразе, не сулил ему ничего хорошего. И он не ошибся.

Сделав еще пару затяжек, Зольский вдавил недокуренную сигарету в пепельницу и вместе с креслом придвинулся к столу – поближе к гостю. И, глядя в глаза футболисту, спросил:

– Толик, ты как к Бескову относишься?

Этот вопрос застал Кожемякина врасплох. Он с удивлением посмотрел в глаза собеседнику и, после некоторой паузы, ответил:

– Нормально отношусь.

– Нормально, как к человеку или как к тренеру? – продолжал допытываться Зольский.

– Какая разница, Леонид Карпович?

– Большая, Толик. Дело в том, что кое-кто хочет вернуть Бескова в большой футбол – сделать его старшим тренером первой сборной. А там, глядишь, он может и в «Динамо» вернуться. Ты как к этому относишься?

– Как бы я к этому не относился, меня спрашивать никто не будет, – пожал плечами футболист.

– Это ты зря так говоришь, – покачал головой замнач. – Это ты раньше был никем – в дубле штаны протирал. А сегодня ты становишься футболистом с большой буквы, с тобой начинают считаться. Вон даже в сборную тебя пригласили, а это уже о многом говорит.

– Но Бескова вернут и без моего совета.

– А ты хочешь, чтобы его вернули или все-таки без него лучше? Ведь если он вернется в сборную и в «Динамо», он лично тебе, как и остальным своим бывшим ученикам, припомнит то, как вы помогали старичкам выгнать его из команды. Помнишь, как это было?

Кожемякин, естественно, помнил, поскольку с момента тех событий прошел всего лишь год.

Ретроспекция. 12 ноября 1972 года, воскресенье, Москва, стадион «Динамо», матч «Динамо» (Москва) – «Арагат» (Ереван)

– Что происходит, ребята? – недоуменно спрашивал Бесков у своих игроков, стоя посредине раздевалки.

Игроки сидели на скамейках, привалившись спиной к стене, и все, как один, старались не смотреть в глаза своему тренеру. Минул первый тайм последнего матча этого сезона, а счет на табло был «сухой» – 0:0. Но Бескова возмущало не это, а игра его команды – футболисты попросту отбывали номер. Хотя все было в пользу динамовцев, начиная с погоды (на игровом поле лежал снег, что для москвичей было делом нормальным, а вот для южан – препятствием) и заканчивая главным арбитром матча, который явно благоволил сегодня к динамовцам. В первом тайме ереванцы забили три (!) гола, но судья ни один не засчитал, находя, что все они были забиты с нарушением правил. И когда Бесков шел по коридору в раздевалку, он видел, что один из игроков «Арарата» (это был Ованес Заназанян) направился в судейскую комнату, чтобы выразить свое возмущение сегодняшним судейством. Короче, этот матч динамовцы обязаны были выигрывать, а они этого делать не хотели. Поэтому Бесков и пытался выяснить у игроков, почему. Впрочем, в глубине души он понимал, что проис-

ходит – все-таки он был умудренный жизнью человек и опытный тренер. И он видел, что команда намеренно его «сплавляет» на протяжении последних двух недель. Инициаторами этого «сплава» были «старички» команды: Басалаев, Зыков (капитан команды), Сабо, Козлов, Еврюжихин. Однако тренеру было понятно, что «старички» проявляют инициативу не сами – их кто-то направляет. И этот кто-то был хорошо известен Бескову – с этим человеком он был знаком давно, еще с начала 50-х, когда Бесков блистал в «Динамо» как игрок нападения, а этот человек только начинал свою карьеру вратаря. Но тогда он был еще неизвестным человеком, а к началу 70-х его имя уже гремело на весь мир, даже сильнее, чем имя Бескова. Именно поэтому, когда две эти личности схлестнулись в борьбе за верховенство в команде, шансы Бескова на победу были все-таки меньшими, чем у его более именитого визави.

Динамо-ские «старички» тоже были недовольны Бесковым. Они знали, что он человек жестких правил и всегда ориентируется на молодежь. Ведь он – открыватель талантов. Поэтому, когда Бесков видел, что «старички» выходят в тираж, он безжалостно с ними расставался, заменяя их на более молодых. А их в «Динамо» в начале 70-х было много, причем все, как на подбор – талантливые, дерзкие, активные. Это были: Евгений Жуков (1950), Андрей Якубик (1950), Сергей Никулин (1951), Александр Маховиков (1951), Владимир Комаров (1952), Алексей Петрушин (1952), Анатолий Байдачный (1952), Анатолий Кожемякин (1953). Они легко могли бы заменить почти всех «старичков» и заменили бы, если бы не тот заговор против Бескова, который возник в команде на исходе сезона 1972 года. До его конца оставалось всего лишь четыре тура. У столичного «Динамо» были хорошие шансы на концовку турнира – все последние матчи они играли в Москве. И если бы выиграли эти четыре оставшиеся матча, то могли занять 2-е место, отстав на очко от чемпиона – воронежской «Зари». Но желание сместить Бескова оказалось сильнее. В итоге «Динамо» стало «сливать» свои матчи, либо проигрывая их, либо играя вничью. В точности повторялась история шестилетней давности, когда Бесков пришел к руководству московским «Локомотивом». Он и там решил сделать ставку на молодежь – например, смело ввел в состав 17-летнего Михаила Гершковича и 19-летнего Владимира Козлова (это была убойная связка нападающих). Но это не могло понравиться ветеранам команды. В итоге они стали «сплавлять» нового тренера – проигрывать матчи один за другим. Из 18 матчей первого круга «Локомотив» проиграл 13, а выиграл только четыре. И в июле 1966 года Бесков подал в отставку. В знак протеста против этой несправедливости к тренеру, Гершкович с Козловым после окончания сезона тоже покинули «Локомотив». Первый подался в «Торпедо», второй – в «Динамо».

Спустя шесть лет история повторялась – Бескова начали «сплавлять» уже в «Динамо», пусть и не так скоро, как случилось в «Локомотиве». А началось все с игры против однолюбников из Тбилиси (1:1). Затем случилось разгромное поражение от ленинградского «Зенита» (1:4). Следом случилась «сухая» ничья с ЦСКА (0:0). И вот сегодня, 12 ноября, в последнем матче чемпионата против ереванского «Арабата» динамовцы после первого тайма играли вничью 0:0, но, судя по настроению, могли и проиграть. И Бесков решил вызвать команду на откровенность. Ему хотелось услышать от самих игроков, что происходит. Но те к этой откровенности были явно не готовы. Во всяком случае, «старички». И тогда тренер решился на радикальный шаг.

– «Старички», вы свободны, а молодые задержитесь, – обратился Бесков к команде.

До начала второго тайма оставалось чуть больше пяти минут, и тренер рассчитывал, что этого времени ему вполне хватит, чтобы расставить все точки над «i» в своих отношениях с командой, с ее молодой порослью, которую он считал своей. И это было справедливо – ведь всех этих ребят в команду пригласил именно он.

Вот, например, в левом углу от тренера сидел Андрей Якубик. С семи лет он занимался в спортивной школе «Метрострой», играл в футбол, хоккей, плавал. Его первыми тренерами

были Н. Гугнин и Л. Соловьев. С 1967 года Якубик стал выступать за юношескую команду и дубль «Динамо». Для набора игровой практики был на год переведён в клуб «Динамо» из Махачкалы. Отыграв там сезон, был возвращен в Москву по желанию Бескова. Сначала играл в дубле, а потом, когда стал там главным забивалой, был приглашен и в основной состав. Бесков ему очень доверял, поскольку видел в нем игрока, который придет на смену ветеранам.

Рядом с Якубиком сидел еще один молодой игрок – Евгений Жуков. В команде его звали Пантелеем – у него было отчество Пантелеевич. Свою игровую карьеру он начинал в «Динамо» – в дубле, а в 1969 году Бесков стал выпускать его за основу. И уже в следующем сезоне Жуков провёл 21 матч и забил 1 гол. Стал обладателем Кубка СССР, когда в финале «бело-голубые» обыграли тбилисских одноклубников (правда, Жуков на поле тогда так и не вышел). В 1971 году в высшей лиге Евгений сыграл 25 матчей, забив 2 гола, и также сыграл 2 матча в турнире дублёров. В 1972-м Жуков стал финалистом Кубка кубков. Несмотря на то, что забивал он мало (все-таки защитник), однако игрок он был очень надежный.

Еще один молодой футболист – Владимир Комаров. Воспитанник Футбольной школы молодежи. В 1969 году его оттуда взял в «Динамо» Бесков, правда, почти три года Комаров играл за дубль, поскольку ветераны команды тогда были еще сильны. Но в 1972 году Бесков начал выпускать Владимира в основе, рассчитывая уже в ближайшем будущем сделать из него ведущего игрока.

Следом за Жуковым на лавочке в раздевалке сидел Сергей Никулин. Еще один воспитанник детской клубной команды московского «Динамо». Бесков обратил на него внимание в 1969 году, когда тот играл за динамовский дубль и считался там одним из самых надежных защитников. Соперники боялись его подкатов, называя «Автогеном». Бескову такой игрок был необходим, поэтому Никулин стал выходить на поле и в играх за основной состав. Еще одна надежда Бескова на ближайшее будущее.

Как и Александр Маховиков, который был воспитанником юношеской команды стадиона «Юные пионеры» в Москве. В 1965 году попал в московское «Динамо», где его первыми тренерами были В. Павлов и Л. Соловьев. Затем он попал в динамовский дубль, куда его пригласил Адамас Голодец – помощник Бескова. Когда последний поинтересовался успехами Александра, Адамас ему ответил:

– Толковый парень! На что уж я сам был в детские годы мастак на такие приемы, с помощью которых обыгрывал даже взрослых, сталкивая их друг с другом лбами! Но Саша может гораздо больше меня.

– Так прямо и больше? – усмехнулся Бесков.

– Вот именно! Он один обыгрывает по 4–5 соперников, не отдавая никому мяча. То обыграет противника обманным движением, то с изяществом перекинет мяч с ноги на голову и начнет головой вести мяч, то прокинет его между ног соперника и рывком первым окажется у него. Короче, может вырасти в отличного футболиста.

Спустя некоторое время после этого разговора – 24 июля 1971 года – Маховиков дебютировал в основном составе «Динамо» на позиции левого полузащитника в гостевом матче с львовскими «Карпатами» (3:1). А уже в следующем году его пригласили и в первую сборную СССР. Оказалось, что его неожиданные подключения приносили больший эффект, чем обычные действия на краю атаки.

Следом за Маховиковым на скамейке сидел Алексей Петрушин. Этот футболист был воспитанником детских команд ОДО и «Торпедо» из Люберец, где начал играть и на взрослом уровне у тренера И. Байкова. Затем его заметили в «Динамо», куда пригласили в 1970 году сначала поиграть за дубль. А в основном составе он дебютировал недавно – 3 июня 1972 года в матче против киевлян. Ту игру подопечные Бескова выиграли по и Петрушин показал себя не самым худшим образом.

Наконец, в правом углу от Бескова сидели двое приятелей, причем оба Анатолии – Байдачный и Кожемякин. Первый был воспитанником обнинской футбольной школы, учеником Юрия Алексеевича Шуванова. В 1969 году его пригласили в дубль «Динамо». Спустя два года он был приглашен в юношескую сборную СССР, после чего Бесков стал допускать его и на игры за основной состав «Динамо». В 1972 году Байдачный был включен в состав первой сборной СССР, которая завоевала серебряные медали, уступив в финале ФРГ 0:3.

Второй Анатолий – Кожемякин – был самым младшим из всех молодых – ему было всего 19 лет. Воспитанник ФШМ, откуда он в 1970 году и был приглашен в «Динамо». Сначала играл за дубль, а в 1972 году Бесков стал выпускать его и в основе. За этот сезон он сыграл в нем и матчей и забил один гол. Вроде, немного, но потенциал этого центрфорварда Бескову был прекрасно виден и он рассчитывал в следующем сезоне перевести его в основной состав на постоянной основе.

– Ребятки, что же вы творите, кого слушаете? – спросил тренер игроков, обводя их всех взглядом. – Ваш же держат за телят. Андрей, ты же самый старший из всех – о чем ты думаешь?

Вопрос адресовался Якубику. Тот, явно не ожидая, что тренер начнет разговор с него, вздрогнул. Но затем собрался и, глядя куда-то в сторону, ответил:

– Вы, Константин Иванович, конечно, великий тренер, но как с человеком я с вами работать не могу! Вы уж извините.

– Все остальные думают так же? – спросил Бесков.

Ответом ему была тишина, которая, как известно, знак согласия. Тогда Бесков повернулся к Кожемякину:

– Ты, Анатолий, тоже так думаешь?

– Я как все, – коротко ответил футболист, даже не поднимая головы.

– Эх, ребята, глупые вы все, хотя некоторые из вас в команде уже не первый год, – вновь взял слово Бесков, но прежде взглянул на часы, которые показывали, что до начала второго тайма осталось около двух минут. – Кого вы слушаете? Вам с три короба «старички» наобещали, а вы уши и развесили. Если я уйду, команда, конечно, не развалится. Но ваши судьбы, помяните мое слово, не вверх пойдут, а вниз. Съедят вас поодиночке, а заступиться за вас будет некому. Но вы все люди взрослые и свой выбор сделали. Так что прощайте!

И Бесков первым покинул раздевалку. Следом за ним потянулись и футболисты.

Во втором тайме динамовцы только и делали, что оборонялись, даже не делая попыток наступать. А ереванцы были полны решимости забить хотя бы один гол, который сулил им победу. А она им была нужна, поскольку после нее ереванцы могли с восьмого места подняться на четвертое – а это еврокубковая зона. В итоге тот самый Заназанян, который в перерыве костерил главного арбитра в судейской комнате за его судейство, забил-таки мяч в ворота Пильгуй. Так по матч и закончился. И в том сезоне московские динамовцы вместо 2-го места заняли... 10-е. Зато команда освободилась от своего тренера – Бесков подал в отставку.

4 октября 1973 года, пятница, Москва, Скатертный переулок, Управление футбола Спорткомитета СССР

И теперь, сидя в кабинете Зольского, Кожемякин мысленно воскрешал в памяти эпизоды того собрания в раздевалке и пока еще плохо себе представлял, зачем ему сегодня про него напомнили. Но хозяин кабинета не собирался играть с футболистом в «кошки-мышки», поэтому вновь взял слово:

– Здесь, в Спорткомитете, как и у вас в «Динамо», тоже не все жаждут возвращения Бескова. Поэтому нам всем надо объединиться, чтобы не допустить такого варианта.

– Как это объединиться? – поднял голову Кожемякин.

– Собери своих товарищей – из тех, кто считается учеником Бескова. Объясни им ситуацию и сагитируй поддержать нашу позицию. Мы ведь сложа руки сидеть не будем – напишем соответствующую петицию руководству. Но наших голосов для этого может не хватить. Мы кто – чиновники. А вот если против Бескова сплоченно выступают футболисты, да еще молодые, из числа его учеников, вот тогда ему придется несладко. Тогда его на пушечный выстрел не допустят ни к сборной, ни к «Динамо». Теперь тебе понятно?

В качестве ответа Кожемякин молча кивнул головой.

– Вот и молодец! – не скрывая своего удовлетворения, произнес Зольский. – Впрочем, я никогда в тебе и не сомневался. Ты парень хваткий – далеко пойдешь, если будешь нужных людей держать. Я, к примеру, для тебя человек нужный. А вот Бесков, наоборот – он уже стреляный патрон. Так что я на тебя надеюсь, Анатолий – не подведи.

4 октября 1973 года, пятница, Москва, Васильевская улица, у Дома кино

Супруги Бесковы вышли из Дома кино на Васильевскую улицу под ручку. Настроение у обоих было прекрасное. Только что они были на премьере фильма Эдмонда Кеосаяна «Мужчины», где после просмотра зрители встретились с творческим коллективом, создавшим эту замечательную комедию.

– Знаешь, Лера, никогда бы не подумал, что Кеосаян может снять такое прекрасное кино, – сообщил супруге Бесков. – Ведь он до этого снимал совершенно другие фильмы, которые к этому не имеют никакого отношения.

– А вот здесь я с тобой не соглашусь, дорогой, – нежно прижимаясь к мужу, возразила Бескова. – Уже в «Стряпухе» был виден его потенциал. А про «Неуловимые мстители» сам зритель все сказал – эти фильмы побили все мыслимые кассовые рекорды в нашем кинематографе. Это настоящие шедевры в приключенческом кино. Даже наша дочь, дама взрослая во всех отношениях, и то с удовольствием смотрела, как дети картинно гарцуют на лошадях и дерутся. Нет, у Эдика всегда получаются прекрасные картины, в каком бы жанре он не работал. Кстати, у тебя короткая память, дорогой. Ты забыл, как в 67-м ты повел своих футболистов именно на «Неуловимых» и что после этого было.

– Мы стали побеждать, – ответил Бесков и его лицо озарила счастливая улыбка – эти воспоминания всегда доставляли ему удовольствие, поскольку отсылали его во времена работы в столичном «Динамо», да еще на начальном его периоде.

Ретроспекция. 25 мая 1967 года, четверг, Москва, Садовая-Триумфадная, 4/10, квартира Бесковых; 26 мая, пятница, кинотеатр «Россия»

Бесков сидел у себя дома в кресле и листал газету «Московская кинонеделя». Сидевшая у телевизора жена, видя какое удрученное у него при этом лицо, спросила:

– Что ты мучаешься?

– Никак не могу выбрать фильм, на который я должен сводить своих ребят.

– Опять решил разнообразить тренировочный процесс?

– А что остается делать, если команда находится в безобразном состоянии – в шести последних матчах только одна победа и пять ничьих.

– Но вы же на втором месте? – удивилась жена.

– Такими темпами мы скатимся на восьмое – нам в затылок дышат сразу пять команд, отстающие от нас всего на одно-два очка. Еще пара-тройка таких наших осечек и пиши пропало.

– Поэтому ты решил сводить своих игроков в кино?

– Именно – хочу показать им что-то духоподъемное. Ты же помнишь, как я пять лет назад сводил игроков ЦСКА на «Великолепную семерку», после чего они стали рвать всех подряд, да еще и с крупным счетом. У «Локомотива» выиграли 4:0, у ростовского СКА 2:0, у «Зенита» опять 4:0. Вот какое было кино! Или, например, «Подвиг разведчика» – его я, кажется, показывал торпедовцам в конце 50-х. Сейчас такие фильмы уже не снимают.

– Кто тебе такое сказал?

– Я сам вижу, – и Бесков взмахнул газетой, зажатой в руке.

– Ничего ты не видишь, – не скрывая своего недовольства, произнесла жена. – Эдмонд Кеосаян только что снял кино не хуже твоей «Великолепной семерки». Называется «Неуловимые мстители». Идет уже около месяца по всей Москве.

– Так это же детское кино! – удивленно воскликнул Бесков.

– Можно подумать, что «Семерка» это кино для взрослых?! Да большая часть аудитории, которая на него ходила – подростки.

Выслушав аргументы жены, Бесков снова раскрыл газету и стал искать кинотеатры, где шли «Неуловимые мстители».

– Действительно, они идут почти везде, – произнес он спустя какое-то время. – Вот, например, в «России» завтра сеансы хорошие.

– Вот и своди туда своих ребят, благо директора кинотеатра ты хорошо знаешь. А пока не мешай мне смотреть телевизор.

Утром следующего дня Бесков приехал в Новогорск, где находилась команда московского «Динамо» и объявил:

– Сегодня тренировки не будет. Вместо нее мы пойдем в кино.

– Куда пойдем? – спросил Лев Яшин, сидевший на диване с газетой в руках.

– В кинотеатр «Россия», где будем смотреть фильм «Неуловимые мстители». Никто еще не видел? Впрочем, даже если кто-то и видел, посмотрит еще раз.

– Может, лучше сходить на «Спартак» – классное кино? – подал голос кто-то из футболистов.

– «Спартак» тебе будет в чемпионате, причем и московский, и ереванский, – съязвил Бесков.

– Тогда можно сходить на польский фильм «Лекарство от любви» – говорят, отличная детективная комедия, – раздался с галерки голос еще одного знатока кинематографа. – Там Калина Ендрусик главную роль играет – шикарная актриса.

– На этот фильм ты с женой сходишь, когда у тебя свободное время будет, – ответил Бесков. – А сегодня мы идем на «Неуловимых мстителей». Хорошее советское кино, причем духоподъемное – после него вы вряд ли захотите дальше проигрывать, глядя на то, какие кульбиты выделывают дети. Так что собираемся – автобус нас уже ждет.

Всю дорогу футболисты хохмили над этой поездкой, причем, делали это беззлобно. Все-таки поход в кино был во сто крат интереснее, чем беготня по зеленому газону за мячом. Да и давненько такого не было в их команде – чтобы они вместе выбирались куда-нибудь в город. Поэтому настроение у всех было приподнятое.

Не испортилось оно и во время просмотра картины. Зал на ней хоть и не был забит под завязку – все-таки день был будний, но взрослых было не меньше, чем детей. Многие из зрителей, конечно же, узнали футболистов, особенно Льва Яшина и Игоря Численко, и в фойе выстроились за автографами. А во время показа многие футболисты реагировали на сюжетные перипетии фильма не менее активно, чем дети, сидевшие на соседних рядах. Глядя на

это, Бесков радовался – ему хотелось, чтобы его игроки заразились приключенческим ритмом этой картины и сохранили это настроение на как можно продолжительное время. И это желание тренера полностью сбылось.

Спустя три дня после этого киносеанса динамовцы вышли на очередную игру – против ЦСКА. И победили 2:0. После чего обыграли ташкентский «Пахтакор» и алма-атинский «Кайрат» с одинаковым счетом 4:0, сыграли вничью с «Зенитом», обыграли минское «Динамо» 2:1. И возглавили турнирную таблицу, набрав 22 очка (у их киевских одноклубников было на два очка меньше). Вот к какому результату привел, казалось бы, рядовой поход всей команды в кино, организованный для нее тренером Константином Бесков – большим специалистом по части оригинальных подходов в тренерском деле.

4 октября 1973 года, пятница, Москва, Васильевская улица, у Дома кино

– Константин Иванович! – услышали супруги чей-то возглас, когда подходили к своей «Волге».

Они обернулись, и увидели, спешащего к ним из Дома кино мужчину – это был кинорежиссер Виктор Садовский. Автор прекрасных спортивных фильмов, среди которых у Бескова был особенно любимый – «Удар! Еще удар!» про футболистов ленинградского «Зенита» (в фильме команду зашифровали под «Зарю»).

– В чем дело, Витя? – спросила режиссера жена Бескова, держа в руках ключи от машины – за руль сегодня собиралась сесть именно она.

– Чуть было вас не упустил, заговорившись с Кеосаяном, – сообщил Садовский, подходя к супругам и переводя дух.

– Небось нахваливал его «Мужчин»? – догадалась Бескова. – Мы тоже хотели подойти и поздравить, но там выстроилась такая толпа, что мы бы просто не дождались.

– Да, отличное кино – настоящий прорыв в этом жанре, – произнес режиссер. – Но я догнал вас не за этим. Я сейчас в простое и выбираю тему для будущего фильма. И, кажется, придумал – это будет картина о футболе.

– А ты знаешь такую поговорку: в одну реку дважды войти невозможно? – вступил в разговор Бесков и лукавая улыбка тронула его губы.

– Думаешь, что лучше «Удара» мне уже ничего не снять? – режиссер сразу догадался о том, на что намекает тренер.

– Лучше ты еще снимешь, но только не о футболе, – объяснил свою мысль Бесков.

– Может быть, ты и прав, но наверху уже согласились с моей заявкой – это будет фильм про нашу сборную.

– Во как! – удивился Бесков. – И о чем ты будешь снимать?

– О том, как наши футболисты готовятся к очередному чемпионату мира под руководством нового тренера.

– Горянского что ли?

– Нет, его наверняка снимут, а поставят тебя.

– С чего ты взял? – еще сильнее удивился Бесков.

– Слухами земля полнится, Константин, – с хитрым блеском в глазах произнес режиссер. – Я когда принес наверх заявку, мне так и сказали: как же ты вовремя.

– Что ты имеешь в виду? – вновь вступила в разговор жена Бескова.

– А то, что в определенных кругах уже решили сделать твоего мужа старшим тренером сборной и эту директиву негласно спустили и к нам. То есть, мы должны включиться в процесс популяризации нашей сборной с новым тренером во главе.

– А главную роль в фильме ты хочешь предложить мне – ну, чтобы ни у кого не было сомнений, о ком именно идет речь? – спросил Бесков и опять лукаво улыбнулся.

– Нет, главную роль будет исполнять профессиональный актер, но кто именно я пока не знаю, – мотнул головой Садовский. – Зато я знаю другое: что роль жены тренера исполнит настоящая жена тренера – ты, Лерочка.

– И ты хочешь получить наше благословение? – спросил Бесков, после того как они с женой обменялись взглядами.

– Ну, что-то вроде этого.

– Тогда считай, что ты его получил, – без раздумий ответил Бесков. – Ты же знаешь, как я люблю смотреть на экране Лерочку. А она, к великому сожалению, так мало снимается.

– В таком случае, можешь считать, что ты увидишь ее в кино снова, – пообещал режиссер. – И премьеру мы отпразднуем в этом же Доме кино.

5 октября 1973 года, пятница, Москва, Ленинградский проспект, теннисный корт ЦСКА

Командующий Северокавказским военным округом Иван Мельников уже три дня был в Москве, но никак не мог пробиться на прием к министру обороны Андрею Гречко: тот был то на важном совещании, то принимал какую-то важную делегацию, то выезжал с инспекцией в войска. И только на третьи сутки командующему повезло – министр с утра отправился на теннисный корт, который он посещал два раза в неделю. Он приобщился к этому виду спорта несколько лет назад и с тех пор достиг хороших для своего возраста результатов. Что было неудивительно, учитывая тот факт, что тренировали его лучшие тренеры, среди которых была и первая советская финалистка Уимблдона Ольга Морозова, которая в 1969 году перешла в ЦСКА. Вот и в то утро, когда Мельников приехал на корт, министр играл с «уимблдонкой». Здесь же находился и его начальник охраны Евгений Родионов, к которому и направил свои стопы Мельников. Поздоровавшись с телохранителем, он спросил:

– Давно играют?

– Вам повезло – уже заканчивают, – ответил Родионов.

И действительно, спустя пять минут тренировка закончилась и министр, вытирая вспотевшее лицо полотенцем, направился в душевую. Однако, заметив Мельникова, жестом подозвал его к себе и сообщил:

– Извини, Иван Васильевич, но у тебя максимум минут пятнадцать – спешу на Старую площадь. Управишься?

Мельников утвердительно кивнул головой. После этого они зашли в комнату отдыха, где Гречко первым уселся на мягкий диван и налил в два стакана, стоявшие на столе, «Боржоми» из стеклянной бутылки. Поставив ее на стол, министр вопросительно посмотрел на гостя: дескать, начинай.

– Андрей Антонович, вы удивитесь, но я искал с вами встречи вовсе не по делам округа, – начал Мельников.

– А что, в твоей епархии все в порядке? – не скрывая своего удивления, спросил министр.

– На этот счет я составил рапорт, который передам вам в дни предстоящего совещания, а пока хочу поговорить с вами о... футболе.

При этих словах рука министра, потянувшаяся за стаканом, застыла на месте. Было видно, что Гречко ожидал всего, чего угодно, но только не этого. Зная, что министр не любит долгих пауз, Мельников продолжил:

– Хочу поговорить с вами о состоянии дел в футбольной команде ЦСКА.

– Вот тебе раз – а ты каким боком к ней отношение имеешь? – так и не взяв стакан, спросил Гречко, откидываясь спиной на диван.

– Я, как и вы, Андрей Антонович, уже более тридцати лет болею за эту команду. Потому и решился на этот разговор.

– А что, к другим людям обратиться по этому вопросу было нельзя? – глаза министра сузились, не предвещая гостю ничего хорошего. – Например, к генерал-майору Кошелеву, который является председателем Спорткомитета Министерства обороны?

– Дело в том, что тема достаточно деликатная, чтобы обращаться к Николаю Михайловичу.

– Интересно, что ты под этим подразумеваешь?

– В ЦСКА сложилась нездоровая обстановка – ряд игроков хотят «сплавить» старшего тренера Валентина Николаева. Поэтому команда в последних играх показывает столь безобразный футбол – из шести последних матчей они умудрились проиграть в пяти. Причем в двух играх это были украинские команды.

– А это ты к чему сказал?

– Дело в том, что среди смутьянов преобладают спортсмены с Украины: Капличный, Плахетко, Дударенко, Истомин. Игроки именитые, не один год играющие в ЦСКА, поэтому к их мнению прислушиваются многие их товарищи.

Гречко конечно же знал этих игроков, поскольку был активным болельщиком ЦСКА. Среди названных футболистов старожилом клуба были Владимир Капличный и Юрий Истомин, пришедшие в ЦСКА в 1966 году из киевского СКА. Из этого же клуба пришли и двое других – Владимир Дударенко и Марьян Плахетко, которые переехали в Москву в 1967 и 1968 годах соответственно.

– А откуда у тебя такая информация? – задал Гречко вопрос, который напрашивался сам собой.

– От армянских чекистов, – честно признался Мельников.

– Во как! – пуще прежнего удивился министр. – Так это они тебя ко мне направили?

– Не направили, а попросили донести до вас информацию о причинах нездоровой ситуации в нашем армейском клубе, который всего три года назад был чемпионом страны, а теперь занимает 9-е место и рискует опуститься еще ниже, хотя имеет шансы войти в пятерку, а то и тройку сильнейших. А вместо этого наши футболисты собираются сдать ближайшую игру с киевлянами.

– Это тебе тоже армянские чекисты сообщили?

– Именно, Андрей Антонович. Они по своим каналам получили информацию об этом, как и том, что Киев уже активно обрабатывает и остальные клубы, на предмет возможной сдачи матчей с их участием.

– Но ведь армяне и соврать могли – их «Арарат» сам в чемпионы метит.

– Могли, конечно, только вот не далее как вчера в Москву эмиссар из киевского «Динамо» приехал. Спрашивается: случайно ли? Видимо, хочет на здешние достопримечательности поглазеть.

– А это ты откуда знаешь?

– Кузякин из нашего минобороновского Спорткомитета сообщил, когда я с ним своей информацией поделился.

– Ему, значит, ты доверяешь, а Кошелеву нет?

– Николай Михайлович на стороне заговорщиков играет – ему Николаев в роли тренера, как кость в горле. Поэтому я напрямую к вам и обращаюсь – надо игроков приструнить, чтобы они концовку сезона нормально отыграли.

– Наивный ты человек, Павел, – усмехнулся Гречко. – Если игроки захотят, их никакими выволочками не заставишь с неудобным тренером работать. Это как в семье, которая

разваливается. А Николаев, кстати, мне самому тоже не нравится – не может он с командой управиться. Видно, староват стал – мышей не ловит.

– Значит, пусть наши матч сдают?

– Я разве это сказал? – министр, наконец, дотянулся до наполненного стакана и залпом выпил «Боржоми». – Володьку Щербицкого понять можно – его жаба душит, что он в прошлом году какой-то «Заре» чемпионский титул уступил. Потому и на Шевченко так круто отыгрался.

Министр имел в виду историю, которая случилась с первым секретарем Ворошиловградского обкома КПСС Владимиром Шевченко. Благодаря его стараниям, средненькая команда «Заря» внезапно растолкала локтями всех футбольных фаворитов и взяла «золото» чемпионата-72. И это несмотря на то, что Щербицкий подмял под себя все украинские футбольные клубы, обязав их поставлять очки флагману украинского футбола – киевскому «Динамо». Но Шевченко эту повинность нести отказался, поскольку у него были давние «непонятки» со Щербицким. Еще в 1963 году он выступил на Пленуме ЦК КПУ с критикой Щербицкого, после чего того сняли с должности председателя Совета Министров и отправили руководить Днепропетровским обкомом. Щербицкий этого не забыл и решил «вернуть должок». Тем более, что возможности для этого у него теперь были. Он было прекрасно осведомлен о закулисных делах, которые происходили в областях вокруг футбольных команд, которые участвовали в первенствах СССР, как в высшей лиге, так и в Первой. Впрочем, речь шла не только о футболе. При Шевченко, который был фанатом волейбола, на всю Украину славились мужская и женская сборные по этому виду спорта. И если бы Шевченко вошел во вкус (а он, после победы «Зари», наверняка бы в него вошел), то это грозило появлением опасного конкурента, по следам которого могли пойти и другие регионы Украины. Щербицкий этого явно не хотел. Он разделял идею, что в его вотчине должен был быть один футбольный флагман, который базируется в центре, в Киеве. Все остальные должны были на него работать. Поэтому было принято решение «задавить» возмутителя спокойствия, поймав его на нарушениях, которые были во многих регионах, но им это сходило с рук, а Шевченко не сошло.

Спонсором «Зари» выступал Ворошиловградский тепловозостроительный завод имени Октябрьской революции. Футболисты расписывались в ведомости за положенную им зарплату в 180 рублей плюс 120–150 премиальных. Короче, не бедствовали. А вообще это была обычная практика во всех регионах – руководители областей, республик, Союза подкармливали «любительский» спорт со стола промышленности. На этом крючке все были подвешены. Но за него не дергали, пока человек был лоялен к власти. Впрочем, там и нарушений было в избытке. Например, в Ворошиловградской области присваивались деньги, которые местные чиновники незаконно собирали с предприятий. Поборы делались якобы для выплат спортсменам, но львиная доля оседала в карманах обкомовцев.

Расследование началось с Кадиевки, где первый секретарь горкома Николай Билым был лучшим другом Владимира Шевченко. Было установлено, что несколько футболистов местной команды зачислены на ряд предприятий, где их никто никогда не видел, но им выплатили аж 130 тысяч рублей. Причем руководители настолько привыкли к таким схемам, что перестали бояться проверок. Даже шофер первого секретаря горкома числился в швейном ателье и там получал зарплату. Ниточка потянулась к другим злоупотреблениям. Сотрудники Кадневского горкома собирали с предприятий деньги не только на спорт, но и на ценные подарки для старых большевиков, ветеранов войны, инвалидов, вдов погибших и половину из собранного прикармливали.

В результате расследования по Кадиевке к уголовной ответственности было привлечено 10 человек. Среди них первый секретарь горкома партии Билым, второй секретарь Гнездилов, заведующий отделом пропаганды и агитации горкома Погреба. В результате их дей-

ствий было расхищено более 200 тысяч рублей. Билыма осудили на 12 лет лишения свободы, Погребу – на 10, Гнездилова (его вина была намного меньше) – на три года лишения свободы условно. Первого секретаря через четыре года амнистировали, а завождем пропаганды скончался в лагере...

Проверки в других городах области показали, что более 600 предприятий зачислили спортсменов на несуществующие должности. Бывало, что в зависимости от нужности спортсменов «трудился» на двух и даже трех рабочих местах. «Подснежники» пользовались путевками на курорты, получали премии и 13-ю зарплату. А ведь, кроме того, они получали зарплату и от Спорткомитета.

Все делалось по распоряжению обкома, точнее, по личному распоряжению Шевченко. О том, что рабочие трудятся «за того парня», на предприятии знали только его директор, бухгалтер и табельщица, которая оформляла фиктивные наряды. Все остальные считали, что спорт в стране любительский. И конечно, посвященные были в горкомах и обкомах. Они собирали деньги и тщательно соблюдали секретность, не оставляя никаких следов в виде расписок в ведомостях. Так что следователям пришлось повозиться, чтобы доказать, как действовала законспирированная цепочка.

Дважды в месяц сборщики (всего их было 14–16 человек) получали у руководителей предприятий аванс и зарплату в расчете на количество закрепленных за ними спортсменов. Затем деньги передавали заместителю председателя облисполкома. У него оседала примерно половина полученной суммы. Эти деньги обкомовская и облисполкомовская верхушка пропивала вместе с начальником областного КГБ на загородной даче обкома партии в поселке Счастье. По выходным туда съезжались «поиграть в волейбол» – это так называлось.

Начальникам спортивных команд отдавали то, что оставалось. Больше всего перепало футбольной команде «Заря». Огромные суммы тратились на переманивание лучших игроков из других команд. Искали перспективных игроков везде – вплоть до Дальнего Востока. На командировки деньги тратили, не считая. А когда находили, кого искали, то обеспечивали квартирами, устраивали быт, оформляли на работу жен.

Когда «Заря» выезжала на соревнования, на место высылали авангард – начальников шахтоуправлений или строительных организаций. Перед выходом футболистов на поле он появлялся в раздевалке и на глазах у всех доставал из портфеля пакет с деньгами: «Братишки, прошу вас: надо выиграть. Выиграете – и все, что в пакете, ваше». А там было ни много ни мало пять тысяч рублей. И это в то время, когда шахтер-бурщик первой категории в месяц получал всего лишь 400 рублей. А футболист за одну игру получал минимум по 300, не считая нескольких зарплат.

Следом за Ворошиловградом инспекторы должны были отправиться в Донецк с такой же проверкой (чтобы ударить по тамошнему «Шахтеру», который тоже вел себя слишком строптиво), но в дело вмешалась Москва – отменила эту ревизию. Видимо, посчитала, что Щербицкому хватит крови одного Шевченко. Кстати, последнего защитил лично Брежнев. Он не позволил передать дело в суд, хотя первому секретарю инкриминировали злоупотребления на сумму свыше 600 тысяч рублей. На первого дал обширные, на 300 листах, показания его заместитель. Ему было легко восстановить все события по дневнику, куда он записывал все указания своего шефа и суммы, которые проходили через их руки. В заключение своих собственноручных показаний этот человек написал: «Я подлежу расстрелу, но прежде надо расстрелять первого секретаря обкома партии Шевченко В. В.». Расстрелять он просил и замешанного в деле председателя облсовпрофа, который был однофамильцем первого секретаря.

Щербицкий велел снять копию этих показаний и отправить в Москву с просьбой, чтобы президиум ЦК КПСС решил вопрос об аресте Шевченко. Через три с лишним месяца оттуда пришло указание, чтобы опальный партработник в трехдневный срок выехал из обла-

сти и устроился на работу за ее пределами. Таким образом, вместо тюрьмы Брежнев отправил проштрафившегося Шевченко в ссылку. Не расстреляли, несмотря на его просьбу, и даже не привлекли к суду ни второго секретаря, ни председателя облсовпрофа: раз главного обвиняемого вывели из дела, значит, нельзя привлечь и его ближайшее окружение. За них отдувались руководители второго эшелона.

Напомнив Мельникову эту историю, Гречко продолжил:

– У меня к Щербицкому претензий нет, но если речь идет о сговоре, то здесь дело принципа. Пусть сговаривается с кем угодно, но только не с моей командой. Причем за полторы недели до моего семидесятилетнего юбилея. Когда у них игра?

– Через три дня.

– Хорошо, я позвоню в наш Спорткомитет и взгрею их по первое число. Если они Киеву проиграют, то сорву с них погоны и отправлю служить в Кушку. А футболисты-заговорщики будут месить грязь где-нибудь во второй лиге в седьмой зоне.

Сказав это, Гречко бросил взгляд на часы, которые висели на стене, что означало – аудиенция закончена. Министру надо было еще принять душ и переодеться в свой маршальский мундир, чтобы успеть на Старую площадь, где у него была назначена встреча с Брежневым.

5 октября 1973 года, пятница, Киев, Владимирская, 15, ГУВД Киева, уголовный розыск; проспект 40-летия Октября, гостиница «Мир»

Влас Оленюк вышел из здания ГУВД и направился в сторону улицы Ленина. Маршрут у него сегодня был длинный – ему предстояло в течение дня объехать все киевские гостиницы, которых в городе было полтора десятка. Это мероприятие вытекало из логики расследования дела об убийстве Лазаря Луцкого. Оленюк рассуждал просто. Если предполагаемый убийца приехал в Киев из Москвы, то столоваться он мог двумя способами: либо частным порядком (у кого-то из своих знакомых), либо официальным (остановившись в гостинице). Первый вариант проверить было невозможно, зато второй вполне по силам – для этого надо было посетить все столичные гостиницы. Впрочем, когда сыщик высказал свою идею начальнику 2-го отдела Петру Маринину, тот, дымя сигаретой, скептически заметил:

– Жиденькая у тебя версия, Влас, с этим «боксером». Не факт ведь, что это именно он побывал в квартире у массажиста.

– А оперативное чутье на что, Петр Мартынович? – удивился сыщик. – Да и бутылку «Московской», которую у Луцкого обнаружили, продавщица опознала – именно она ее ему продала.

– Такую бутылку в этом же магазине мог купить и кто-то другой, – продолжал сомневаться Маринин.

– Но время-то совпадает именно у «боксера»: в начале второго он купил водку, а спустя примерно сорок минут был убит Луцкий. А идти от магазина до его квартиры всего десять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.